

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

2023 – 1

Издается с 1972 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 9.2

МОСКВА 2023

DOI: 10.31249/rva/2023.01.00

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Отдел Азии и Африки

Редакционная коллегия серии
«Востоковедение и африканистика»:

В.С. Мирзаханов – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, главный редактор,
А.В. Гордон – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, зам. главного редактора,
Д.В. Михель – д-р филос. наук, ИНИОН РАН, ответственный секретарь,
Д.М. Бондаренко – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, ИАФР РАН,
Т.К. Кораев – канд. ист. наук, ИСАА МГУ,
М.С. Мейер – д-р ист. наук, ИСАА МГУ

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика» // Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities: Domestic and Foreign Literature». Series 9: «Oriental and African Studies». До 2021 г. выходил под названием: Реферативный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика». Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ISSN 2219-8822

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМАЦИИ. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

- Гордон А.В. Постколониальный синдром во Франции: протестные выступления арабо-африканской молодежи пригородов (осень 2005 г.) 5

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

- Пряжникова О.Н. Миграция в Южной Африке. (Рецензия) 30
Демидов К.Б. Арабский Восток: конец неоллиберализма. Что дальше? 38

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

- Кудаяров К.А. Иностранные инвестиции в горнодобывающую отрасль Кыргызстана 63
Алексян Л.М. Региональная политика Грузии на современном этапе: итоги и новые тенденции. (Рецензия) 74

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

- Чайников Ю.В. Космополитизм и глобальная экономика: наблюдения Кимберли Чон в китайской фабрике знаний 80
Мозиас П.М. Межпровинциальное неравенство и региональная политика в Китае 98
Михель Д.В., Михель И.В., Малиновская О.Г. Санитарные реформы в Шанхае (вторая половина XIX – начало XX в.) 127

CONTENTS

FORMATIONS. CIVILIZATIONS. GLOBALIZATION

- Gordon A.V. French Postcolonial Syndrome: Rebellion of Arab-African Youth in French Suburbs (Fall 2005) 5

AFRICA. NEAR AND MIDDLE EAST

- Pryazhnikova O.N. Migration in Southern Africa. – Book review 30
Demidov K.B. The Arab Region After the Fall of Neoliberalism.
What is to Come? 38

CENTRAL ASIA AND THE CAUCASUS

- Kudayarov K.A. Foreign investments in the mining industry of
Kyrgyzstan 63
Aleksanyan L.M. Regional Policy of Georgia at the Current Stage :
Results and New Trends. Book Review 74

SOUTH, SOUTHEAST AND EAST ASIA

- Chainikov Yu.V. Cosmopolitanism and the Global Economy:
Kimberly Chong's Notes from China's Knowledge Factories 80
Mozias P.M. Intraprovincial Inequality and Regional Policy in
China 98
Mikhel D.V., Mikhel I.V., Malinovskaya O.G. Sanitary Reforms in
Shanghai (second half of the nineteenth century – beginning of
the twentieth century) 127

ФОРМАЦИИ. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

ГОРДОН А.В.* ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ СИНДРОМ ВО ФРАНЦИИ: ПРОТЕСТНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ АРАБО-АФРИКАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПРИГОРОДОВ (ОСЕНЬ 2005 г.)

Аннотация. События осени 2005 г. рассматриваются в аспекте колониального наследия Франции. Ставится вопрос о репродуцировании фантомов колониальной ситуации в жизни выходцев из африканских колоний Франции и значении этих архетипов как мобилизационного фактора протестных выступлений. Отмечаются этнизация и локализация социального протеста в условиях деиндустриализации французской экономики и деградации положения в промышленных пригородах. Вандализм в действиях молодежи объясняется чувством политической изолированности и стремлением выразить свою фрустрацию. Начавшиеся в Парижском регионе поджоги машин и общественных зданий распространились на 300 коммун в четырех департаментах Франции. Выступления, в которых участвовали десятки тысяч молодых людей, продолжались три недели и стали крупнейшим в современной истории страны восстанием против социального отчуждения и расовой дискриминации.

Ключевые слова: молодежные выступления осени 2005 г.; постколониальный синдром; расовая дискриминация; парижские пригороды; арабо-африканская иммиграция.

GORDON A.V. French Postcolonial Syndrome: Rebellion of Arab-African Youth in French Suburbs (Fall 2005)

* Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Abstract. The events of autumn 2005 are examined from the perspective of France's colonial legacy. The question of the reproduction of phantoms of the colonial situation in the lives of migrants from French African colonies and of the significance of these archetypes as a mobilizing factor for protest actions is raised. The author observes and comments on the ethnicization and localization of social protest in the context of the deindustrialization of the French economy and the degradation of the industrial suburbs. Vandalism in the actions of young people is explained by a sense of political isolation and a desire to express their frustration. The arson attacks on cars and public buildings that began in the Paris region have spread to 300 communes in four departments of France. The protests, involving tens of thousands of young people, lasted for three weeks and were the largest uprising against social exclusion and racial discrimination in the modern history of the country, which were targeting the immigrant outskirts of large cities.

Keywords: riots of young people (autumn 2005); postcolonial syndrome; racial discrimination; Parisian suburbs; Arab-African immigration.

Для цитирования: Гордон А.В. Постколониальный синдром во Франции : протестные выступления арабо-африканской молодежи пригородов (осень 2005 г.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 1. – С. 5–29. DOI: 10.31249/rva/2023.01.01

С 1990-х годов в населенных мигрантами пригородах городских агломераций Франции происходили спорадические беспорядки. Начинались они обычно с убийства полицейскими при преследовании какого-нибудь малолетнего злоумышленника, угнавшего машину или совершившего иное правонарушение. Молодежь пригорода выражала протест поджогом машин и другими актами вандализма, вступая в стычки с полицией. Подобная история завязалась 27 октября 2005 г. в расположенном в 14 км от Парижа небольшом (28 тыс. жителей) городке Клиши-су-Буа (департамент Сена-Сен-Дени), где трое подростков, испугавшись полицейского патруля, забрались в трансформаторную будку, что для двоих закончилось смертью от электрического разряда. Подростки не совершили никакого преступления, что и спровоцирова-

ло немедленную реакцию возмущения. Уже ночью в городке загорелись первые машины, поджоги продолжались в последующие ночи, а подростки вступали в стычки с полицией и пожарными.

«Возможно, – пишет О.В. Зегонов (МГИМО), – волнения ограничились бы одним-двумя кварталами, десятком сожженных автомобилей и несколькими пострадавшими – т.е. все прошло бы по типичному сценарию, – если бы министр внутренних дел публично не раз не назвал зачинщиков беспорядков “отбросами” и если бы в помещение мечети не влетела полицейская граната со слезоточивым газом» [7, с. 25].

Благодаря курсу на «нулевую терпимость» к правонарушениям, обернувшуюся жестоким обращением полиции с молодежью пригородов, и громогласным заявлениям о наведении там порядка посредством «санитарной чистки (nettoyer au Kärcher)», в пригородах не было более ненавистного персонажа, чем тогдашний министр внутренних дел Николя Саркози. Сказать больше, эта ненависть оказалась фактором, объединившим молодежь пригородов, создав охватившую весь Парижский регион базу для выступления. Таковую же роль сыграла злополучная граната, подброшенная к переполненной по случаю Рамадана мечети в Клиши 30 октября. Уже на следующий день пламя пожаров охватило ближайшие города департамента Сена-Сен-Дени, а 1 ноября оно распространилось на четыре департамента Парижского региона.

Всего протестными выступлениями было охвачено более 300 коммун. Сожжено около 10 тыс. авто, повреждены 255 школ, 233 здания госучреждений, 51 почтовое отделение. Общий материальный ущерб оценивался в 200–300 млн евро. Не считая двух подростков из Клиши, жертвой оказался один француз-пенсионер, попытавшийся погасить подожженный мусорный бак. Полиция задержала 6 тыс. участников выступлений, 1300 были арестованы. Правительственным декретом 9 ноября вводилось чрезвычайное положение (чего не было со времен Алжирской войны). Порядок был восстановлен лишь к 17 ноября [24].

Перед судом в Бобиньи (парижский пригород, один из центров выступлений) предстали 86 участников. По их именам и фамилиям исследователи установили этническую базу выступлений: 55,5% – «магрибинского происхождения», 23,5% – из Тропической Африки. В большинстве это были подростки 16–18 лет, не имев-

шие криминального прошлого. Юноши из «стабильных, но нуждающихся семей» [44].

События 2005 г. вызвали многочисленные отклики во французской и зарубежной прессе, за которыми последовал мощный поток аналитической литературы. Значительная ее часть сфокусирована на установлении связи событий с колониальным прошлым Франции, выразителями которой явились участники выступлений. Многие увидели в событиях тень имперского владычества, которая поразила современную Францию подобно «бумерангу», свидетельствуя об ограниченности французского универсализма. «Страна универсальных ценностей», по определению Иммануила Валлерстайна [53], могла бы предложить креативную форму мультикультурализма, но споткнулась на «восходящем к якобинству унитаризме и государственном лаицизме (the founding myths of Jacobinism and state secularism)», как отчетливо продемонстрировала кампания против ношения хиджаба. «Ностальгия по имперскому владычеству и иллюзия считать себя по праву рождения наследницей Просвещения, – отмечает философ и политический деятель Этьен Балибар, – воспрепятствовали какому-либо самокритичному анализу в отношении социальных и культурных последствий деколонизации» [14, p. 53].

Начиная колониальную экспансию, французы были уверены: будучи наследниками Просвещения они смогут выполнить цивилизаторскую миссию среди народов, которые находятся на более низкой стадии развития, избавив их от варварских обычаев и даровав прогрессивные идеи и универсальные культурные ценности. И подобно тому как от колонизованных ожидали благодарности за блага цивилизации, от выходцев из французских колоний господствующее общественное мнение страны требует благодарности за предоставление им гражданства. Иммигрантам предоставляется нечто вроде испытательного срока, в течение которого они должны примерным поведением подтвердить право жить в цивилизованной стране и пользоваться теми благами, что дает статус ее полноценного гражданина.

«Одни требуют прав, другие выдвигают вперед ненадлежащее (la non-conformité) поведение первых и обуславливают допуск к правам принятием и выполнением ряда определенных обязательств». Так легитимно, с точки зрения общественной морали,

возродился в постколониальной Франции призрак отношений господства и подчинения, считает французский социолог Жюльен Реми [48, р. 257–272].

Проявление имперско-цивилизационного высокомерия бросилось в глаза и другим, особенно инокультурным наблюдателям, следившим за реакцией французского общественного мнения. Характерно наблюдение офицера-россиянина Евгения Ворожцова, проходившего курс обучения в парижской Высшей национальной школе полиции. «Все иностранцы, долгое время прожившие во Франции, в один голос отмечают, что поведение французов отличается подчеркнутым чувством превосходства. Я считаю, что такое поведение существует и запрограммировано на глубоком уровне. И связано оно в первую очередь с тем, что жители Франции привыкли ощущать себя центром огромной мировой империи/.../. Именно французский менталитет в действии мы видим на примере нелицеприятных высказываний министра внутренних дел в адрес участников беспорядков. Любой разумно мыслящий человек понимает, что такие слова нельзя говорить чиновнику столь высокого ранга, тем более в той ситуации, в которой они были сказаны. Однако министр не только их произнес, но и считает, что поступил правильно. И это естественно, ведь французский менталитет такие высказывания не считает недозволенными» [1].

Значение ментальности в событиях бросилось в глаза многим наблюдателям, которые указали на роль культурно-психологических факторов в действиях тех, кто был уязвлен навязчивым чувством цивилизационного превосходства, демонстрируемого или подспудно содержащегося в толще французского общества. Арабо-африканскую молодежь пригородов исследователи увидели приниженной не только социально-экономически, высоким уровнем безработицы и деградацией окружающей городской среды, но и своей гражданской неполноценностью, в результате чего выходцы из колоний воспринимают себя презираемой и угнетаемой частью общества. В таком репродуцировании комплекса неполноценности, называемого «колониальной травмой», обнаруживают и самую одиозную сторону наследия колониализма, и самую глубокую основу бунтарских выступлений.

В понимании «колониальной травмы» реанимировалось творчество деятелей французской культуры, посвятивших себя

борьбе с колониализмом (Франц Фанон, Альбер Мемми). Франца Фанона с его всемирной известностью не без основания считают предтечей современных «постколониальных исследований», и закономерно, что, по свидетельству одного из этих исследователей, его «не перестают открывать вновь и вновь» [51, р. 222]. Принципиальное значение сохраняет его критика европоцентризма, монологичности европейского образа мысли с уверенностью в праве Европы «думать за другого» [42, р. 435]. Потребность понять «европейское другое» становится в настоящее время насущной, привлекая, в частности, внимание к «постколониальному» идейно-мировоззренческому течению в академическом пространстве. «Постколониальное, – формулирует африканист, почетный профессор Университета Париж-7 (Дидро) Катрин Кокери-Видрович, – не период, это плюрализм мышления, способного к переосмыслению прошлого для понимания настоящего, обремененного (swollen) многообразием наследия (a diverse array of legacies)»¹.

Во французской интеллектуальной среде долгое время существовало, не исчезнувшее и донныне, неприятие «постколониальных исследований» именно потому, что в признании такого многообразия находят угрозу национальному единству, а оценка колониального прошлого и особенно войны в Алжире выливается в острую схватку общественно-политических сил, как показала судьба закона 23 февраля 2005 г., ст. 4 которого о признании «положительной роли заморского присутствия Франции, в частности в Северной Африке» была после многочисленных протестов исключена в январе 2006 г. по требованию президента Ширака.

В анализе Французского Алжира Фанон отталкивался от понятия «колониальная ситуация» как особого состояния колониального общества, расколотого надвое, при котором части вступают в отчаянную конфронтацию друг с другом. Это – «манихейский мир», и сознание участников такой конфронтации обременено картиной мира, искаженной отношениями господства и подчинения. Подобное, «манихейское» сознание Фанон называл «ложью колониальной ситуации»².

¹ Coquery-Vidrovitch C. Post-colonial studies in French Academy [21, p. 246–256].

² Подробнее см.: [2].

В драме 2005 г., как мне думается, речь может идти о воспроизведении «колониальной ситуации» в фантомах «манихейского» сознания у обеих сторон конфронтации, притом что объективно алжирская ситуация 1954 г. и положение на окраинах французских агломераций 2005 г. радикально различались. Среди описанных Фаном социально-психологических феноменов обращает на себя внимание, например, выявление мучительной зависти, разновидности «ресентимента» у колонизованных в виде «грез обладания» – домами, женщинами, всеми благами европейского города, воздвигнутого на их земле. «Колонизованный смотрит на город европейца жадным, завистливым взглядом... От европейца это не укрывается, перехватывая его косой взгляд, он констатирует с горечью, но всегда тревожно: “они хотят занять наше место”» [25, р. 32].

У участников событий 2005 г. выявляется иное чувство – не завладение «городом европейца», а желание быть хозяевами в своих кварталах, представляющих «территории вне гражданства (spaces of non-citizenship)» [20], и надежда на распространение в них благ «города европейца» в виде тех прав, что Конституция Франции гарантирует всем своим гражданам. Участники мятежей хотели заявить о себе, быть услышанными и понятыми. И добивались «прав гражданства» (де-юре они в абсолютном большинстве были гражданами Французской республики) во всей полноте социальных и политических прав, «включая право заявлять свои права». Понятые в таком объеме «права гражданства» становятся для жителей иммигрантских окраин больших французских городов признанием их человеческого достоинства, сущности, самого существования. Отрицание полноправности превратило их в «граждан второго сорта» [ibid.].

Они французы по праву рождения во Франции; однако, констатируют авторы международного социально-психологического исследования, «реально к ним не относятся как к части французского общества». Скорее это «напоминает приниженный статус жителей колоний в прошлом как “туземцев” или “аборигенов” (“indigènes” or “natives”))» [39]. Характеризуя феномен бунта молодежи пригородов, поскольку он выявился еще на рубеже 1970–1980-х годов, французские социологи Кристиан Бакман и Николь Легеннек писали, что их участники «борются против безликого

врага. Против тех, кто ежедневно отрицает их существование в обществе и обрекает на безысходность». То, чего они добиваются, это внимания к их положению, признания, уважения. «Чувство безысходности и презрительное отношение – неизменные истоки ярости жителей пригородов» [13, р. 355–356].

Выражение «отчаяния, ярости и ощущение несправедливости» увидел в событиях осени 2005 г. Мишель Вивьерка [27]. «Отчаяние» становится ключевым словом в объяснении причин выступлений и их подчеркнута деструктивного характера. В свою очередь, чувство отчаяния, фиксируемое исследователями, в немалой степени обусловлено тем, что бунтующая молодежь из пригородов выросла в семьях, где уже оставили надежду о возвращении на историческую родину из-за нестабильности ситуации в странах исхода и желания сохранить те блага, кои они получили во Франции. Здесь видят радикальное отличие этого «поколения квартала (*génération de cité*)» от предшествующего «поколения беров¹», отличившегося в политической жизни Франции общенациональными манифестациями против дискриминации в начале 1980-х. Для «поколения квартала» французское общество представляет единственную реальность, и полноценная интеграция в нем становится жизненной необходимостью. Восставая, они «добивались того, в чем общество им отказало, а именно – законного права быть французами и пользоваться всеми социальными и экономическими привилегиями, которые предполагает это право». Их выступления – свидетельство безмерного отчаяния молодых людей, ощущающих, что их «раз и навсегда лишили будущего» [16, р. 842–843], констатируют французские социологи Стефан Бо и Оливье Масклет.

Понятие «поколение квартала» характеризует специфическую структуру социальной организации в виде особых кварталов пригородов, так называемых ZUS (*zones urbaines sensibles*), букв. «городских территорий повышенной чувствительности»². Категория была учреждена законом 14 ноября 1996 г., и последовавшими декретами был установлен список таких территорий числом 751,

¹ На французском аргю – человек, один или оба родителя которого являются арабами.

² В 2015 г. было принято официальное наименование «*quartiers prioritaires de la politique de la ville*», букв. «кварталы преимущественного внимания в городской политике».

включая, замечу, кварталы самих городов, в том числе в Париже 10–11 и 17–20 округов. Основанием сделались высокий уровень безработицы, низкий уровень школьного образования и деградация жилой среды. В департаменте Сена-Сен-Дени оказалось больше всего – 52 «зоны»¹.

Можно очертить известную корреляцию между наличием «чувствительных кварталов» и очагами выступлений. Среди особо отмечившихся последними в Севране таковых указано 3, в Оне-су-Буа 4, в Бобиньи даже 7. Однако преувеличивать подобную зависимость нельзя. В Обервиллье в списке ZUS значатся три «чувствительных» квартала, однако масштабных акций вандализма не было зафиксировано. То же самое можно сказать о городе Сен-Дени, центре департамента, в котором указаны 5 таких кварталов [33].

В выделении неблагополучных кварталов читается отклик властей на крайнее ухудшение положения в пригородах в последней трети XX в. Красноречиво название репортажа «Ле Монд» по свежим следам событий в пригороде Оне-су-Буа «От рая к гетто». На основе свидетельств жителей воссоздается история квартала Роза ветров, ставшего очагом акций вандализма в пригороде. Квартал был образован жилым комплексом с характерным названием Городок трех тысяч (La cité des 3000), включавшим многоэтажное сооружение на три тысячи с лишним квартир с прилегающей территорией и сферой услуг. Выстроенное в 1969 г., оно предназначалось для работников автоконцерна Ситроен. С тех пор производство автомобилей резко сократилось, смежные предприятия закрылись, жильцы остались без работы. В упадок пришла коммунальная инфраструктура. Состоятельные люди стали переселяться в собственные дома.

В начале освоения жилого комплекса новоселы-иммигранты воспринимали свое переселение из трущоб подобно обретению райских кущей, а коренных французов, воспользовавшихся дешевой этой социальной жильем, было больше, чем арабов и африканцев. Распространение токсикомании, хулиганское поведение молодежи, ухудшение жилищных условий побудили их покинуть комплекс. Деградировала сфера услуг, прежде всего общепит, приспособившаяся к вкусам и достатку мигрантов. В местной шко-

¹ URL: <https://sig.ville.gouv.fr/atlas/ZUS>

ле не осталось ни одного «белого» ребенка. Так образовалось «гетто» [18].

В этом определении одни исследователи делают упор на сегрегационную политику властей (Лоик Вакан) [52], другие (Дидье Лапейрони) [35] – на самоизоляции молодежи. Приводимые материалы раскрывают сплетение двух сторон процесса. «Мы чувствуем, что нас заперли здесь. И у нас нет ключей, они у них», – делился с интервьюером восприятием жизни квартала житель Клиши-су-Буа. «Сделано все, чтобы мы не выходили отсюда. Мы здесь загнанные (parqués)», – подтверждает его слова земляк из Клиши [34]. Такое восприятие отчетливо перекликается с образом «загона», который фигурирует в описании пространства для колонизованного местного населения у Фанона в «Проклятьем заклеенных».

«Им кажется, что их прикрепили к территории или даже зачленили (imprisoned in) в “городской зоне”, имеющей отчетливые разделительные линии между “своим” и “чужим” пространством, – замечает Дейкема Класке (Университет Гренобля-Альпы), характеризуя настроения юных жителей в одном из пригородных кварталов Лионской агломерации, где проводила исследования. Они чувствуют себя неуютно и даже потерянными, покидая свой квартал. Тем больше у них желания быть хозяевами в нем, ибо для них это весь мир. Они проводят здесь целый день, играют, едят, развлекаются, покуривая «травку» и обретая сексуальный опыт. Вытесненные из домашних стен родителями и старшими членами семьи, для которых квартира – исключительное пространство частной жизни, они «приватизируют» свой квартал. Так «общественное пространство становится их собственностью» [20].

Речь идет не о национально-гражданской идентичности, а о мировосприятии в культурно-антропологическом смысле. И потому неточно выражение: «Франция для них – это их квартал»¹. Это их микрокосм, малая Вселенная, подобно ощущениям в любой традиционной локальной общности. А по отношению к французскому обществу и государству у них формируется «негативная идентичность», как отношение к чему-то враждебному, разруша-

¹ «Франция для многих из них – это тот квартал, в котором они живут, и не больше» [7, с. 19].

ющему их социум и отрицающему их индивидуальное существование [34]. Выражением этой давящей негативности сделалась полиция, поведение которой параллельно ухудшению положения в пригородах и росту их криминализации изменилось от профилактической работы с жителями к репрессиям против правонарушителей, что, в свою очередь, отражало как сдвиги в политической сфере¹, так и ужесточение протестных настроений в молодежной среде пригородов. Такой переход ознаменовался изменением настроений французского общества: «кварталы в опасности стали опасными кварталами» [16, р. 830].

В условиях деградации положения в пригородах и смены молодежных поколений в начале 1990-х последовал новый цикл выступлений мигрантской молодежи, отмеченный переходом от мирных демонстраций к вандалистским акциям. «Между октябрём 1990 и маем 1991 г., – пишет Лоран Мюккелли, – разразилась серия бунтов, нашедших сильный отклик в общественном мнении. Отношения между молодежью кварталов и городской полицией по сравнению с летом 1981 г. вышли на новый уровень насилия. Бунты стали сопровождаться грабежом и значительными разрушениями. “Родео” отныне сделалось эвфемизмом /угона машин/. А слово “бунт” стало господствовать в публичных дискуссиях» [43, р. 49].

Протестующая молодежь оказалась в политической изоляции, что облегчило переход властей к репрессивной политике, важнейшим инструментом которой сделалась полиция. В отношении пригородов установился режим, который некоторые авторы называют «полицейской разновидностью колониального господства, как оно существовало в Алжире» [45].

Многочисленные сообщения и оценки профессионального сообщества, а полицейская тема – немалая часть всей аналитики событий осени 2005 г., позволяют говорить, что в отношениях французской полиции и населения пригородов возник квазиколониальный феномен «манихейского мира» с антагонистическим противопоставлением «мы» и «они». Фиксируется и выявленный Фаноном в колониальной ситуации феномен всепроникающего,

¹ Утверждение у власти правых политических сил, которые позиционируют себя поборниками наведения общественного порядка с повышением уровня безопасности.

будто растворенного в самом воздухе насилия (*mort atmosphérique*) [36, р. 4], которое угнетает колонизованных, которому они пытаются противостоять и которое заражает их самих, подталкивая к насилию.

Насилие стало сердцевинной отношений между полицией и молодежью пригородов, и это знаменовало перестройку полицейских структур: вместо городской полиции, подчиненной муниципалитетам и занимавшейся профилактикой правонарушений в пригородах в тесной связи с их жителями, приоритет перешел к формированию мобильных подразделений, которые ведут борьбу с преступностью и находятся в центральном подчинении МВД (*brigades anti-criminalité*). Введенные в действие в 1990-х эти бригады к началу 2000-х представляли военизированные подразделения, хорошо экипированные (шлемы, щиты), вооруженные травматическими пистолетами, электрошокерами. «Их задачей становилось уже не обследование и завоевание поддержки жителей, а поддержание порядка в (неблагополучных. – А. Г.) кварталах». Их действия в последних обрели характер «штурма (*assaut*)» [16, р. 829–830].

Военизация полиции была рациональным в глазах властей ответом на рост молодежной преступности в пригородах. Действительно, по сводкам МВД, количество зарегистрированных правонарушений в нулевых годах заметно снизилось. Однако наблюдался побочный и крайне негативный эффект. Население пригородов начало спланиваться против силовых структур, покрывать малолетних преступников, замалчивать правонарушения, отказываться от обращений в полицию в случае таковых и в то же время активно протестовать против того, что считали злоупотреблениями. А их было немало, поскольку полиция, следуя политическому курсу на «отвоевание» территорий, оказавшихся «вне правового поля (*zones de nondroit*)» [16, р. 830], действовала зачастую жестко, если не сказать жестоко. В допросы с пристрастием, с оскорблениями, а то и рукоприкладством превращались рутинные проверки документов, а число их выходило за разумные пределы. Так, вероятно сознательно, создавалась атмосфера устрашения, побуждавшая молодежь не покидать свои кварталы.

Поскольку пригороды и особенно неблагополучные кварталы сосредоточивали мигрантскую молодежь арабо-африканского

происхождения, отношение полиции почти автоматически принимало расистский оттенок. Все начиналось с «дискурса», с тех оскорблений, которые молодые люди слышали при задержании и даже при проверке документов. И за бранью отдельных полицейских скрывалось нечто фундаментальное – отношение французского общества в его большинстве к выходцам из бывших колоний как к «явлению, глубоко чуждому (*altérité essentielle*) и опасному для национального единства» [51, p. 298–343].

Поворот в общественном мнении Франции к подобному «отчуждению» иммиграции исследователи связывают с войной в Персидском заливе, когда силы коалиции во главе с США разгромили армию Саддама Хуссейна, присоединившего к Ираку Кувейт (1991), что стало для значительной части иммигрантов поводом в лице иракского правителя «солидаризоваться с поработленным и униженным арабским миром» [16, p. 831]. Тем более что сами они уже испытали различные виды унижения: в школе, в городском пространстве, в своей личной жизни. А для «непреклонных защитников республиканских принципов», констатируют Бо и Масклет, политические симпатии иммигрантской молодежи сделались поводом, чтобы заподозрить ее в нелояльности к Франции. Уже снискавшие в общественном мнении репутацию «бузотеров (*fauteurs de troubles*)», они были огульно отнесены к «мусульманскому миру», что усугубило раскол между молодежью пригородов и обществом, побудив политизированную часть ее мыслить в категориях «мы и они», «арабы и Запад», «иммигранты-французы», «бедные-богатые» [*ibid.*].

Такое наслоение этнорасового аспекта на социально-экономическую проблематику запутало политических аналитиков, левая часть которых пожелала увидеть в событиях осени 2005 г. классовый конфликт, дошедший до «восстания низших слоев общества» [53]. Правые, напротив, утрировали расовую составляющую, представляя выступления молодежи пригородов «выражением этнически или религиозно обусловленной ненависти к Западу». А политически нейтральные наблюдатели поспешили увидеть в них «бесцельное насилие» [41]. Примером абсурдного с точки зрения здравого смысла бунтарского поведения называли нападения на школы, поскольку всеобщее и бесплатное образование призвано было в глазах общества способствовать социальной мобильности.

Среди объектов вандалистских акций действительно симптоматично наличие школьных зданий. Пострадало 106 начальных школ, 92 коллежа (средняя школа), 49 лицеев [50, р. 145]. Как во времена колониализма (в том числе в описании Фанона), в постколониальной Франции школе и образованию отводилась исключительная роль в ассимиляции выходцев из колоний. И этот способ интеграции во французское общество становился подобием «воспитательной диктатуры», которая встречала особое неприятие среди учащихся арабского происхождения, задевая их самолюбие и напоминая дидактические приемы учителей в колониальной школе. «Они постоянно учат нас морали», принимая нас за «кидотов», или «относятся к нам как к детям», слышали интервьюеры [ibid.].

Другой вызывавший активное неприятие аспект – ориентирование детей из пригородов на неполное и заведомо неполноценное образование. «Нас обескураживало отношение учителей, – замечает 21-летний выходец из Алжира. – Они не поощряли нас продолжать школьные занятия, так как были убеждены, что для “черных” или “арабов” существует предел, за которым их учить бесполезно» [39].

При этом профессионально-техническое образование, на которое ориентировали молодежь пригородов, в значительной степени обесценилось, поскольку лишало возможности получить дипломы о полноценном общем образовании, которые одни сулили перспективу поступления в университеты. Тем самым радикально ограничивались для этого контингента молодежи конкурентные возможности на современном рынке высококвалифицированного труда

Наконец, даже имея дипломы, выходцы из арабо-африканской среды подвергались сегрегации. «Из сотни мной разосланных анкет я получил только три приглашения на беседу, – говорил корреспонденту «Ле Монд» 24-летний НаDIR из Обервилье. – Школа ничего не дает. Вот поэтому школы и жгут» [34, р. 445].

Курс на социальную интеграцию выходцев из иммигрантской среды посредством школьного образования давал серьезные и в случае бунтарей 2005 г. совершенно наглядные сбои. Они в своей массе отнюдь не уклонялись от обучения в школе. Среди тех, кого судил трибунал в Бобиньи, 80% были охвачены школьным образованием, большинство училось в коллежах или профес-

сиональных училищах (formation professionnelle, ВЕР-САР), некоторые в профессиональных лицеях, один в лицее общего типа. Половина не избежала второгодничества. При том лишь двое подростков систематически не посещали школу и двое ушли из школы, не получив документов об окончании [44].

Всех смутило, отмечают Бирджит Меннел и Стефан Новотны, что восставшие, вместо того чтобы заявить свои требования в каком-нибудь манифесте, начали жечь автомобили и предпринимать подобные вандалистские действия в отношении государственных учреждений. Авторы постарались увидеть в проявлениях молодежного вандализма способ артикуляции протеста, выявив некоторые особенности своеобразной субкультуры, сформировавшейся в парижских пригородах (молодежный сленг-верлан, «французский рэп») [41]¹.

Смысл вандализма повстанцев раскрывается и в других исследованиях. Кратко он формулируется так: «разрушения – это требования» [33]². Таким способом, пишет Дидье Лапейрони, «в отсутствие политических механизмов бунтарь “выражает” свое отношение к общественному порядку». Бунт, насилие, «уничтожение частного или государственного имущества» становятся единственной возможностью оказаться в публичном пространстве. «Это единственный способ заставить говорить о нас... Когда все станет спокойно, не останется ни одной (телевизионной) камеры», – заявил журналисту «Ле Паризьен» 17-летний бунтарь из Оне-су-Буа. «Хотят привлечь к себе внимание, – резюмировал 34-летний житель Монфермей. – Они говорят, если устроить панику, тогда нас не забудут». Такое же мнение выразил житель Обервилье: «Когда людей охватывает страх, политики обращают внимание и, в конце концов, предлагают решения» [34].

¹ Отмечают даже культ этой субкультуры, напоминающий российские реалии 1990-х годов. «Субкультура пригородов, – пишет О.В. Зегонов, – это и свой язык, своя музыка, свой образ жизни, противопоставляемый обществу. Субкультура доказала свою жизнеспособность и за пределами собственно пригородов: про хулиганов с окраин слагали стихи, писали песни, снимали культовые фильмы (самому известному из них – “Ненависть” режиссера Матье Кассовица – уже 10 лет), изучали жаргон, издавали словари» [7, с. 27].

² [33].

В бунтарстве, резюмирует Лапейрони, выявляется не только «эмоциональная рациональность», разрядка напряжения, выход негативных страстей. Есть также прагматизм («*rationalité instrumentale*»), надежда бунтующей молодежи на принятие мер государственной поддержки и улучшение своего положения. При этом неудача предшествовавших поколений, которые не смогли мирным протестом добиться изменений в системе, подталкивает молодежь к поиску других способов действия. «Вы говорите, устройте марш (как «поколение беров» в 1980-х годах. – А. Г.); но это ничего не дает. У нынешних поколений есть бумаги (о гражданстве), однако они не такие, как другие французы», – говорил журналисту «*Le Monde*» 40-летний житель Клиши-су-Буа. Даже если «выгоды» оказывались иллюзорными и бунтари не слишком на них надеялись, то был момент наслаждения от того, что они стали «признанными актерами» в публичном пространстве [ibid.].

Насилие сделалось для них эквивалентом «получения гражданства (*Droit de Cite*)», замечает Балибар. Он же, подобно другим аналитикам¹, обращает внимание на относительную незначительность материального ущерба и почти полное отсутствие жертв и нападений на людей («*d'agressions personnelles*»). Тем не менее, продолжает Балибар, насилие было «очень зрелищным», и зрелищность в данном случае исключительно важна, так как выражает переход протестных выступлений в «новую эру, когда средства массовой коммуникации играют роль невольных организаторов (*d'organisateurs passifs*) социальных движений» [14].

Французское и международное телевидение, продолжает Балибар, преподнесло выступления молодежи в «сценариях гражданской войны». Нельзя сказать «кто кого использовал», но благодаря такому изображению для французского общества стала явью одиозность ситуации в пригородах. «Какой бы ни была реакция на эти события, их зрелище выражает отчаянное желание заявить себя не как предмет или чей-то проект, а как экзистенциальность, постоянно игнорируемую окружающим обществом. Между тем единственным признаком существования является наличие представительства и место в медиапространстве» [ibid.].

¹ Из российских – Ю.И. Рубинский [11].

А реакция на подобное появление молодежи пригородов в СМИ была крайне противоречивой. У правых радикалов события способствовали упрочению и популяризации образа «внутреннего врага», который, как пишет О.В. Зегонов, уже до того складывался вокруг «лиц магрибской национальности». Левые представляли арабо-африканскую молодежь пригородов «жертвами системы», ее протест «легитимным». Одни акцентировали проблемы безопасности и преступности, другие бичевали « пороки общества». Однако способ действий в политических кругах не одобрял никто [7, с. 8–9].

Даже ФКП демонстрировала равноудаленность в возникшей конфронтации бунтарей с силами порядка. 2 ноября сенатор-коммунистка от департамента Сена–Сен-Дени Элиан Ассасси, пожелав «возвращения мира и спокойствия» в своем департаменте, осудила и тех, кто «вступает в схватку с полицией», и власти, сделавшие «выбор в пользу репрессий» [27].

Между тем именно политическая изоляция, отсутствие политического представительства и невозможность заявить о своих проблемах в правовом пространстве обусловили выбор мятежной молодежью вандалистских акций как средств протеста. Общество в целом оставалось безучастным, а в значительной мере даже поддерживало то насилие, которое полиция применяла к арабо-африканской молодежи пригородов. Бумеранг насилия в результате обернулся не только против власти, но и против общества.

Вандализм восставших осенью 2005 г. исторично мыслящие исследователи сопоставляют с ранними формами рабочего движения. «В XIX веке, – пишет Дидье Лапейрони, – бунтарское насилие рабочих было особенно сильным потому, что им не удалось организовать профсоюзы и выйти в политическое пространство. Оно стало исчезать, когда рабочие были признаны социальными акторами, смогли самоорганизоваться, а формы индустриальной демократии стали утверждаться» [34, р. 444].

Вероятно, еще больше сходства можно найти в традиционных крестьянских бунтах, бунтарских выступлениях крестьян в аграрных цивилизациях, где участники по определению не имели никакого политического представительства и законных средств выражения протеста. Обычно такие бунты сопровождалась разграблением и поджогом господских усадеб, притом что жертвы среди господствующего класса были немногочисленны. Общена-

циональные войны типа Крестьянской войны в Германии в XVI в., Жакерии, войн в России под предводительством Разина и Пугачева, о которых сохранилась классическая сентенция поэта о «бесмысленности и беспощадности» русского бунта; гражданские войны в Китае XVII–XX вв. можно считать исключением: многочисленность жертв здесь соответствовала радикальности намерений восставших. Локальные крестьянские бунты отнюдь не ставили целью изменение общественного порядка, а лишь сигнализировали о неблагополучии в нем. Поэтому зрелищная сторона выражения протеста выходила на первый план [3, с. 158–188], что и сближает их с выступлениями молодежи в пригородах.

Если использовать предложенную Лапейрони метафору «театра», и это важно подчеркнуть, бунтарские выступления становились зрелищем прежде всего для самих актеров. То, что Лапейрони назвал «моментом наслаждения» для бунтарей, находит отклик у различных свидетелей. Франсуаз Давис, общественный деятель из города Сен-Дени, центра одноименного мятежного департамента, не скрывает своего восхищения: «Произошедшее было радостным событием, потому что все вышли на улицу, даже люди, которые раньше не хотели говорить о достоинстве, о насилии полицейских». Мальчишки-бунтари «создали большое движение /.../. Предав огню в Сен-Дени 49 машин, они сделали то, что нам не удавалось пять или шесть лет» [33].

Подобными актами бунтари, замечает Лапейрони, указывали на причину своего выступления в виде того порядка вещей, который «цинично уничтожал их, мешая им жить». В моральном отношении бунт становился утверждением особых коллективных ценностей и новой идентичности, выраженной словами Юсефа из Обервилле, сказанными корреспонденту «Ле Монд»: «Мы не бандиты, мы бунтари» [34, р. 443].

Что это было?

С точки зрения силовых структур, которая возобладала в общественном мнении, события осени 2005 г. – мятеж криминальных структур против Республики с целью утвердить свое господство в ее части. Министр внутренних дел, руководивший подавлением выступлений молодежи пригородов изначально и категорически от-

верг версию об их спонтанности. «В том, что мы видим в департаменте Сена–Сен-Дени, нет ничего спонтанного: все было хорошо организовано. Мы заняты поиском тех, кто это организовал и как» [27], – объявил Саркози уже 3 ноября, направляя сыск по следу криминальных группировок.

Выступая в Национальном собрании 15 ноября, после восстановления порядка в пригородах и подводя итоги прошедшему, Саркози заявил, что «75–80% бунтарей были давно известные полиции преступники» и что подобные бунты скрывают «умысел тех, кто делает преступность главным средством противодействия Республике в восстановлении порядка и законов на данной территории»¹.

Криминальную версию разделяет и российский коллега: «Беспорядки совершенно не похожи на спонтанные народные волнения /.../. Основная ударная сила – это мелкие, но хорошо организованные внутри, но не друг с другом группы /.../ Это преступные шайки, связанные с криминальным бизнесом». «Именно преступные группировки стали мотором потрясшего весь мир “бунта окраин”», – заключает офицер полиции из России свои наблюдения [1].

Криминальная версия событий осени 2005 г., доминируя в общественном мнении Франции, поспособствовала главному протагонисту попасть в Елисейский дворец в 2007 г.², однако специалисты по проблемам французских пригородов подвергли ее основательной и всесторонней критике. «Бунт нельзя сводить к преступности» [34, р. 443], – сформулировал мнение профессионального сообщества Дидье Лапейрони. Криминальная версия была оспорена по частям и в целом.

Как показало изучение досье тех, кого судили в Бобиньи, сведения о «бунтарях-рецидивистах», представленные Саркози, были сильно преувеличены. Оказалось, что менее половины судимых имели до этого дело с юстицией, причем часть их по вопросам опеки и субсидий, так что только треть подсудимых задерживали по уголовным делам, да и то небольшим по своей тяжести [44].

¹ AFP, 15 novembre 2005.

² По обследованиям общественного мнения, 68% французов одобрили действия Саркози во время бунта, притом что 53% молодежи 15–24 лет осудили оскорбления в адрес молодежи пригородов [47, р. 58].

Связь выступлений с локализованными криминальными структурами оказалась умозрительной. Действительно, в пригородах распространена неформальная экономика, а получивший развитие в контексте деиндустриализации мелкий бизнес стал процветать, обратившись к наркоторговле, торговле контрабандным товаром, краденым имуществом, включая угоняемые машины, и иным противозаконным предприятиям. Однако собственно к выступлениям молодежи причастность неких заправил криминального бизнеса не была обнаружена. И как резонно заявляли участники, зачем «мафиози» привлекать поджогами внимание полиции к своей территории? [38].

Нельзя согласиться, считают исследователи, и с обвинениями бунтарей в покушении на целостность Республики с «коммунитаристских позиций», под чем подразумевается противопоставление республиканским институтам шариата и мусульманских обычаев. Между тем служители ислама устранились от выступлений и их участников, а последние объясняли свое поведение нарушением со стороны властей и особенно полиции своих прав, закрепленных Конституцией и принципами Республики.

«Вопреки растущей тревоге во французском обществе, — пишет социолог Лоран Мюккелли, — артикуляция современных бунтов исключает как коммунитаризм, так и обособление от демократических норм, принятых в глобальном обществе. Молодежь “иммигрантского происхождения”, участвующая или не участвующая в бунтах, не требует для себя особых прав, отличных от тех, которыми живет национальное сообщество. Они хотят полноценно участвовать в этой жизни на основе общих правил, учитывающих относительную специфичность их положения» [43, р. 49].

Это понимали и власти. Провозглашая грандиозную программу реновации пригородов на 2004–2008 гг., премьер-министр Жан-Пьер Раффарен указал на то, что ее цель «сделать республиканские ценности доступными всем, особенно в городских гетто». Нужно «ликвидировать (casser)» последние, ибо их существование создает опасность коммунитаризма [26].

В аналитике наиболее распространен по отношению к событиям 2005 г. термин *Émeute* от глагола *Émeouvoir*, обозначая коллективные эмоции, выражающиеся в виде «спонтанного народного выступления (*soulèvement*)». Однако некоторые исследователи от-

вергают этот термин. Малика Мансури, источниковая база которой включает наиболее масштабное общение с участниками и очевидцами событий, обстоятельные записи бесед с ними, а в методологическом плане самое активное участие в международной команде специалистов, оставившей специальное исследование в пограничной области психиатрии и социологии, ставит *Émeute* в кавычки, употребляя *Révolte*.

Дидье Лапейрони, опирающийся на собственные полевые исследования в пригородах и доскональное изучение бесед журналистов с участниками событий по горячим следам, тоже предпочитает термин *Révolte*. Неуловимое, к сожалению, в русском переводе различие между этим последним и *Émeute* предполагает более высокую степень осознанности участниками своих действий. Заметим, что вопреки либеральной и марксистской конфликтологии спонтанность вовсе не исключает осознанности и отнюдь не сводится к рефлекторной реакции.

Притом *Révolte* – однокоренная морфема *Révolution* (равнозначно в английском *Rebellion*)¹. В одном случае (*Émeute*) бунт, в другом – восстание. Поэтому некоторые авторы идут дальше и называют события осени 2005 г. Восстанием-*Insurrection*, термин, который во французской исторической традиции относится к революционным событиям. Между тем выступления молодежи без попыток захватить центры власти и выдвинуть идеологическую программу явно далеки от революционности. Напротив, исследователи подчеркивают отсутствие или зачаточность политического сознания бунтарей [40].

Обычные русские определения трудно назвать удовлетворительными. «Беспорядки», придавая происшедшему заведомо негативный акцент, отдают просто уголовной хроникой. Термин обезличивает события, лишая их акторов и смысла. «Война пригородов» выглядит большим преувеличением, хотя термин «герилья» эпизодически встречался во французских, английских и американских СМИ.

При такой терминологической разноголосице, отражающей объективную сложность самого явления, предложенный в заглавии статьи термин «протестные выступления» с указанием их

¹ Great rebellion – Английская революция XVII века.

субъекта представляется мне имеющим право стать предметом профессионального обсуждения.

Последствия событий осени 2005 г. требуют специального рассмотрения. Коротко с точки зрения влияния на молодежь пригородов выявляется нечто подобное триажу. Как обычно в спонтанных народных выступлениях, вслед за активной фазой наступает пора пассаизма и роста религиозных настроений. На этом фоне возрастает влияние исламизма, и наиболее политизированная часть арабской молодежи пополняет ряды радикальных группировок. Еще более заметно (могу судить по Обервилье) обособление в пригородах неблагополучных кварталов (из числа ZUS), где молодежь выражает свои претензии контролировать территорию преимущественно хулиганскими поступками. Если взять пригороды в целом, внушает надежду тенденция к получению полноценного образования. Немало арабских и африканских выходцев из иммигрантов получают дипломы, добиваясь успеха на экзаменах в лицей [4].

Список литературы

1. Ворожцов Е.Н. Бунт окраин : криминал и менталитет // Полит. ру. – 2006. – 19 апреля. – URL: <https://polit.ru/article/2006/04/19/france/> (дата обращения: 12.10.2022).
2. Гордон А.В. Проблемы национально-освободительной борьбы в творчестве Франца Фанона. – Москва : Наука, 1977. – 240 с.
3. Гордон А.В. Крестьянство Востока : исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. – Москва : Наука, 1989. – 222 с.
4. Гордон А.В. Цивилизационные проблемы мультикультурного парижского пригорода // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 3. – С. 5–35.
5. Деминцева Е.Б. «Проблемные окраины» и их обитатели : парижские предместья между «бунтом окраин» и «Шарли Эбдо» // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 5 – С. 135–148.
6. Деминцева Е.Б. Создавая «гетто» : социальные кварталы Франции и их обитатели (1960–2010) // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 398. – С. 106–113.
7. Зегонов О.В. Беспорядки во Франции : Характер, причины, уроки // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. – 2006. – № 2 (14). – 40 с.
8. Кучерова Ю.В. Особенности протестных движений выходцев из иммигрантской среды в современной Франции // Известия Алтайского государственного

- университета. – 2013. – № 4–2 (80). – С. 280–283. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-protestnyh-dvizheniy-vyhodtsev-iz-immigrantskoy-sredy-v-sovremennoy-frantsii> / (дата обращения: 17.09.2022).
9. Манакина О.Е. Протестная культура и политический дискурс : опыт Франции // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 2 (17). – С. 128–134.
 10. Массовые беспорядки 2005 г. во Франции. Подпись : Конфликтолог // Conflictologist. – URL: <http://conflictologist.org/besporjadki-2005-goda-vo-francii.htm> (дата обращения: 17.09.2022).
 11. Рубинский Ю.И. Франция: конфликт цивилизаций или кризис моделей? // Современная Европа. – 2006. – № 1 (25). – С. 49–60.
 12. Шумаков А.А. Ноябрьские беспорядки 2005 года во Франции : фокус восприятия и интерпретации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1–1. – С. 410–420.
 13. Bachmann C., Le Guennec N. Violences urbaines. Ascension et chute des classes moyennes à travers cinquante ans de politique de la ville. – Paris : Albin Michel, 1996. – 557 p.
 14. Balibar E. Uprisings in the banlieues // Constellations. – 2007. – Vol. 14, N 1. – P. 47–71.
 15. Bayart J.-F. Les fundamentalistes de l'identité : laïcisme versus djihadisme. – Paris : Karthala, 2016. – 104 p.
 16. Beaud S., Masclet O. Des «marcheurs» de 1983 aux «émeutiers» de 2005. Deux générations sociales d'enfants d'immigrés // Annales. Histoire, Sciences Sociales. – 2006. – N 4. – P. 809–843.
 17. Bertho A. Nous n'avons vu que des ombres // Mouvements. – 2006. – N 2 (44). – P. 26–30.
 18. Du «paradis» au ghetto : l'histoire de la Rose-des-Vents / B. Bissuel, S. Blanchard, B. Hopquin, C. Rollot, X. Ternisien // Le Monde. – 2005. – 17 novembre.
 19. Boutang Y.M. La révolte des banlieues ou les habits nus de la République. Edition définitive. Pour la mise en ligne électronique. – 2006. – 26 novembre. – URL: https://www.multitudes.net/wp-content/uploads/2007/02/ymb_revolt.pdf (дата обращения: 11.09.2022).
 20. Claske D. “If You Can't Hear Me, I Will Show You” : Insurgent Claims to Public Space in a Marginalized Social Housing Neighborhood in France // Space and Culture. – 2018. – Vol. 22, N 3. – P. 250–262. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1206331218794607> (дата обращения: 30.09.2022).
 21. Colonial Legacy in France : Fracture, Rupture, and Apartheid / A. Pernsteiner, D. Thomas, P. Blanchard, N. Bancel. – Bloomington : Indiana University Press, 2017. – 486 p.
 22. Dubet F., Lapeyronnie D. Les Quartiers d'exil. – Paris : Le Seuil, 1992. – 250 p.
 23. Émeutes urbaines et protestations: Une singularité française / eds.: H. Lagrange, M. Oberti. – Paris : Presses de Sciences Po, 2006. – 225 p.
 24. En 2005, trois semaines d'émeutes urbaines // Le Figaro. – 2015. – 25 octobre.
 25. Fanon F. Les damnés de la terre. – Paris : Maspero, 1961. – 314 p.

26. Gouvernement se lance dans la rénovation des «ghettos» urbains // *Le Monde*. – 2003. – 18 novembre.
27. Heure par heure // *L'Obs*. – 2005. – 3 novembre. – URL: <https://www.nouvelobs.com/societe/20051103.OBS4071/heure-par-heure.html> (дата обращения: 30.09.2022).
28. Kokoreff M. Les émeutiers de l'injustice // *Mouvements*. – 2006. – N 2 (44). – P. 13–25.
29. Kokoreff M. La crise de l'institution policière ou comment y faire face? Entretien avec Dominique Monjardet // *Mouvements*. – 2006. – N 2 (44). – P. 67–77.
30. Kokoreff M. *Sociologie des émeutes*. – Paris : Payot, 2008. – 336 p.
31. Kokoreff M. Ghettos et marginalité urbaine : Lectures croisées de Didier Lapeyronnie et Loïc Wacquant // *Revue française de sociologie*. – 2009. – Vol. 50, N 3. – P. 553–572.
32. Kokoreff M. *In memoriam* Didier Lapeyronnie (1956–2020) // *Sociologie*. – 2021. – Vol. 12, N 3. – URL: <https://journals.openedition.org/sociologie/9160> (дата обращения: 15.10.2022).
33. Kokoreff M., Osganian P. Pourquoi mettent-ils le feu? Des acteurs de terrain racontent // *Mouvements*. – 2006. – N 2 (44). – P. 45–57.
34. Lapeyronnie D. Révolte primitive dans les banlieues françaises. Essai sur les émeutes de l'automne 2005 // *Déviance et Société*. – 2006. – Vol. 30, N 4. – P. 431–448.
35. Lapeyronnie D. *Ghetto urbain. Ségrégation, violence, pauvreté en France aujourd'hui*. – Paris : Editions Robert Laffont, 2008. – 624 p.
36. Mansouri M. *Révoltes intimes et collectives : les adolescents français descendants d'ex-colonisés algériens dans les «émeutes de 2005»*. Thèse soutenue le 28 novembre 2011. Résumé de thèse. – 2011. – 5 p. – URL: <http://www.aric-interculturel.com/wp-content/uploads/2018/09/ResumeTheseMalikaMansouri.pdf> (дата обращения: 30.09.2022).
37. Mansouri M. *Révoltes postcoloniales au coeur de l'Hexagone*. – Paris : PUF, 2013. – 193 p.
38. Mansouri M. «Les révoltes urbaines prennent racine dans le traumatisme colonial» // *L'Humanité*. – 2013. – 25 Octobre.
39. Silence, Rebellion, and Acting-Out of a Silenced Past : Understanding the French Riots From a Postcolonial and Transcultural Perspective / M. Mansouri, M. Feldman, J. Lachal, E. Dozio, M. El Hussein, M.R. Moro // *Frontiers in Psychiatry*. – 2019. – Vol. 10, December 18. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6951409/> (дата обращения: 10.10.2022).
40. Mauger G. *L'émeute de novembre 2005 : une révolte protopolitique*. – Bellecombe-Bauges : Croquant, 2006. – 157 p.
41. Mennel B., Nowotny S. The Languages of the “Banlieues” // *Transversal texts*. – 2013. – 01. – URL: <https://transversal.at/transversal/0513/nowotny-mennel/en> (дата обращения: 30.09.2022).

42. Moatti F. Rec. ad. op.: La situation postcoloniale : les postcolonial studies dans le débat français / Marie-Claude Smouts (dir.) Paris : Presses de Sciences Po, 2007. – 451 p. // *Cahiers de la Méditerranée*. – 2012. – N 84. – P. 435–440.
43. Mucchielli L. L'émeute, forme élémentaire de la protestation // *Cités*. – 2012. – № 2 (50). – P. 49–56.
44. Mucchielli L., Delon A. Les mineurs émeutiers jugés à Bobigny (93). – 2006. – 29 octobre. – URL: <https://histoirecoloniale.net/les-mineurs-emeutiers-juges-a.html> (дата обращения: 03.10.2022).
45. Peretti-Ndiaye M. Rec. ad. op.: Mansouri M. Révoltes postcoloniales au cœur de l'Hexagone. Voix d'adolescents. – Paris : PUF, 2013. – 193 p. – URL: <https://journals.openedition.org/lectures/12730> (дата обращения: 17.09.2022).
46. Postcolonial studies : modes d'emploi. – Lyon : Presses universitaires de Lyon, 2013. – 513 p.
47. Quand les banlieues brûlent. Retour sur les émeutes de novembre 2005. Éd. revue et augmentée / Sous la direction de Véronique Le Goaziou, Laurent Mucchielli. – Paris : La Découverte, 2007. – 176 p.
48. Rémy J. La dette en trop. Face à la domination postcoloniale // *Revue du MAUSS*. – 2006. – N 2 (28). – P. 257–272.
49. Le révélateur d'une radicalisation identitaire» // *El Watan*. – 2016. – 28 juin. – URL: <https://www.elwatan.com/archives/france-actu-archives/le-revelateur-dune-radicalisation-identitaire-2-28-06-2016> (дата обращения: 12.10.2022).
50. Ruptures postcoloniales : les nouveaux visages de la société française / eds.: N. Bancel, F. Bernalt, P. Blanchard, V. Amiraux. – Paris : La Découverte, 2010. – 540 p.
51. La situation postcoloniale : Les postcolonial studies dans le débat français / Sous la direction de M.-C. Smouts. – Paris : Presses de Sciences Po, 2007. – 451 p.
52. Wacquant L. Parias urbains. Ghetto, banlieues, État. – Paris : La Découverte, 2006. – 332 p.
53. Wallerstein I. The French Riots : Rebellion of the Underclass // *Commentary*. – 2005. – December 1.

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

ПРЯЖНИКОВА О.Н.* МИГРАЦИЯ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ. – РЕЦ. НА КН.: MIGRATION IN SOUTHERN AFRICA / ed. by P. Rugunanan, N. Xulu-Gama. – Cham : Springer, 2022. – 270 p.

Аннотация. В монографии, посвященной миграции в Южной Африке, рассматриваются проблемы внутрорегиональной и трансграничной миграции. Раскрываются темы идентичности трудовых мигрантов, миграции женщин, восприятия мигрантов населением стран-реципиентов, дискриминации и ксенофобии по отношению к мигрантам. Авторы подчеркивают важность проведения последовательной антидискриминационной миграционной политики и деятельности профсоюзных организаций для улучшения положения трудовых мигрантов в Южно-Африканском регионе.

Ключевые слова: Южная Африка; трудовая миграция; ЮАР; женщины-мигрантки; дети мигрантов; отношение к мигрантам; профсоюзы.

PRYAZHNIKOVA O.N. Migration in Southern Africa. – Book review: Migration in Southern Africa / ed. by P. Rugunanan, N. Xulu-Gama. – Cham : Springer, 2022. – 270 p.

Abstract. The book, concerning migration in Southern Africa, covers the problems of the intra-regional and cross-border migration. The topics of labor migrants' identity, migration of women, the perception of migrants by the population of recipient countries, discrimination and xenophobia towards migrants are reviewed. The authors emphasize the importance of a consistent anti-discrimination

* Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН.

migration policy and the activities of trade union organizations aimed to improve the situation of migrant workers in the Southern Africa region.

Keywords: Southern Africa; labour migration; South Africa; migrant women; migrants' children; attitudes to migrants; trade unions.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Миграция в Южной Африке [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 1. – С. 30–37. – Рец. на кн. : Migration in Southern Africa / ed. by P. Rugunanan, N. Xulu-Gama. – Cham : Springer, 2022. – 270 p. DOI: 10.31249/rva/2023.01.02

В основу монографии «Миграция в Южной Африке» легли материалы семинара, проведенного в 2019 г. кафедрой социологии Университета Йоханнесбурга и Институтом Криса Хани и посвященного проблемам миграции в Южно-Африканском регионе. Публикации, вошедшие в книгу, представляют результаты исследований, проведенных с использованием качественных методов анализа закономерностей миграции, благодаря чему, по мнению авторов, удалось углубить понимание особенностей сообществ мигрантов на юге Африки.

Рост внимания ученых к миграции как к тенденции, определяющей ключевые процессы развития Африки, объясняется значительным ростом внутриконтинентальной миграции. При этом большинство африканцев мигрирует внутри континента, потерпев неудачную попытку миграции за пределы Африки или поняв, что такая попытка сопряжена для них со слишком большими трудностями. Часто миграция в рамках континента является второй попыткой миграции (запасным вариантом) или же шагом к тому, чтобы впоследствии выехать за границы континента. В книге рассматриваются два типа миграции – из сельской местности в город и между странами, а также характерные для них темы и проблемы.

Монография состоит из шести частей. В первой части рассматриваются возможности выработки нового взгляда на теорию миграции в Южно-Африканском регионе. На протяжении последней четверти XX в. произошли изменения направлений потоков, темпов и характера миграции на глобальном уровне. Европа перестала быть главным центром притяжения мигрантов на фоне роста

подобных центров в Азии, Африке и Латинской Америке, в том числе и в качестве центров внутрирегиональной миграции.

На фоне роста миграции внутри африканского континента, авторы анализируют: что в таких условиях означает быть «иностраницем» будучи чернокожим африканским мигрантом в Африке. Они отмечают, что первостепенную роль при восприятии индивида в сообществах юга Африки играет общность «по цвету кожи» вне зависимости от национальности и культурных характеристик мигрантов (с. 20). В связи с этим предлагается переосмыслить африканскую миграцию с учетом так называемой «черной африканской идентичности», которая преодолевает национальные и этнические границы, а также ее потенциального вклада в социально-экономическую и политическую региональную интеграцию.

Вместе с тем указывается на внутренние противоречия распространенной в странах Южной Африки и поддерживаемой международными организациями неолиберальной идеологии дерегулирования рынка труда, которая, как показывают исследования, способствует криминализации сообществ мигрантов, их сверхэксплуатации в условиях роста прекаризации занятости (с. 51). Кроме того, неолиберальная политика способствует, по мнению авторов, росту конкуренции за рабочие места между гражданами стран – реципиентов миграции и мигрантами-иностранцами, что часто приводит к ксенофобии и насилию, подрывающим солидарность африканцев.

Во второй части книги затрагиваются проблемы регулирования миграции в странах Южной Африки. На примере ЮАР авторы констатируют, что, несмотря на разработанную в стране прогрессивную миграционную политику и соответствующее ей антидискриминационное законодательство, их реализация по-прежнему не сопровождается снижением антииммигрантских настроений среди населения, а механизмы обеспечения законности, когда речь идет о соблюдении прав мигрантов, часто слабы (с. 73).

Кроме того, отмечается, что политика ЮАР в отношении беженцев и лиц, просящих об убежище (*asylum seekers*), меняется в сторону больших ограничений с точки зрения получения соответствующего легального статуса, который также предоставляется на все более краткое время. Подчеркивается, что прием беженцев и лиц, ищущих убежища, является вопросом гуманитарной помо-

щи индивидам, однако политические дискуссии вокруг этой темы ведутся в терминах миграционной политики, что, по мнению авторов, свидетельствует об ошибочном подходе к проблеме (с. 87).

Рассматривая роль профсоюзов в деле представления интересов трудовых мигрантов в ЮАР, авторы критикуют их политику за недостаточную поддержку мигрантов. В особенности игнорируются неквалифицированные работники, в частности, в том, что касается их потребностей в обучении и повышении квалификации. Вместе с тем Конгресс южноафриканских профсоюзов (Congress of South African Trade Unions (COSATU)) сформулировал ряд направлений в рамках стратегии, направленной на решение проблем профессиональной подготовки работников, в том числе и иностранных мигрантов (с. 96–97):

1) выделение групп трудовых мигрантов, которые подвергаются угрозе сверхэксплуатации;

2) разоблачение и осуждение эксплуатации и жестокого обращения с мигрантами со стороны работодателя, агентов по найму и т.д.;

3) обеспечение соблюдения прав иностранных мигрантов путем предоставления им легального статуса и доступа к социальной защите;

4) переход от расистской и дискриминационной миграционной политики «в стиле апартеида» к более инклюзивной и гуманной;

5) выявление причин ксенофобии и борьба с ними;

6) лоббирование разработки политики, направленной на защиту иностранных мигрантов, работающих в ЮАР, в том числе в рамках профсоюзного движения;

7) создание возможностей для трансфера профессиональных навыков в африканском регионе, в частности путем целенаправленного привлечения квалифицированной рабочей силы из соседних стран.

Третья часть монографии посвящена политике ЮАР в сфере внутренней миграции и ее влиянию на региональную мобильность. Потоки внутренних (переселяющихся из сельской местности в города) и трансграничных мигрантов пересекаются и «оседают» в неформальных поселениях, представляющих собой так называемый плавильный котел разнообразных культур. Вместе с тем ис-

торическое наследие апартеида, социальное неравенство, высокий уровень безработицы и низкий экономический рост приводят к увеличению бедных слоев населения, прежде всего в подобных поселениях. В связи с этим растет актуальность разработки и внедрения эффективной и последовательной политики, предполагающей инвестиции в социальную и городскую инфраструктуру: жилье, медицинские и образовательные учреждения, чтобы уменьшить бедность и построить процветающее общество (с. 121).

Кроме того, в данном разделе рассматривается опыт женщин-мигранток и показываются сходные проблемы, с которыми сталкиваются женщины, переезжающие из сельских районов в города внутри ЮАР, и трансграничные мигрантки, а именно: социальная уязвимость, экономические трудности, подтолкнувшие к миграции и т.д. (с. 135).

Центром исследований четвертого раздела книги стали такие группы мигрантов, как матери и дети. Так, в контексте системы социальной защиты раскрываются проблемы молодых матерей, вынужденных становиться внутренними мигрантами, которые, переезжая в город, полагаются, главным образом, на социальные выплаты, позволяющие им экономически поддерживать свои семьи в сельских районах (с. 150).

Изучая проблемы, лежащие на пересечении миграции и образования, авторы рассматривают возможности доступа к образованию детей иммигрантов второго поколения (дети, чьи родители были первым поколением, родившимся на новой родине), проживающих в сельской местности ЮАР. Несмотря на то что представители второго поколения мигрантов, родившиеся в стране, имеют возможность стать гражданами ЮАР, на практике получение гражданства остается сложной задачей для этой социальной группы. В результате дети второго поколения мигрантов (особенно из бедных семей) сталкиваются с неравенством в образовании, на рынке труда и в сфере политического участия в жизни общества (с. 166). При этом отмечается, что дети мигрантов второго поколения особенно ценят доступ к образованию и стремятся получить его (с. 180).

Пятый раздел монографии рассматривает проблемы идентичности мигрантов в странах-реципиентах. При иммиграции так называемые добровольные экономические мигранты, ищущие за

рубежом новые профессиональные возможности, «проходят» процессы аккультурации под влиянием новых для них социальных представлений, которые вызывают конфликт / раскол их идентичности (*identity conflict/schism*). В результате мигрантам приходится перестраивать и реконструировать свою идентичность в краткосрочной перспективе, чтобы достичь ее «стабилизации». Такая реидентификация может так или иначе повлиять на продолжительность их пребывания в стране-реципиенте (с. 197).

Кроме того, авторы показывают, как дискриминация и угнетение мигрантов проявляются в скрытых и явных формах ксенофобии, которая, по их утверждению, уходит своими корнями в расистское прошлое ЮАР. Африканские иммигранты негативно воспринимаются местным населением как «больные», «преступные», «нелегальные», «похитители рабочих мест». В таких условиях указывается на важность реализации государством стратегии «регуманизации» африканских иммигрантов в ЮАР, которая бы включала расширение социальных исследований данной тематики, продвижение воспитания в духе мира¹, а также поддержку некоммерческих и гуманитарных организаций, борющихся с ксенофобией (с. 209).

В шестой части книги освещается тема прав работников-мигрантов. Авторы анализируют практики нелегальных зимбабвийских мигрантов в ЮАР, а именно поденных работников (*day labourers*), сталкивающихся в силу своего статуса с ограничением прав, угрозой депортации, ограничением доступа на рынок труда и эксплуатацией. Однако мигранты используют своеобразный тактический прием, позволяющий им преодолеть подобные трудности. Они придерживаются подхода *kukiya-kiya*, в основе которого лежит уверенность в своих силах, положительное отношение к тяжелому физическому труду, приверженность принципам ответственности и подчинения правилам. Авторы отмечают, что, с одной стороны, работники, исповедующие подобную трудовую этику, привлекательны для некоторых работодателей, но, с другой стороны, она может способствовать «воспроизводству» эксплуатации нелегальных трудовых мигрантов (с. 243).

¹ Воспитание в духе мира (*peace education*) – процесс приобретения ценностей, знаний, навыков и поведенческих установок для того, чтобы жить в гармонии с собой, людьми и окружающей средой.

Кроме того, рассматривая роль профсоюзов ЮАР в деле защиты прав трудовых мигрантов, авторы подчеркивают, что южно-африканские профсоюзные объединения воспринимают работников как единую однородную группу, определяемую исключительно с точки зрения ее отношения с капиталом. Такой подход способствует тому, что трудовые мигранты, которые чаще других подвергаются эксплуатации работодателями из-за их уязвимого статуса, рассматриваются в качестве «врагов», так как предают других представителей рабочего класса, соглашаясь на более низкую оплату и худшие условия труда. По мнению авторов, в современных условиях, когда получают широкое распространение формы гибкой занятости (например, прекариат), а частью рабочей силы становится большое количество людей, родившихся за пределами той или иной страны, профсоюзы должны адаптироваться к новым вызовам в сфере защиты прав и представления интересов всех работников (с. 258).

В заключение важно подчеркнуть, что рассматриваемая монография предлагает новые способы теоретизирования в области миграции. Такие факторы, как раса, классовая принадлежность, национальность, гендер, историческое наследие, обычно изучаются отдельно от проблем трудовой миграции. Значимость исследований, вошедших в данное издание, во многом обусловлена тем, что они лежат на пересечении теоретической базы различных проблемных полей.

Кроме того, книга представляет всеобъемлющую картину миграционных процессов в Южно-Африканском регионе, так как в ней освещаются два типа миграции: направленной из сельской местности в город и международной. Авторы смогли продемонстрировать, что проводимая, в частности в ЮАР, политика в сфере миграции, направлена на уменьшение притока трудовых мигрантов, однако не обязательно его сокращает. По сути, ее результатом является фиксация нелегального статуса определенных миграционных процессов в условиях, когда доступ к политическим, экономическим и социальным ресурсам общества открыт только для лиц, имеющих гражданство страны – реципиента мигрантов. Такая ситуация оставляет большинство трудовых мигрантов в уязвимом положении и сохраняет угрозу их эксплуатации. В связи с этим авторы указывают на необходимость сместить акцент в рамках

иммиграционного режима со сдерживания и контроля над миграцией на защиту прав мигрантов и адекватное администрирование и управление их статусом (с. 268).

В целом, важно отметить, что, хотя основное внимание в книге уделяется социологии миграции в рамках отдельного региона, представленные эмпирический материал и теоретические выводы можно рассматривать и в более универсальном контексте стран глобального Юга, имеющих схожие социально-экономические особенности и политическую динамику миграции, обусловленные неравенством в распределении ресурсов.

ДЕМИДОВ К.Б.* АРАБСКИЙ ВОСТОК: КОНЕЦ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Аннотация. В статье рассматривается разворачивающийся как в арабских странах, так и по всему миру крах неолиберализма, ярко высветившийся в ходе событий «арабской весны», с акцентом на социальной и психологической подоплеке последней. Восприятие опыта социалистических стран, хотя и не привело к желаемым результатам, оставило глубокий след в психологии региона. Крушение арабского социализма под влиянием поражения, нанесенного арабским странам Израилем в войне 1967 г., послужило причиной переориентации на США и началу неолиберальных реформ. Углубление социальных разломов в результате последних, сопровождавшееся атомизацией общества и прогрессирующей аномией, привело к восстаниям, непосредственной, часто неосознанной целью которых было восстановление, пусть и временное, единства общества. Основной движущей силой движений стала молодежь, ориентирующаяся на западные ценности, однако не находящая себе применения внутри своих стран, и религиозные силы, воспользовавшиеся моментом для захвата власти.

Ключевые слова: Ближний Восток; Египет; Иран; Катар; Объединенные Арабские Эмираты; Саудовская Аравия; Турция; «Братья-мусульмане»; аномия; неолиберализм; социализм.

DEMIDOV K.B. The Arab Region After the Fall of Neoliberalism. What is to Come?

Abstract. The article discusses the current crisis of neoliberal reforms in Arab countries with a special focus on social and psychological causes and ramifications of Arab Spring; the steep increase in ine-

* Демидов Константин Борисович – ведущий редактор отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

quality levels that accompanied the global implementation of the neoliberal precepts was compounded by the progressive atomization of society; hence, that spirit of triumphant, albeit labile, unification that permeated the uprisings. The Arab Spring may be understood as the revolt of a middle class not so much aspiring to greater business freedom – as neoliberal mantra would have it – as wanting social cohesion and striving for a meaning in what appeared as atomized and meaningless life. Social inequality, contrary to general perception, was not the chief cause of Arab Spring. Socialist experience still resonates with Arab public who remember it as a time of national dignity and great expectations somewhat matched by easier life. Hence, the malaise created by the widespread desire for independent economic development. Still, Arab social psyche could not cope with the crushing blow dealt to it by Israel's victory in 1967 war. The unraveling of "Arab socialism" inaugurated the region's political shift from SU to US, and, respectively, from Egypt to Saudi Arabia (boosted by the surge in oil prices in the aftermath of the 1973 Arab-Israeli war). This development caused region's transition from authoritarian state capitalism (with socialist aspirations) to liberal economic reforms.

Keywords: Middle East; Egypt; Iran; Qatar; Saudi Arabia; United Arab Emirates; Turkey; "Muslim brotherhood"; anomie; neoliberalism; socialism.

Для цитирования: Демидов К.Б. Арабский Восток : конец неолиберализма. Что дальше? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 1. – С. 38–62. DOI: 10.31249/rva/2023.01.03

Крушение неолиберализма отнюдь не случайно приобрело настолько символический смысл именно на Ближнем Востоке. Символичность в данном контексте следует понимать вполне буквально: последние события в Иране обращают внимание на тот особый характер, который имеет политика в регионе. Речь идет о повышенном внимании к символической стороне любого вопроса, каждой проблемы. Иран, находясь под жесточайшими санкциями со стороны Запада, тем не менее настолько озабочен такими вещами, как женский дресс-код, что позволяет возникнуть по этому поводу серьезным внутренним расколам. Со своей стороны, Запад, стремящийся по возможности раздуть возникший конфликт, не в

состоянии добиться цели, так как этнические и религиозные противоречия внутри страны также структурированы символами и знаками; именно это обстоятельство не позволяет тем внутренним силам, которые имеют схожие интересы и хотели бы устранить существующий режим, прийти к соглашению; целенаправленные, прагматические действия оказываются невозможными в силу знаковых расхождений.

Проблемы Ближнего Востока в области символов и знаков разворачиваются на фоне мирового крена именно в этой области: развитие современной культуры в сторону тотальной фиктивности («хвост виляет собакой», «культура отмены», «пост-правда» и т.д.) превращает массмедиа в чрезвычайно опасное (и особенно на Ближнем Востоке – в силу указанной выше особенности его культуры) средство массовой дезинформации; о некоторых последствиях последней можно судить по приводимым ниже ссылкам на работу Б. Даффи [18]. В свете всего этого обсуждение будущих путей, по которым суждено идти странам региона, приобретает особый интерес.

События «арабской весны» стали предзнаменованием краха мирового неолиберального проекта. Последнее становится несомненным на фоне превращения «невидимой руки рынка» во вполне зримую руку США, по своему усмотрению, без оглядки на экономическую науку и элементарную законность, пытающуюся управлять рычагами мировой экономики. Предшествовавший всему этому провал неолиберального переустройства Ближнего Востока сопровождался масштабными неудачами западной политики как в этом регионе (крушение американского проекта «Greater Middle East» и главного инструмента его претворения в жизнь – ИГИЛ), так и по всему миру.

Ослабление западного прессинга создает эффект, подобный декомпрессии. Арабские элиты и арабское общественное мнение не в состоянии приспособиться к новым условиям, выработать иной модус вивенди. Особенно очевидно это в области экономики. Как отмечают А. Мовчан и А. Митров, даже такая богатая, однако отнюдь не склонная уповать лишь на «нефтяные деньги», страна, как Объединенные Арабские Эмираты, в итоге все же проиграла битву за диверсификацию экономики [3, с. 249]. Что ждет регион с экономической точки зрения в условиях развивающегося кризиса

ЕС – при том, что денежные переводы мигрантов для многих стран являются весьма важной составляющей бюджета, – остается лишь предполагать.

Экономические неурядицы – отнюдь не единственная проблема арабского мира. Пожалуй, самое главное – утрата как элитами, так и обществом всяческих внятных горизонтов и ориентиров. Исчезновение прежних лидеров, прежде всего С. Хусейна и М. Каддафи, равно как и ИГИЛ, служившего, наряду с Аль-Каидой, ориентиром для многих молодых арабов, обнажило исторические разломы, прежде не бывшие столь очевидными. Очень ярко эти разломы проявились в случае Ливии, где одни страны (Саудовская Аравия, Египет, Кувейт и др.) поддерживают Ливийскую национальную армию, а другие (Турция и Кувейт) – Правительство национального согласия. Интересно отметить, что данные разломы имеют отношение к разным типам социальной и государственной организации, характеризующим указанные страны, – точнее, к тому, насколько элитам удастся сплотить вокруг себя социумы.

Все это осложняется противостоянием между суннитами (их социумы с точки зрения устройства скорее коллективистские) и шиитами. Последние представлены во многих арабских странах весьма влиятельными меньшинствами. Данное противостояние уже давно было превращено Западом в инструмент влияния.

Все это указывает на более глубокие проблемы. Речь идет о силовых линиях внутри арабских социумов. На данный момент главными, наиболее определенными в своих идеологических основаниях силами арабского мира предстают «Братья-мусульмане», создавшие систему взаимовыручки и в силу этого обстоятельства пользующиеся популярностью у масс, а с другой стороны – элиты, получившие образование на Западе, однако тяготеющие к авторитаризму (к ним примыкают средние классы, не успевшие растерять прозападных иллюзий). Как мы увидим далее, данные разломы осложняются возрастным членением арабских социумов.

Интересно отметить, что наиболее прочно стоящие на ногах режимы Ближнего Востока (Турция и Катар) либо представляют силы, аффилированные с «Братьями-мусульманами», либо склонны поддерживать данную организацию (в прагматических целях). Примечательно, что обе страны сумели успешно диверсифициро-

вать экономику, создать искусную дипломатию, позволяющую им лавировать между более крупными игроками на международной арене, и создали обновленную версию национализма, сплотив население под знаменами некой общей идеи, общего представления о будущем.

Неолиберализм укрепил основания данных сил, представленных элитами, с одной стороны, и «Братьями-мусульманами» – с другой, заострив их позиции и усилив взаимное неприятие друг друга. Одна из причин этого – в том догматизме, с которым неолиберальная политика насаждалась. Средства массовой информации, с маниакальным упорством твердившие неолиберальные мантры, сыграли в распространении «культуры» ненависти и озлобления не последнюю роль. Как отмечает Ж. Ашкар, «догматизм – это поистине ключевая характеристика неолиберальной парадигмы. Закрывая глаза на кричащие эмпирические свидетельства провала – не в последнюю очередь в арабском мире – неолиберальное мировоззрение, претендующее на роль монопольного обладателя экономической истиной, демонстрирует несокрушимую уверенность в том, что предлагаемые им решения должны быть претворены в жизнь любой ценой... В арабских странах его адепты, выступающие как хранители неолиберального кредо, намеренно игнорировали тот факт, что именно их советы в значительной мере привели к социально-политическому взрыву “арабской весны” и затяжной дестабилизации региона, которая за этим последовала» [7, р. 767–768].

Все эти события с новой остротой поставили вопрос о дальнейшем развитии региона. Наследники великой арабо-мусульманской цивилизации (о чем в арабских странах никогда не дают друг другу забыть) не желают, чтобы их воспринимали как своеобразных «дикарей» современности; тем не менее они не могут выработать целостного понимания, в каком направлении следует двигаться их странам. Полярные точки зрения на данную проблематику дают о себе знать повсеместно – от арабской литературы до средств массовой информации. Вполне наглядно они проявились в ходе египетских событий, в которых главными действующими силами были, с одной стороны, «средний класс» – высокообразованная, но «атомизированная» молодежь, ориентирующаяся на западные ценности, а с другой – «Братья-мусульмане» (и / или

аналогичные силы), продвигающие собственную версию ретроградной утопии вкупе со вполне ощутимой и материальной взаимной поддержкой адептов движения.

Исследователи обращают внимание на хаотичность устремлений и действий протестующих, невнятность их ориентиров. С. Эль Шейх, описывая события 2013 г., когда массы египтян вышли на улицу с обращенным к армии требованием сместить демократически избранный (лишь год назад) режим, отмечает: «В свете данного поворота на 180 градусов – после первого опыта реальной демократии – сам собой напрашивается вопрос: почему народ сначала выступил с одними требованиями, а вскоре после этого возжаждал прямо противоположного?» [19].

Представляется, что разгадка полярных настроений и поворотов на 180 градусов в арабском социуме кроется в наивном восприятии неолиберализма (а ранее – социализма) как чего-то неслыханно нового, последнего слова экономической мудрости. Неолиберализм, будучи воспринятым в таком ключе, пришел на руины еще одного утопического видения будущего – речь идет об арабском социализме.

В 1960-е годы под влиянием видимых успехов в экономическом развитии социалистических стран, и не в последнюю очередь коммунистического Китая, арабский национализм тяготел к социалистическому мировоззрению. Египет, Сирия, Ирак, Алжир, Тунис, Южный Йемен, Судан и Ливия в той или иной степени начали проводить соответствующие реформы. Однако социалистический проект не принес желаемых результатов, вызывая к тому же всё большее раздражение у религиозно активной части общества. Со своей стороны, элиты испытывали опасения перед социалистическими идеями в силу того обстоятельства, что они пугающе напоминали воззрения организации, представлявшей для них смертельную опасность, а именно «Братьев-мусульман» (и исламистов в целом).

«Наследие “арабского социализма” 1960-х годов – особенно критику западного разграбления природных ресурсов Ближнего Востока (по определению принадлежащих “арабской нации” в целом) – следует признать ключевым в том, что касается глубочайшего ощущения социального неравенства, распространившегося в регионе. Данное наследие с новой силой возродилось с началом

неолиберальных реформ, продемонстрировавших шокирующе растущую социальную пропасть – как на национальном, так и на региональном уровнях» [7, р. 760].

Неолиберализм с присущими ему элитарным презрением к массам простых людей и низведением их до уровня «квалифицированных потребителей», *de facto* лишенных права голоса (причем, как предполагается, они и не должны ощущать потребности в таком праве), представлялся удобной идеологией арабским элитам, получившим образование на Западе и с брезгливостью взиравшим на население собственных стран. Неолиберальные экономические реформы были встречены подъемом народного сопротивления, захлестнувшим регион. Наиболее ярко это проявилось в Египте (1977), Марокко (1981), Тунисе (1983) и Иордании (1989), в результате чего внедрение жестких мер существенно замедлилось.

Разброд в обществе, проявившийся в синтезе панарабских, социалистических и исламистских идей, вызвал реакцию правящих кругов, где-то побуждая их идти на попятную, где-то прибегать к авторитарным мерам, где-то искать общественного мира на путях религиозного ренессанса, чтобы тем самым «оседлать волну». Следует отметить существенную особенность арабского публичного пространства: все новые идеи и веяния воспринимаются здесь сквозь призму тех или иных преобладающих в той или иной группе воззрений; данные воззрения оказываются настолько могущественными и притягательными, что превращаются в нечто глубоко личное, определяя те или иные пристрастия и побуждая не обращать внимания на все противоречащее – буквально не видеть реальность.

Неадекватность мировосприятия, в том числе у арабских «элит», теперь всё более становится очевидной на фоне колоссальных изменений, разворачивающихся в мире. Лишь руководству Катара удалось в полной мере выработать интегральный подход, преодолев расколы между кланами и сплотив общество под знаменем новоизобретенного национализма. Среди остальных арабских элит преобладает подход, для которого характерны, прежде всего, те или иные сигналы, посылаемые как народонаселению, так и мировому сообществу с целью изучить настроения – и по возможности повлиять на последние (запугать / задобрить / успокоить). Ситуативная реакция связана с отсутствием стратеги-

ческого видения, дискретным взглядом на мир – «хабарностью» (концепт, разработанный Д.А. Оганесяном) мировосприятия – ориентацией на знаки и предзнаменования, характеризующие каждый отдельный момент вне его связи с временным потоком.

Следует обратить особое внимание на то, что в данном регионе знаковая сторона всякого вопроса имеет часто непропорционально важное значение. Например, опаздывая на важную встречу, лидеры этих стран заявляют о собственной важности своему окружению. Важно понимать, однако, что постепенно они сами начинают преувеличивать собственное значение, подчас забывая, что подобные ошибки уже стоили жизни С. Хусейну и М. Каддафи. Психология и особенности подобного поведения прекрасно описаны в классическом романе викторианского писателя Энтони Троллоппа «Дороги, которые мы выбираем» (*The Way We Live Now*, 1875).

Однако символический ряд настолько самодовлеет, что отказать от него в пользу более рационального поведения и прагматической политики просто не представляется возможным. Именно так следует трактовать, например, политику Турции, мечущейся от надежд на восстановление ликвидированного Ататюрком в 1924 г. Халифата (наряду с предполагаемым лидерством во всем мусульманском мире) до пантюркизма и возрождения политического наследия Османской империи. Сугубо знаковый (и лишь вторично инструментальный) характер носят также попытки Турции и Ирана стать посредниками в украинском кризисе.

Данный характер культуры региона накладывается на глобальные изменения. Смещение мировой политики в сторону знака, символа, симулякра поистине является одной из главных тенденций нашего времени. Один из ее коррелятов – распространение массовых заблуждений. Запад, прекрасно осознавая это, пытается навязать Ближнему Востоку собственное видение его проблематики. Так, делается упор на якобы неуклонную деградацию культуры региона и снижение производительности труда (по сравнению, например, с Древним Египтом), а объясняется это арабскими завоеваниями и принятием ислама. Подобная попытка сделана в недавней книге Хусейна Шабка «Тогда и теперь» (*Then and now. Egypt's story*), где сегодняшние проблемы Египта отнесены на счет «бедуинизации».

В действительности указанные особенности исторического развития скорее следует отнести на счет возобладавшей в данном регионе системы личных связей (говоря языком Гете, «избирательного сродства») – по сути дела, эксклюзивных групп общения, располагающих собственной культурной кодировкой и стремящихся ограничить контакты с посторонними. С этим связаны такие проблемы, как паразитирование частного сектора на государственных структурах, недопущение более образованной молодежи на прочно оккупированные «стариками» места и т.д.

А. Лапидус отмечает, что мусульманский Ближний Восток унаследовал от прошлого «такой характер институтов, который определил его судьбу вплоть до современности: речь идет о сообществах, основанных на семейных ячейках и общих родословиях... мусульманское общество развивалось в среде, для которой было характерно членение на мелкие, часто семейные группы... даже городские жители были членами небольших групп, связанных узами родства или соседства» [27, р. 15]. Как отмечает С. Эль Шейх, одной из определяющих психологических черт региона можно считать «чувство принадлежности некоему сообществу и месту, где можно ощущать себя одним из многих, быть принятым – как реальное человеческое существо» [19]. Примечательно, что там, где данную особенность удастся обуздать, можно наблюдать фантастические успехи. Например, в Катаре это было сделано на путях изобретения «нового катарского национализма» и навязывания элите «прагматического» стиля поведения.

Указанная система личных связей подверглась существенной модификации во времена неолиберальных реформ. Она стала еще более эксклюзивной и обзавелась позаимствованной у Запада идеологией, гласящей, что в элиту попадают лишь самые достойные, и всем остальным следует постараться «лучшим людям», стремящимся к общему благу, просто не мешать. Эта идеология, распространявшаяся средствами массовой информации, а также проникавшая в кинематограф и литературную продукцию, и стала одной из причин массового возмущения.

Поначалу данные идеологические «конструкты» пользовались некоторым успехом. Дело в том, что неолиберализм породил небывалые надежды на «технократический» успех – иначе говоря, автоматическое улучшение – якобы в силу самого духа научности,

уже обеспечившей процветание Запада и теперь пришедшей в арабские страны. Однако очень скоро реальность дала о себе знать. «Десятилетия неолиберальных реформ, углубляющиеся социальные разломы и фактическое уничтожение публичного пространства как такового привели к тому, что ощущение социальной принадлежности перестало существовать. Стремление вновь обрести его оказалось одним из главных факторов в массовых движениях, прокатившихся по Египту» [19].

Следует отметить, что разрушение прежде существовавших социальных связей и систем общения здесь дало о себе знать как один из главных факторов возмущения. «Арабская весна», в том, что касается социальной динамики, непосредственных побуждений, толкнувших людей к действию, явилась реакцией на неолиберальное разобщение социума. В этом же источник популярности «Братьев-мусульман», сумевших предложить людям формы солидарности и сотрудничества. Однако общество оказалось буквально раздираемым между новыми надеждами и прежними иллюзиями – вкуче со страхом перед регрессом, который так или иначе увязывался в сознании с электоральным успехом «Братьев-мусульман». Данные страхи и надежды и толкали людей на улицу – в стремлении собраться вместе и заявить о себе лежит разгадка того, что египетские массы требовали сначала одного, а вскоре после этого – совершенно противоположного. Как отмечает С. Эль Шейх, «дело в наличии вполне определенной черты, объединяющей два события. Речь идет о самом факте мобилизации масс, единодушном скандировании лозунгов. Это были «коллективные» акции по самой своей сути коллективные в том, что касалось 1) непосредственного, «физического» присутствия; 2) словесных выражений; 3) эмоциональной направленности; в них не было элемента политической демагогии относительно согласия или несогласия с конкретными политическими требованиями, прозвучавшими в их ходе... Это были акты, нацеленные на обретение общественной принадлежности: стать частью массы, быть одним из многих... дело в том, что рядовой гражданин Египта превратился в чужака в своей собственной стране... За четыре десятилетия, пока проводились неолиберальные реформы, начало которым было положено «политикой открытых дверей» во времена Садата и продолжено при Мубараке, – не только лишь бедность, в чисто материальном

понимании этого слова, была главной заботой слоев, вынужденных вести борьбу за существование... Социальное отчуждение и аномия громко заявили о себе с началом египетского неолиберализма... Многолетние неолиберальные преобразования, принесшие консюмеризм западного характера... огороженные места, доступ в которые закрыт для большинства, уничтожение как реальных, так и виртуальных публичных пространств, притупили в людях чувство общности» [19].

Масла в огонь подлили и арабские элиты, развернувшие «символическое» наступление на общество, иначе говоря, намеренно демонстрировавшие собственные успехи. Если до неолиберальных преобразований арабское общественное мнение жило остатками националистических иллюзий (общая, коллективная борьба за обретение независимости, построение справедливого общества и т.д.), то теперь элиты стали открыто заявлять о том, что они состоят из людей другого сорта, нежели массы простых арабов (часто, как, например, в Египте, элиты к тому же насыщены не-арабами – коптами). Вновь возникшее политическое пространство, порожденное социальными сетями в Интернете, и объясняет те феномены, о которых говорит С. Эль Шейх. Некритическое восприятие информации, с одной стороны, разрушает прежние авторитеты, а с другой – приводит к легкой перемене во мнениях.

С экономической точки зрения данный феномен был отмечен Х. Абу Исмаилом и Н. Саранги: «Перераспределение нефтяной ренты в пользу частных лиц, по сути дела, продолжает наезженную стезю семейных и клиентских сетей, которые по самой своей природе способны увеличивать лишь доходы верхушки и усиливать неравенство... Подъем... *crony capitalism* и рост коррупции на Ближнем Востоке – наряду с факторами политического характера – привели к социальному взрыву, потрясшему регион в 2011 г.» [31].

Усиление и институционализация неравенства вкупе с попытками средствами медиа, литературы и кинематографа внушить населению мысль о том, что данное неравенство является природной данностью, привели к кризису всех течений мысли, устремленных в будущее, идеи прогресса как таковой. Последовательное крушение прогрессистских идеологий в арабском мире поистине

можно рассматривать как одно из впечатляющих явлений мировой истории.

Однако высокий уровень неравенства, как и рост подобного неравенства, не следует рассматривать как причину, обусловившую события «арабской весны». Все намного сложнее. Основной движущей силой выступлений были представители среднего класса, но отнюдь не беднейшие слои населения. Волнения были спровоцированы когортой образованных молодых людей, подвергшихся влиянию социальных сетей в Интернете. В этой среде еще очень высока неустойчивость в том, что касается самоопределения (отсутствующая на Западе, где границы между имущими и неимущими уже очень давно жестко прочерчены при помощи ряда культурных маркеров). Исходя из этого, мы едва ли можем с уверенностью говорить о том, как поведут себя представители наиболее активных социальных групп в будущем. О парадоксальности возможных конфигураций свидетельствует, например, опыт недавней политической мобилизации в Турции, где часто возникали самые непредвидимые союзы и расколы.

Возвращаясь к арабской проблематике, мы должны иметь в виду устойчивость поколенческих когорт, о которых шла речь выше. Так, многих наблюдателей «арабской весны» поразил феномен «братаний» между различными (по имущественному и культурному статусу) прослойками общества; однако и в данном случае участники всё же принадлежали к молодежной когорте. Этим объясняется отмеченная исследователями особенность: арабо-мусульманский мир представляет собой исключение в том, что касается распространившейся и успевшей стать глобальной тенденции фокусироваться на социально-экономическом неравенстве. Внутри когорты все так или иначе ощущают себя «своими» (данная особенность рассмотрена в ряде статей сборника «Разрешение конфликтов в арабском мире» [30]).

Обозначенный феномен также связан со специфическим восприятием неравенства («сегодня ты богат, а завтра уже нет»), равно как и с особенностями распространения информации в арабском социуме. Как уже было отмечено, последний, помимо классовых различий, структурирован возрастным делением: когорты сверстников здесь намного более замкнуты, чем где-либо; обмен взглядами осуществляется в основном внутри когорты и часто

сводится к транслированию одной, главенствующей точки зрения (с вариациями).

С высокой долей вероятности можно говорить о том, что «арабская весна» была связана с возбуждением молодежных когорт под влиянием интернет-технологий – настолько значителен был в ее ходе элемент хепенинга, особенно привлекательного для молодежи. Однако имело место оживление и панарабских иллюзий: быстрое распространение социальных сетей в Интернете привело к расширению аудитории, приобретшей трансграничный характер. Благодаря социальным сетям люди получили большие возможности обмениваться мнением с теми, кто проживает за рубежом. Атмосфера хепенинга – новых, небывалых возможностей, открывающихся перед арабским социумом – вызвала временное слияние мелких, часто семейных, групп и возрастных (в основном, молодежных) когорт, вышедших на улицы с самыми различными – часто полярно противоположными лозунгами. Это следует иметь в виду, особенно если речь идет об исламистах, также принимавших в этих событиях активнейшее участие.

Хаотический характер молодежных движений во многом был обусловлен поверхностным западным образованием, которое получила участвовавшая в событиях молодежь. Описывая Египет 1940-х годов, английский писатель Л. Даррел отмечал «неуклонный рост среднего класса, голосистого и не совсем неграмотного; их сыновья получают образование в Оксфорде вместе с нашими пригревшимися либералами, однако по возвращении на родину не могут найти себе применения» [17, р. 94]. Как можно заметить, ситуация с тех пор изменилась не очень сильно.

Эффект единения блестяще подметила С. Эль Шейх: «Это было действие, коллективное со всех точек зрения – физического присутствия, словесного выражения и эмоционального участия. Оно было совершенно лишено политической изоционности в том, что касалось согласия или несогласия того или иного из участников с конкретными требованиями, под знаменем которых данное событие разворачивалось» [19].

Фиктивность происходящего – и в смысле предполагаемых, но чаще всего абсолютно оторванных от реальности возможностей, и в смысле умелого стороннего программирования гетерогенных толп – имела здесь первостепенное значение. Отвлечение

общественного внимания от действительно значимых в данный момент действий превратилось в один из важнейших приемов, практикуемых на мировой политической арене Западом. Так, вполне возможно, что симуляцией, отвлекающим маневром – по крайней мере, на данный момент – следует считать и ситуацию, сложившуюся вокруг Тайваня. Это тем более вероятно, что экономическая подоплека здесь имеет совершенно иное значение, нежели в том, что касается отношений США с Россией. Всякий, кто читал посвященные Китаю работы министра финансов США Дж. Пауэлла, знает, что американская экономика глубоко пронизала Китай – диссоциация в данном случае едва ли возможна без обрушения мировой экономической системы. Кроме того, экономические и социальные диспропорции внутри самого Китая настолько значительны, что Китай просто не может рассматривать вариант автаркии. Таким образом, всё поведение Китая на международной арене представляет собой не что иное, как «телодвижения», цель которых – подать знак прочим актерам, взять «нужную ноту» (что интересно, уже совсем не заботясь о пресловутом «сохранении лица»). Всё это имеет самое непосредственное отношение к Ближнему Востоку и Северной Африке – и даже не в силу экономического проникновения Китая в эти регионы. Дело в самой стилистике поведения державы, уже играющей роль мирового экономического «мотора» и претендующей на статус политического гегемона планеты.

Данное развитие в сторону театрализации политики, целенаправленно начатое Англией уже в XVI в., отнюдь не является чем-то из ряда вон выходящим. Напротив, оно продиктовано самой логикой развития мировой капиталистической системы. Как отмечает Д. Харви, для капитализма как способа социальной организации «характерно использовать маски и фетиши, создавать новые потребности, трансформировать различные пространства» [4, с. 538]; в области политики капитализм склонен к демонстрации силы, в частности, «к нескрываемому наращиванию социального господства» [там же, с. 525], а в области эстетики – к «новому авторитаризму» [там же, с. 201], причем «прививка фикции... к повседневному ощущениям... есть лишь имитация» [там же, с. 202].

Следует оговориться, что видимость вполне способна иметь и огромный творческий потенциал, отмеченный, например,

Н. Луманом. Именно феномен воображаемого в изменении образа жизни позволил, например, Южной Корее добиться существенных успехов в области экономики, причем сохранив крайне архаичные общественные структуры и обойдясь без неолиберального «creative destruction».

Последнее представляется особенно угрожающим, если учесть, что поисковые системы изучают наши предпочтения и преподносят нам информацию, подтверждающую сформировавшийся у нас взгляд на мир. Как отмечает американский предприниматель и политический аналитик М. Пенн, процитировав некую расхожую медийную «утку» относительно того, как Трамп буквально сдал русским Америку в обмен на помощь электорального характера, «тут нет никакой логики, однако, наверное, примерно сорок процентов из числа читателей этого абзаца умудрились поверить, что так все и было» [18, р. 283]. Таким образом, фикция становится неотличимой от реальности. Глобализация лишь усиливает ее воздействие, что позволяет говорить о появлении культурных, политических и экономических феноменов, не имеющих прецедентов в истории. «Арабская весна» – лишь один из образцов совокупного воздействия данных феноменов.

Примечательно распространение явлений искусственного характера – в смысле максимальной оторванности от материального субстрата – и тем не менее играющих весьма существенную роль. Показательный тому пример – современные валюты, которые обеспечиваются уже не реальным драгоценным металлом, и даже не «всей совокупной, в том числе и военной, мощью» (часто – вполне фиктивной) того или иного государства, а способностью навязать («продать») данную валюту остальным игрокам; последнее становится возможным благодаря «мягкой силе» и откровенному блефу.

Процесс «фиктивизации» всего и вся усугубляется распространением упрощенного мировосприятия, навязываемого современными СМИ и закрепляемого, в том числе, и медикаментозным путем, – не секрет, что, например, в США большая часть населения принимает лекарства от повышенной возбудимости, а другая – от депрессии; именно таким образом осуществляется своего рода стигматизация и «химически» закрепляется место индивида в общественной структуре.

Арабская версия неолиберализма имеет ко всему этому самое непосредственное отношение – избрание образа действий в немалой степени было обусловлено повышенной восприимчивостью к фикции как «новому слову» – именно так и воспринимали в данном регионе сначала социализм / марксизм, а затем неолиберализм. Характерное для последнего всевластие банковского сектора и биржевых спекулянтов, имеющих дело не с реальными вещами, а со знаками (также не что иное, как проявление «фиктивизации»), поначалу никого не смущало, ведь именно здесь в Средние века и была изобретена банковская система как таковая.

В новых условиях существенно повышается общественная роль профессий, так или иначе связанных с культурой слова. Однако именно на Ближнем Востоке издавна словесность играла исключительную роль. Таким образом, «арабская весна» – с тем значением, которое приобрели социальные сети – здесь пришлась особенно ко двору, тем более что в обстановке тотальной «пост-правды», продвигаемой по всему миру Западом, массовые заблуждения стали «новой нормой».

Как показывает Б. Даффи, подобные феномены возникают в поле злокачественной фиктивности, связанной с особенностями восприятия информации. Как показали события, развернувшиеся на Ближнем Востоке, тенденция к неверному толкованию информации связана с дискретным восприятием мира, подверженностью настроениям момента, отсутствием системного взгляда на вещи (с чем и связано лихорадочное метание от марксизма к неолиберализму – и далее, к экстремизму). «Системный взгляд на вещи позволяет объяснить, в силу каких обстоятельств подобные заблуждения... оказываются столь устойчивыми – сохраняя живучесть, несмотря на течение времени, они наблюдаются во всех без исключения странах и касаются весьма широкого спектра проблем» [18, р. XI]. Разрушение системного взгляда на мир на Арабском Востоке приобрело колоссальные масштабы – с одной стороны, прогрессистские, а затем неолиберальные идеологи не скупилась на обещания, рисуя радужные картины экономического процветания; с другой – пестовались мечты об «арабском единстве», существующем лишь как идеал, но опирающемся в умах миллионов на величие многовековой арабо-мусульманской культуры, объединившей полмира под своими знаменами.

Как отмечает Б. Даффи, «устоявшиеся заблуждения побуждают к действиям. Получив закрепление благодаря петлям обратной связи, характерным для стремления во что бы то ни стало – к политическим результатам, вкупе с рейтингами популярности, всё более тяготеющими к обесмыслившейся моментальности... данные заблуждения легко превращаются в некую новую реальность для широчайших слоев населения» [18, р. XI]. Повышенное стремление к публичности, характерное для арабской культуры, приводит к тому, что новое, модное восприятие реальности, по сути ничем не отличающееся от массового заблуждения, с легкостью завоевывает умы. Никогда прежде в истории массы не были готовы поверить в возможность стремительных изменений к лучшему благодаря неким новым решениям политического характера. Цинизм политиков превращает такие настроения в явления, подобные «арабской весне», украинским событиям и т.д.

Как показало социологическое исследование, проведенное Стэндфордским университетом в 2017 г., даже весьма подготовленные реципиенты информации (среди таковых было, например, 10 профессоров и аналогичное число докторов исторических наук) с невероятной легкостью становятся жертвами умело подготовленной и преподнесенной дезинформации, распространяемой посредством Интернета. В обстановке «постправды» область массовой информации претерпевает изменения. Так, колоссальную роль начинают играть политические журналисты – уже «в силу своего образования склонные к предубеждению, подверженные стороннему влиянию и руководствующиеся интуицией, а не трезвой оценкой обстоятельств» [18, р. 203]. На Арабском Востоке риторика и люди, так или иначе связанные с ней, в течение веков играли огромную, можно сказать, исключительную роль, во многом определяя основные силовые линии внутри общества.

Данное свойство арабской культуры тем более примечательно – в том, что касается дальнейших путей развития региона, что на наших глазах возникает некий новый мир, системообразующим элементом которого является фиктивность. Это мир «spin doctors», мемов, постов и перепостов, ссылок и отсылок, мир, в котором материальный субстрат имеет лишь вторичное, вспомогательное значение, причем творцы «нового дивного мира» сами становятся жертвами иллюзии, переоценивая собственную роль и полагая, что

материальная сторона вопроса, реальные, ощутимые ценности отныне играют лишь вспомогательную роль. Очень часто в современном мире тенденции возникают в результате неверных предположений о том, что думают окружающие. Люди переносят собственные комплексы на остальных, а медиа укрепляют их в данном заблуждении.

Одним из наиболее показательных тому примеров – то отношение, которое Запад выработал к иммигрантам. «Выступающие против засилья иммигрантов партии, по преимуществу, получают выгоду от неадекватных представлений о масштабах данной проблемы, что преувеличивает ее значимость для публики» [18, р. XI]. Даффи (со ссылкой на Pew research center) приводит пример французского общества, в котором сформировалось убеждение – совершенно ошибочное, что иммигранты (особенно из арабских стран) в ближайшем будущем будут составлять едва ли не половину населения страны¹ [ibid., р. 115]. Данные заблуждения благодаря иммигрантам транслируются в арабские страны и приводят к новым заблуждениям (в частности, что «арабский мир» вскоре мирным путем овладеет Европой). «Наши ошибочные представления относительно иммигрантов и религии – не что иное, как архетипы свойственной нам системы заблуждения... В значительной мере они приводятся в действие глубоко укорененной родоплеменной идентичностью в результате целенаправленного воздействия на последнюю средств массовой информации и политической демагогии» [ibid., р. 121].

Арабский социум вполне может оказаться легкой мишенью для подобной демагогии. Пожалуй, нигде в мире родоплеменная идентичность – совершенно «фантомного» характера – не определяет общественную реальность в такой степени, как на Арабском Востоке: актуализируемые в публичном поле заверения в верности общеарабскому единству лишь в настоящее время – под напором всё более очевидной реальности разобщения – начинают отходить на второй план, уступая место узко национальным интересам. Однако последние – как показали события «арабской весны» – также

¹ Речь идет о доктрине «великого замещения» Р. Камю. (См.: Гордон А.В. Великое замещение – доктрина войны цивилизаций // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 4. – С. 5–21.)

могут быть истолкованы совершенно превратным образом, так как акцент делается на политической, а не на социально-экономической, составляющей идентичности. Даффи отмечает особую влияние, которую приобрели в настоящее время идентичность и связанные с ней представления, актуализируемые в повседневном общении – и это опять-таки работает на ту злокачественную «фиктивность», о которой шла речь выше: «Акценты все более склонны смещаться с фактов на нарративы, объединяющие людей в силу наличия у них общих историй и эмоциональных реакций» [18, р. 121].

Даффи приводит мнение Йельского профессора-правоведа Д. Кахена: «Наши... критические способности едва ли могут рассматриваться как надежное средство, способное выступить в роли своего рода предохранителя, когда речь идет о рассуждениях, в основе которых лежит глубинная мотивация. Хуже того: мы весьма склонны к тому, чтобы исказить факты, чтобы они соответствовали нашим убеждениям» [ibid., р. 163]. Он демонстрирует, как это работает, на примере Южной Кореи, где в ходе социологических опросов выяснилось, что под влиянием разных обстоятельств (в том числе, не в последнюю очередь, ядерных испытаний в Северной Корее) люди склонны рассматривать соотечественников как убежденных пессимистов, тогда как на деле около 90% считают себя счастливыми [ibid., р. 30].

Таким образом, ожидания вступают во взаимодействие с информационными потоками; в зависимости от особенностей той или иной социальной среды (например, склонности людей к некритической или чрезмерно критической реакции на окружающих) образуются характерные для данной среды тенденции, которые можно сравнить с метеорологическими условиями. Подобные «информационные облака» – благоприятное поле для воздействия самых разнообразных агентов – как внутренних, так и внешних.

В области информации уже успел сформироваться такой феномен, как «стадный инстинкт»: когда средства массовой информации говорят о какой-либо социальной «эпидемии», например, «эпидемии ожирения», люди склонны воспринимать это не в смысле проблемы среди прочих проблем, а как нечто, получившее повальное распространение, и, следовательно, является нормальным, социально приемлемым. «Таким образом, то, что было при-

звано указать на проблему, превращается в оправдание и поощрение» [18, р. 31]. При этом оценка масштабов проблемы чаще всего оказывается неадекватной. Так, Турция, Израиль, Индия, Япония и Китай сильно преувеличили их, и лишь Южная Корея оценила их верно [ibid., р. 23].

К этому следует добавить и «эффект Даннинга – Крюгена», гласящий, что лица / группы / страны, располагающие недостаточной / плохой информацией, как правило, отличаются наибольшей самоуверенностью. Так, проведенное в 2017 г. социологическое исследование показало, что индийцы отличаются наименьшей аккуратностью в отношении фактов, однако 38% опрошенных индийцев продемонстрировали абсолютную уверенность в правильности собственных ответов на поставленные вопросы (для сравнения – в Швеции данный показатель составил 7%, а в Норвегии – 2%) [ibid., р. 234]. Данное обстоятельство в Индии, на Филиппинах и прочих странах с низким уровнем внешнего проникновения усугубляется еще и тем, что население склонно рассматривать «катастрофические» (с точки зрения более развитых стран) ситуации как нормальные.

В то же время даже в преуспевающих странах встречается феномен своеобразного «общественного пессимизма»: «Если верить оценкам независимого шведского фонда “Gampinder”, людям в целом свойственны неправильные представления о мировом развитии – данные представления страдают от излишнего негативизма» [ibid., р. 203]. Под влиянием тех или иных факторов или же укоренившегося взгляда на мир, выражающегося в вошедших в привычку, общепринятых дискурсах, люди, у которых дела обстоят совсем не так плохо, начинают жаловаться на жизнь. Так, в Бельгии 83% считают, что все в целом имеет тенденцию ухудшаться [18, р. 213].

Интернет в особенности способствует распространению такого феномена, как «ложный консенсус»; Даффи демонстрирует это на примере нарождающегося индийского среднего класса: «Среди данного слоя индийского общества распространилось убеждение, что все окружающие намного более похожи на них, нежели это имеет место в действительности» [ibid., р. 193]. Так, в 2016 г. бытовало убеждение, что у 60% населения был доступный Интернет, тогда как на деле речь шла лишь о 19% [ibid., р. 191].

Даже в странах, не столь подверженных слухам, данные явления имеют место. Например, в Великобритании бытует убеждение, что 20% всех инвестиций в экономику страны имеет китайское происхождение, тогда как в действительности данная цифра составляет всего 1% [ibid., p. 164]. Вера в китайское засилье сформировалась в результате предвыборной кампании, когда медиа всячески раздували угрозу национальному суверенитету со стороны Поднебесной.

Нагляднейшим образом «боевое» применение умело сформированного медиа «ложного консенсуса» было продемонстрировано в ходе «арабской весны», когда значительные исторические события свершились в результате целенаправленного воздействия на массовую аудиторию при помощи социальных сетей, которые в контексте арабо-мусульманского мира исторически имеют колоссальное значение. Не будет преувеличением сказать, что здесь именно структуры общения, а отнюдь не экономика играют определяющую роль. Следует также обратить внимание на то, что реальные горизонты возможностей для масс оказались надежно укрытыми уже упомянутыми «информационными облаками». Арабская «улица» просто не понимала, что в результате политических подвижек никакие реальные экономические улучшения достигнуты быть не могут.

Положение арабского мира становится особенно примечательным, если принимать во внимание те колоссальные подвижки, которые имеют место в непосредственной близости от него. Так, Африка превращается в одно из наиболее перспективных – наряду с Китаем и Индией – мест для инвестиций. Существующие представления о повальной нищете и фактическом вымирании должны быть пересмотрены. С началом XXI в. наметилась тенденция к устойчивому росту населения. Урбанизация и улучшение делового климата привели к тому, что средний класс составляет более 100 млн человек [15, p. 34]. Южная Африка, Нигерия и Эфиопия имеют все шансы стать неким подобием Пруссии XIX в. как в том, что касается региональной торговли, так и в политическом смысле. В то же время, в странах севернее Сахары – отчасти под влиянием конфликтов, как миновавших (Алжир), так и продолжающихся и по сей день (Ливия), положение, напротив, проявляет все признаки грозного кризиса. Как отмечает Ф. Трентман, распространение за-

падного стиля жизни привело к колоссальным изменениям в мировоззрении, однако – парадоксальным образом – способствовало закреплению ценностей, характерных для трайбализма [34, р. 347].

Злокачественное развитие приобретает разнообразные и подчас самые неожиданные формы. Так, в странах Западной Африки ведьмы превращаются в своеобразный центр социальной жизни. По этим каналам осуществляются миграция и репатриация, улаживаются семейные конфликты (хотя само это явление в его новой ипостаси вызвано кризисом семейных отношений и склонно лишь углублять данный кризис). Как демонстрирует Л. Шелли, масштабные террористические акты становятся возможными благодаря совпадению ряда факторов, каждый из которых требует значительного финансирования – что едва ли возможно без скрытого участия весьма могущественных государств. Данные государства, прежде всего США, сознательно создают в Африке пояс нестабильности, чтобы отрезать арабские страны от быстро развивающихся африканских экономик. Одно из средств для достижения данной цели – организованная преступность. Как показывает Шелли, «транснациональная организованная преступность вполне способна приобретать серьезную политическую направленность» [32, р. 117]. Примечательно, что изначально религиозные структуры «отказываются от исламистской повестки дня и превращаются в гибридные террористические организации, будучи в значительной мере мотивированными криминальной активностью. Они меняют тактику в целях достижения большей выгоды» [ibid., р. 64].

Как показывает С.А. Хэрмон, транссахарский трафик (от сигарет – до оружия и наркотиков) уже в 2007 г. приобрел огромные масштабы, обзаведясь вполне устойчивыми сетями. По странному стечению обстоятельств именно в 2007 г. было создано «US African Command» (на основе Транссахарской антитеррористической инициативы), которое – в том, что касалось заявленных целей – «следует признать совершенно провальным предприятием» [23, р. 140]. Хэрмон отчетливо показывает, как антитеррористическая деятельность США на деле служит совершенно обратным целям, а именно: внесению хаоса и насаждению криминального подполья.

В настоящее время неолиберальная система рухнет, и в арабском мире ей на смену приходит вновь изобретенный араб-

ский национализм уже в рамках национальных государств. В связи с этим становится абсолютно необходимой развитая сеть государственных институтов, что, в свою очередь, влечет за собой кардинальные перемены в общественных отношениях. Люди всё более тяготеют к инклюзивному стилю общения – не в последнюю очередь благодаря приобретенному миграционному опыту.

Список литературы

1. Исаев Л.М., Шишкина А.М. Египетская смута XXI века. – Москва : Либроком, 2012. – 250 с.
2. Кирпиченко В.И. Новая и современная литература Египта (XIX–XX вв.) – Москва : Институт востоковедения РАН, 2003. – 88 с.
3. Мовчан А., Митров А. Проклятые экономки. – Москва : АСТ, 2020. – 464 с.
4. Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. – Москва : Издательский дом ВШЭ, 2021. – 576 с.
5. Abdellatif P., Pagliani P., Hsu E. Leaving no one behind : towards inclusive citizenship in Arab countries. – New York : United Nations Development Programme, 2019. – 38 p.
6. Achcar G. The People Want: A Radical Exploration of the Arab Uprising. – London : Saqi Books, 2013. – 416 p.
7. Achcar G. On the “Arab Inequality Puzzle” : the Case of Egypt // Development and Change. – 2020. – Vol. 51, N 3. – P. 746–770.
8. Achcar G. Morbid Symptoms: Relapse in the Arab Uprising. – Stanford : Stanford University Press, 2016. – 240 p.
9. Ayish M. New Media in the Arab Spring Demystified. A Study of Satellite Television and Social Networks’ Role in Arab Political Transitions // The Arab World: The Role of Media in the Arab World’s Transformation Process / ed. C. Schmidt. – Berlin : Vistas, 2012. – P. 97–116.
10. Badr H. Limitations of the Social Media Euphoria in Communication Studies // Égypte/Monde arabe. – 2015. – N 12. – P. 177–193.
11. Batstone J. The Use of Strategic Nonviolent Action in the Arab Spring // A Journal of Social Justice. – 2014. – Vol. 26, N 1. – P. 28–37.
12. Marginality and Exclusion in Egypt / eds.: R. Bush, S. Ayeb. – London : Zed Books, 2012. – 256 p.
13. Bush R. Poverty and Neo-Liberal Bias in the Middle East and North Africa. // Development and Change. – 2004. – Vol. 35, N 4. – P. 673–695.
14. Cooper M. State Capitalism, Class Structure and Social Transformation in the Third World : The Case of Egypt // International Journal of Middle East studies. – 1983. – Vol. 15, N 4. – P. 451–469.
15. Courade G. L’Afrique dans la triade emergente // Revue des deux mondes. – 2014. – Septembre. – P. 31–40.

16. Demir E. “The Arab Spring” : An Anti-Systemic Movement? The Case of Egypt // Academia. – URL: https://www.academia.edu/3847097/The_Arab_Spring_an_Anti_systemic_Movement_The_Case_Of_Egypt (дата обращения: 25.10.2022).
17. Durrel L. Mountolive (Alexandria Quartet). – New York : Penguin Books, 1991. – 320 p.
18. Duffy B. The Perils of Perception. Why We Are Wrong About Nearly Everything. – London : Atlantic Books, 2019. – 304 p.
19. El Sheikh S. The Missing Element in Egypt : A Sense of Belonging. – URL: <https://www.opendemocracy.net/en/north-africa-west-asia/missing-element-in-egypt-sense-of-belonging/> (дата обращения: 14.10.2022).
20. Fargues Ph. Mass Migration and Uprisings in Arab Countries : An Analytical Framework // International Development Policy. – 2017. – N 7. – URL: <https://journals.openedition.org/poldev/2275> (дата обращения: 13.10.2022).
21. Fontaine M., Rahman Sh. Fiction, Creation and Fictionality : An Overview // Methodos/savoirs at textes. – 2010. – N 10. – URL: <https://doi.org/10.4000/methodos.2343> (дата обращения: 11.10.2022).
22. Flichy P. Internet et debat democratique // Reseaux. Parler politique en ligne. – 2008. – N 4 (150). – P. 159–185.
23. Harman S.A. Terror and Insurgency in the Sahara-Sahel Region. Corruption, Contraband, Jihad and the Mali War of 2012–2013. – New York : Routledge, 2014. – 296 p.
24. Khalil Y. Neoliberalism and the Failure of Arab Spring // New Politics. – 2015. – July 15. – URL: https://newpol.org/issue_post/neoliberalism-and-failure-arab-spring/ (дата обращения: 06.10.2022).
25. Krauthammer Ch. The Arab Spring of 2005 // Seattle Times. – 2005. – March 21. – URL: <https://www.seattletimes.com/opinion/the-arab-spring-of-2005/> (дата обращения: 01.10.2022).
26. Khondker H. Role of the New Media in the Arab Spring // Globalizations. – 2011. – Vol. 8, N 5. – P. 675–679.
27. Lapidus I.M. A History of Islamic Societies. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 1002 p.
28. Miller R., Verhoeven H. Overcoming Smallness : Qatar, the United Arab Emirates and Strategic Realignment in the Gulf // International Politics. – 2019. – N 57. – P. 1–20.
29. Nasef A. Blood for My Country // Asaleh A. Voices of Arab Spring : Personal Stories from Arab Revolutions. – New York : Columbia University Press, 2015. – P. 153–156.
30. Conflict Resolution in the Arab World: Selected Essays / ed. P. Salem. – Syracuse, NY : Syracuse University Press, 1997. – 482 p.
31. Sarangi N., Abu-Ismaïl K. Rethinking the Measurement of the Middle Class: Evidence from Egypt. – 2015. – 30 p. – (Wider Working Paper ; № 23).
32. Shelly L.I. Dirty Entanglements. Corruption, Crime and Terrorism. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – 386 p.

33. Tasnim H. Arab Spring 2011 : The Role of Public Spaces and Digital Spaces [Powerpoint Slides]. – 2014. – URL: <http://www.slideshare.net/humairatasnim/arab-spring-30793923> (дата обращения: 11.10.2022).
34. Trentman F. Empire of Things: How We Became a World of Consumers, from the Fifteenth Century to the Twenty-First. – London : Penguin Books, 2017. – 912 p.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

КУДАЯРОВ К.А.* ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ГОРНОДОБЫВАЮЩУЮ ОТРАСЛЬ КЫРГЫЗСТАНА

Аннотация. В статье рассматриваются основные инвестиционные проекты, реализуемые иностранными инвесторами в горнодобывающем секторе Кыргызской Республики. Несмотря на нехватку информации относительно вкладываемых в республику зарубежных инвестиций, главные проекты, определяющие инвестиционную картину в нефтегазовой и золотодобывающей отраслях кыргызской экономики в целом ясны.

Основными партнерами, определяющими степень инвестиционной привлекательности нефтегазового и золотодобывающего секторов республики, выступают Россия, КНР, Казахстан и Турция, проявляющие традиционно высокую активность и в других отраслях экономики Кыргызстана.

Ключевые слова: иностранные инвестиции; горнодобывающая промышленность; нефтегазовая сфера; золотодобывающая промышленность; Кыргызстан; Россия; КНР; Турция; Казахстан.

KUDAYAROV K.A. Foreign investments in the mining industry of Kyrgyzstan

Abstract. The article attempts to consider the main investment projects implemented by foreign investors in the mining sector of the Kyrgyz Republic. Despite the lack of information on foreign investments invested in the republic, the main projects determining the investment picture in the oil and gas and gold mining sectors of the Kyrgyz economy are generally clear.

* Кудаяров Каныбек Акматбекович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

The main partners determining the degree of investment attractiveness of the oil and gas and gold mining sectors of the republic are Russia, China, Kazakhstan and Turkey, which are traditionally highly active in other sectors of the Kyrgyz economy.

Keywords: foreign investments; mining industry; oil and gas sector; gold mining industry; Kyrgyzstan; Russia; China; Turkey; Kazakhstan.

Для цитирования: Кудаяров К.А. Иностранные инвестиции в горнодобывающую отрасль Кыргызстана // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 1. – С. 63–73. DOI: 10.31249/rva/2023.01.04

Горнодобывающая промышленность Кыргызстана в последнее десятилетие переживает очередной инвестиционный бум, вызванный ростом интереса к добыче нефтегазовых и золоторудных месторождений республики. Сложный характер добычи полезных ископаемых в условиях горного ландшафта и связанные с ней финансовые издержки не помешали иностранным горноразработчикам вкладываться в кыргызскую экономику. Основными странами, создающими капиталоемкие производства в горнодобывающем секторе кыргызской экономики, выступают Россия, Казахстан, Китай и Турция.

Несмотря на скромные внутренние инвестиционные возможности кыргызской экономики и острую потребность в привлечении финансовых ресурсов из-за рубежа, в республике имеется своя промышленная инфраструктура, ориентированная на эксплуатацию горных геологических площадей. К крупнейшим из них относятся «Кыргызнефтегаз» и «Кыргызалтын».

«Кыргызнефтегаз» является нефтегазодобывающим предприятием, специализирующимся на разведке и добыче нефти и газа на территории Кыргызской Республики. Основным акционером является государство в виде Фонда по управлению государственным имуществом [9]. В 2012 г., после приобретения британской компании «Кыргыз петролеум компани», государственная компания «Кыргызнефтегаз» стала единственным предприятием, которое имеет полный хозяйственный цикл, начиная с проведения разведывательных работ, добычи, вплоть до продажи нефти и газа покупателям.

Крупнейшим отечественным предприятием Кыргызской Республики, специализирующимся на освоении месторождений золота, является государственный концерн «Кыргызалтын», основанный 15 октября 1992 г., с целью объединения предприятий горнодобывающей отрасли Кыргызской Республики для поддержания производства действующих предприятий и реализации новых проектов по добыче золота. Общество в настоящее время, вместе с партнерами по совместным проектам производит более 97% золота Кыргызстана. На долю золотодобычи приходится около 10% ВВП республики, 40% промышленного производства и 60% экспорта. По производству золота Кыргызская Республика занимает третье место среди стран СНГ [12].

Большинство кыргызских горнодобывающих предприятий задействованы в сфере добычи каменного и бурого угля. Это ОсОО «Пэрити-коал», ОсОО «Комур-кен», ОсОО «Шахта “Беш-Бурхан”», «Кен Компани», ОсОО «Торс», ОАО «Жазы», АО «Кызылкия комур», ОсОО «Тегене», ОсОО «Палладекс», ОАО «Шахта Жыргалан». **К предприятиям, занимающимся добычей других видов полезных ископаемых, относятся** «Кен компани» (добыча кварца), ОсОО «Жедигер Аман» (добыча вольфрама и молибдена), ОАО «Кадамжайский сурьмяный комбинат» (добыча сурьмы), ГП «Хайдарканское ртутное АО» (добыча монометаллических руд), ОсОО «Чувай-кен» (добыча и переработка ртуть содержащего концентрата) и др.

Россия. Российские инвестиции в горнорудной промышленности Кыргызстана представлены ОсОО «Альянс Алтын», являющимся дочерним предприятием ОАО «Восток-геолдобыча», которым владеет «Русская Платина». «Альянс Алтын» зарегистрировано Министерством юстиции Кыргызской Республики 2 июня 2015 г. в с. Сасык-Булак Таласского района Таласской области [10]. Совокупные инвестиции российской компании на момент запуска золотоизвлекательной фабрики в Кыргызстане составили более 410 млн долл. США [1]. Запуск Таласского золоторудного комбината состоялся в марте 2021 г., в открытии которого приняли участие президент Кыргызстана Садыр Жапаров и президент России Владимир Путин. Проектная мощность золотоизвлекательной фабрики составляет 1,3 млн т руды в год. С момента запуска она работает в устойчивом штатном режиме, и ее фактиче-

ская производительность превышает проектную. На 30 июня 2022 г. на фабрике произведено 5,052 кг золота. Из них аффинировано и реализовано 4,744 кг. Полученная выручка достигла 280 млн долл. За всё время «Альянс Алтын» выплатило в бюджет Кыргызстана 13,2 млрд сом (190 млн долл. США). В 2022 г. «Альянс Алтын» планирует добыть на месторождении «Джеруй» 1 млн 79 тыс. т руды и произвести 3996 кг аффинированного золота.

Среди совместных предприятий обрабатывающей промышленности Кыргызстана Кара-Балтинский горнорудный комбинат (КГРК), основным акционером которого является российский холдинг «Урал Платина» (с 2007 г.), входящий в группу компаний «Ренова» Виктора Вексельберга. «Урал-Платина» приобрел государственный пакет акций КГРК в 72,28% примерно за 1,8 млн долл. США [11]. С 2016 г. КГРК простаивает из-за отсутствия сырьевой базы и заказов из Казахстана, поскольку завод казахстанского «НацКазПрома» остановил производство и разорвал с КГРК договор на переработку химконцентратов природного урана.

«Хайдарканский ртутный комбинат» (ХРК) является государственным предприятием, операционная деятельность которого стала возможной благодаря инвестиционным вложениям (3 млн долл. США), концерна «Северсталь» (в 2017 г.). Привлеченные средства позволили наладить производство ртути на предприятии. Тем не менее ХРК требуются дополнительные финансовые вложения, которые бы позволили запустить полноценное производство. Руководство «Северстали» готово продолжить инвестирование комбината в обмен на получение, по меньшей мере, 50% акций предприятия [4]. Данный вопрос прорабатывается сторонами.

«Кадамжайский сурьмяной комбинат» (КСК) на данный момент признан банкротом, а на его имущество наложен арест в связи с возбуждением уголовного дела по факту коррупции при купле-продаже комбината в 2005 г. После завершения следственных и судебных процедур, государство планирует вновь запустить производство на комбинате.

КНР. Существует большой перечень китайских компаний, заключивших договор с кыргызским государственным предприятием «Кыргызнефтегаз» на совместную добычу нефти и газа на территории республики. Среди них компания «Среднеазиатский Петролеум» (зарегистрированная в 2014 г.), специализирующаяся

на добыче природного газа [13]. «Кыргызнефтегаз» и «Среднеазиатский Петролеум» заключили контракт на бурение новых скважин и проведение капитального ремонта в бездействующих и ликвидированных скважинах; проведение методов интенсификации добычи нефти на месторождении «Майли-Су IV – Восточный Избаскент» (на III–XXIII горизонты) [5]. 60% добываемой нефти принадлежит «Кыргызнефтегазу», 40% – «Среднеазиатскому петролеуму».

ЗАО «Нефтегазовая Компания «Тен И», занимающаяся добычей сырой нефти, заключила аналогичный контракт с «Кыргызнефтегазом» на осуществление деятельности на месторождениях «Майли-Су IV» (III–XVIII пласт), «Восточный Избаскент» (III–VII пласт), «Избаскент» (III–X пласт) [там же].

ЗАО «Тен Лун», занимающееся разведочным бурением, заключило контракт с «Кыргызнефтегазом» о проведении совместных работ по бурению новых эксплуатационных скважин и реабилитации бездействующих и ликвидированных скважин; проведении методов интенсификации добычи нефти на отведенном участке месторождения «Майли-Су IV – Восточный Избаскент», «Избаскент» (III–X горизонты); проведение бурения новых эксплуатационных скважин и капитального ремонта бездействующих и ликвидированных скважин на месторождении «Майли-Сай» (Кызылжар) (V–VII горизонты). «Тен Лун» также занимается геологоразведочными работами на разведочной площади «Избаскент-Алаш» [там же].

ОсОО «Сань Шань Юань», специализирующееся на оптовой торговле сырой нефтью и попутным газом, заключило контракт с «Кыргызнефтегазом» с целью бурения новых скважин и проведения капитального ремонта в бездействующих и ликвидированных скважинах, также проведения методов интенсификации добычи нефти на месторождениях «Майли-Су IV – Восточный Избаскент» (III-й пласт), «Избаскент», «Чангыр-Таш», «Северный Каракчикум» [там же].

ОсОО «Bright Resources Holding Ltd» (занимающееся согласно КВЭД 09.10.1 – бурением скважин для добычи нефти и природного газа) заключило контракт с «Кыргызнефтегазом» с целью увеличения объемов добываемой нефти из месторождений «Бешкент», «Тогап» и «Тамчи» [там же].

ОсОО «Энергоресурсы Средней Азии» заключило контракт с «Кыргызнефтегазом» для осуществления бурения новых скважин и проведения капитального ремонта в бездействующих и ликвидированных скважинах; проведения методов интенсификации добычи нефти на месторождении «Майли-Су IV – Восточный Избаскент» (III–XVIII горизонты) [5].

ОсОО «Кыргызжер нефтегаз» (во главе с директором Нью Цзяньминем) заключило контракт с целью бурения новых скважин и проведения капитального ремонта в бездействующих и ликвидированных скважинах на месторождениях «Восточный Избаскент» (III–VII горизонты), «Избаскент» (до X горизонта), «Чангыр-Таш» (III–VII горизонты) и «Чигирчик» (до XXIII горизонта) [там же].

ОсОО «ПиИАй» заключило контракт с ОАО «Кыргызнефтегаз» с целью проведения геологоразведочных работ на площадях «Сусамыр» и «Избаскент-Алаш»; бурения новых эксплуатационных скважин; проведения капитального ремонта на бездействующих и ликвидированных скважинах месторождения «Майли-Су IV – Восточный Избаскент» (III–XIX горизонты) [там же].

ОАО «Кыргызнефтегаз» и ОсОО «Китайская нефтяная компания» заключили контракт на проведение бурения новых скважин и проведение капитального ремонта в бездействующих и ликвидированных скважинах на месторождениях «Майли-Су IV – Восточный Избаскент» (III–XXIII горизонты), «Чангыр-Таш» (до VII-го пласта) [там же].

ОсОО «Цзинь Дао» и ОАО «Кыргызнефтегаз» заключили контракт с целью бурения новых скважин на месторождениях «Майли-Су IV – Восточный Избаскент», «Сузак»; проведения капитального ремонта скважин бурением боковых стволов и других мероприятий на месторождениях «Майли-Су IV – Восточный Избаскент», «Избаскент», «Чангыр-Таш», «Майли-Сай», «Бешкент-Тогап-Ташрават», «Сузак». «Цзинь Дао» также занимается проведением геологоразведочных работ на разведочных площадях «Избаскент-Алаш» и «Токтогульская впадина» [там же].

ОАО «Кыргызнефтегаз» и ОсОО «Энергодобывающая компания «Дади» заключили контракт на бурение 75 эксплуатационных скважин на месторождениях «Майли-Су IV – Восточный Избаскент»; «Избаскент»; проведение капитального ремонта скважин и методов интенсификации добычи нефти [там же].

ОАО «Кыргызнефтегаз», ОсОО «Геологоразведочная компания Фан Юан» и ОсОО «Кыргызжер Нефтегаз» заключили трехсторонние договоры о передаче права требования, на основании которого ОсОО «Кыргызжер Нефтегаз» передало все права и обязанности на пробуренные 28 скважин ОсОО «Фан Юан» [5].

Интересы китайских инвесторов не ограничиваются деятельностью исключительно в указанных секторах и также представлены в области добычи и обогащения руд драгоценных (благородных) металлов. К наиболее крупным китайским проектам относится «Макмал Голд Компани» – учрежденный в 2018 г. кыргызским ОАО «Кыргызалтын» (с долей в 34%) и китайской компанией «Мансон Групп» (66%). Китайская сторона обеспечила оборудование для извлечения золотосодержащей руды подземным способом на месторождении «Макмал» [19]. Уставный капитал ОсОО «Макмал Голд Компани» составляет около 1,5 млрд сом (примерно 21 млн 462 тыс. долл. США).

Китайская компания Superb Pacific Limited (являющаяся дочерней компанией крупнейшей горнодобывающей компании КНР – «Zi Jin Mining») в 2011 г. выкупила у казахстанской «Summer Gold Ltd» ее долю в освоении кыргызстанского золоторудного месторождения Талды-Булак Левобережный (т.е. 60% от совместного проекта за 66 млн долл. США). Таким образом, китайский инвестор стал владельцем большей части месторождения в совместной (уже кыргызско-китайской) компании «Алтынкен» [6]. Остальные 40% принадлежат кыргызскому государственному ОАО «Кыргызалтын». По оценкам запасы золота на данном месторождении составляют 78 т [2]. Общий объем китайских инвестиций в реализацию проекта превышает 200 млн долл. США [3]. Проект «Талды-Булак Левобережный» был сдан в эксплуатацию в 2015 г. Проектный срок эксплуатации месторождения составляет 19 лет. Годовой объем добычи золота превышает 4 т. [14].

Также извлечением драгоценных металлов в Кыргызстане занимаются ООО «Горная инвестиционная компания «Кайди», владеющая четырьмя лицензиями: 3 – на разработку, 1 – на разведку месторождений [7]; «Шааньсийская горно-инвестиционная компания «Дэ Юань», работающая в республике с 2017 г. [15]; «Горно-промышленная компания «Природное золото»; ООО «Full Gold Mining» и др.

В ближайшие годы китайские компании «Daren Group», «Lingbao Gold Group» и «Full Gold Mining» планируют наладить производство предметов из золота. Китайцы намерены создать в Кыргызстане среднеазиатскую биржу драгоценных металлов. Таким образом, КНР продолжает наращивать свое присутствие в экономике Кыргызстана.

Турция. Турецкие инвестиции в горнодобывающем секторе Кыргызской Республики представлены совместным предприятием ОсОО «Эти Бакыр Терексай», созданным ОАО «Кыргызалтын» (25% доли) и турецкой компанией «Эти Бакыр» (75%). Данное предприятие разрабатывает Терексайский рудник, являющийся одним из старейших горных предприятий страны; рудник расположен в поселке Терексай Чаткальского района Джалал-Абадской области [16].

Совместное предприятие имеет в общей сложности три месторождения для эксплуатации:

– Месторождение «Терек» – запасы которого оцениваются: в виде руды – 836,8 тыс. т, золота – 2061,8 кг (при среднем содержании 2,46 г/т);

– Месторождение «Тереккан» – годовая производительность – 300 тыс. т в год. На баланс государственных запасов поставлено: руды – 8596,7 тыс. т золота – 23 449,1 кг (при среднем содержании 2,73 г/т), серебра – 25 002,0 кг (при среднем содержании – 2,92 г/т);

– Месторождение Перевальное – годовая производительность – 150 тыс. т в год. На баланс государственных запасов поставлено: руды – 833 382 т, золота – 6697,6 кг (при среднем содержании 9,29 г/т).

Турецкая «Эти Бакыр» вложила около 20 млн долл. США в данное производство [17].

Казахстан. Казахстанские инвесторы в Кыргызстане представлены двумя компаниями – KAZ Minerals (входящей в состав казахстанской компании Nova Resources B.V.) и ОсОО Vertex Gold Company (входящей в Vertex Holding).

Первая занимается разработкой медно-золотоносного рудника открытого типа – Бозымчак (с 2014 г.) [8].

Вторая проводит пуско-наладочные работы на золотоизвлекательной фабрике месторождения «Джамгыр» в Чаткальском

районе Джалал-Абадской области мощностью 300 тыс. т руды в год. Максимальная годовая производительность рудника сейчас составляет 120 тыс. т в год [18].

Заключение

Иностранные инвестиции в горнодобывающую промышленность Кыргызской Республики представлены в основном в нефтегазовом и золоторудном секторах. К первому относятся преимущественно малые и средние китайские компании, работающие совместно с кыргызским государственным предприятием «Кыргызнефтегаз». К второму сектору относятся крупные казахстанские, российские, турецкие и китайские компании, представленные KAZ Minerals, Vertex Gold Company, «Русской платиной», «Эти Бакыр» и «Мансон групп».

По количеству реализуемых проектов в Кыргызстане лидируют китайские предприятия, наращивающие свое присутствие в республике (имеются планы строительства аффинажного завода). Серьезность намерений китайских инвесторов подтверждает подписание рамочного соглашения о создании среднеазиатской биржи драгоценных металлов в Кыргызстане.

Горнодобывающий сектор Кыргызской Республики продолжает оставаться одним из привлекательных направлений для иностранных инвесторов, создающих высокорентабельные производства и вносящих существенный вклад в кыргызскую экономику.

Список литературы

1. «Альянс Алтын» вошел в топ-9 налогоплательщиков Кыргызской Республики // Сайт информационного портала «Кактусмедиа». – URL: https://kaktus.media/doc/467901_alians_altyn_voshel_v_top_9_nalogoplatelshikov_kyrgyzskoy_respybliki.html (дата обращения: 20.09.2022).
2. Акылбек Жапаров посетил месторождение Талды-Булак Левобережный // Сайт Кабинета министров Кыргызской Республики. – 2022. – 2 февраля. – URL: <https://www.gov.kg/ru/post/s/20885-akylbek-zhaparov-taldy-bulak-sol-zheek-kenine-bardy> (дата обращения: 11.09.2022).
3. Борьба за инвестиции и серый импорт : отношения Кыргызстана и Китая // Сайт информационного агентства «K-News». – URL: <https://knews.kg/2019/07/11/borba-za-investitsii-i-seryj-import-otnosheniya-kyrgyzstana-i-kitaya/> (дата обращения: 15.09.2022).

4. Инвестор готов выкупить часть акций ртутного госкомбината на юге КР // Сайт финансового портала «Акчабар». – URL: <https://www.akchabar.kg/ru/news/investor-gotov-vyкупit-u-gosudarstva-chast-akcij-hajdarkanskogo-rtutnogo-kombinata/> (дата обращения: 10.09.2022).
5. Иностранные Инвестиционные Компании, сотрудничающие с ОАО «Кыргызнефтегаз» // Сайт ОАО «Кыргызнефтегаз». – URL: <https://kng.kg/for-investors/#1611307673132-ace76052-f190> (дата обращения: 15.09.2022).
6. Корпорация Zijin Mining расширит инвестпартнерство с компаниями Киргизии // Сайт Сетевого издания «SNG.Today» (СНГ. СЕГОДНЯ). – 2022. – 3 марта. – URL: <https://sng.today/bishkek/21734-korporacija-zijin-mining-rasшиrit-investpartnerstvo-s-kompanijami-kirgizii.html> (дата обращения: 11.09.2022).
7. Медный вопрос – Сколько отчисляют в бюджет владельцы лицензий на месторождения меди? (лицензии, компании, отчисления, площадь недр) // Сайт портала экономических новостей «Tazabek» Информационного агентства «АКИпресс». – 2018. – 4 июня. – URL: <http://www.tazabek.kg/news:1452335> (дата обращения: 25.09.2022).
8. Наша деятельность. Бозымчак // Сайт компании «KAZ Minerals». – URL: <https://www.kazminerals.com/ru/главная/our-business/bozymchak/> (дата обращения: 11.09.2022).
9. О компании // Сайт компании «Кыргызнефтегаз». – 2021. – 25.01. – URL: <https://kng.kg/timeline/2012/> (дата обращения: 12.09.2022).
10. О компании // Сайт ОсОО «Альянс Алтын». – URL: <http://www.alliance-altyn.kg/o-kompanii/> (дата обращения: 21.09.2022).
11. ОАО «Кара-Балтинский горнорудный комбинат» // Сайт Кара-Балтинского горнорудного комбината. – URL: <https://who.ca-news.org/company:824> (дата обращения: 18.09.2022).
12. ОАО «Кыргызалтын» // Сайт ОАО «Кыргызалтын». – URL: <http://kyrgyzaltyn.kg/o-nac/> (дата обращения: 10.09.2022).
13. Общество с ограниченной ответственностью «Среднеазиатский петролеум» – организация с иностранным участием // Сайт баз данных Министерства Юстиции, «Открытого Бюджета» Министерства Финансов и Портала Государственных закупок «ОсОО. КГ». – URL: <https://www.osoo.kg/inn/01301201410061/> (дата обращения: 15.09.2022).
14. ОсОО «Алтынкен» // Сайт ОсОО «Алтынкен». – URL: <http://www.altynken.kg/about/company-altynken> (дата обращения: 15.09.2022).
15. ОсОО «Шааньсийская горно-инвестиционная компания «Дэ Юань» // Сайт интернет-ресурса Информационного агентства «АКИпресс» «Кто есть Кто». – URL: <https://who.ca-news.org/company:1239> (дата обращения: 25.09.2022).
16. ОсОО «Эти Бакыр Терексай» // Сайт ОАО «Кыргызалтын». – URL: <http://kyrgyzaltyn.kg/osoo-эти-бакыр-терексай/> (дата обращения: 24.09.2022).
17. Ахматова И. Предприятие «Эти Бакыр Терексай» выплатило в бюджет КР более 2 млрд сомов // Сайт финансового издательства «Economist.kg». – 2022. – 11 августа. – URL: <https://economist.kg/novosti/2022/08/11/predpriyatie->

- eti-bakyr-tereksaj-vyplatio-v-bjudzhet-kr-bolee-2-mlrd-somov/ (дата обращения: 11.09.2022).
18. Создана депутатская комиссия по проверке деятельности ОсОО Vertex Gold Company // Сайт информационного агентства «K-News». – URL: <https://knews.kg/2021/02/24/sozdana-deputatskaya-komissiya-po-proverke-deyatelnosti-osoo-ver-tex-gold-company/> (дата обращения: 21.09.2022).
19. Юсупова Д. «Макмал» продолжает развиваться, потому что пандемия – не повод для остановки производства // Сайт информационного портала «Кактусмедиа». – URL: https://kaktus.media/doc/425478_makmal_prodoljaet_razvi-vatsia_potomu_chno_pandemiia_ne_povod_dlja_ostanovki_proizvodstva.html (дата обращения: 25.09.2022).

АЛЕКСАНИЯ Л.М.* РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГРУЗИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ : ИТОГИ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ. – РЕЦ. НА КН.: БАХТУРИДЗЕ З.З. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ГРУЗИИ В XXI ВЕКЕ : РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ : МОНОГРАФИЯ. – Санкт-Петербург : Издательство Политехнического университета, 2018. – 127 с.

Аннотация. В монографии, посвященной региональной политике Грузии на современном этапе, раскрываются особенности взаимоотношений Грузии с Турцией, Азербайджаном, Арменией и Россией. Подробно рассматриваются роль малых государств в мировой политике и аспекты включения Грузии в систему международных отношений. Особое внимание уделяется новым тенденциям, возникшим во внешней политике Грузии, в первую очередь, в отношении России. Автором подчеркивается, что Грузия благодаря своему географическому расположению может сыграть весомую роль в выстраивании региональной стратегии мироустройства.

Ключевые слова: Грузия; Закавказье; Россия; Турция; Азербайджан; Армения.

ALEKSANYAN L.M. Regional Policy of Georgia at the Current Stage : Results and New Trends. – Book Review: Bakhturidze Z.Z. Georgia's Foreign Policy in the 21st Century : Regional Dimension. – St. Petersburg : Publishing House of the Polytechnic University, 2018. – 127 p.

Abstract. The monograph, devoted to the regional policy of Georgia at the current stage, reveals the features of Georgia's relations with Turkey, Azerbaijan, Armenia and Russia. The role of small states

* Алексанян Лариса Мгеровна – кандидат политических наук, научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

in world politics and aspects of Georgia's entry into the system of international relations are considered. Special attention is paid to the new trends, which have emerged in Georgia's foreign policy, primarily in relations with Russia. The author emphasizes that Georgia, due to its geographical location, can play a significant role in developing a regional strategy for peacebuilding.

Keywords: Georgia; Transcaucasia; Russia; Turkey; Azerbaijan; Armenia.

Для цитирования: Алексанян Л.М. Региональная политика Грузии на современном этапе : итоги и новые тенденции [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 1. – С. 74–79. Рец. на кн. : Бахтуридзе З.З. Внешнеполитический курс Грузии в XXI веке : региональное измерение : монография. – Санкт-Петербург : Издательство Политехнического университета, 2018. – 127 с. DOI: 10.31249/RVA/2023.01.05

После распада СССР сдвиги в системе международных отношений способствовали росту значения Кавказского региона. Его геостратегическое расположение и значительные сырьевые запасы Каспийского бассейна обусловили цель различных игроков международных отношений – занять лидирующие позиции в регионе. Пересечение стратегических интересов этих государств негативно сказывалось на политической конъюнктуре Южного Кавказа, представляя определенную опасность для столь нестабильного и конфликтного региона. Геополитические изменения привели к активизации роли южно-кавказских республик, которые в новых условиях столкнулись с проблемой реализации самостоятельной внешней политики и продвижения национальных интересов.

Монография российского политолога, профессора Высшей школы международных отношений (Санкт-Петербург) Зейнаб Зелимхановны Бахтуридзе «Внешнеполитический курс Грузии в XXI веке: региональное измерение» посвящена современной внешней политике одной из южно-кавказских республик. Автор, обозначив особенности включения Грузии в систему международных отношений, изучала факторы и приоритеты региональной политики этой страны. Исследовались особенности взаимоотношения Грузии с другими странами региона – Азербайджаном и Арменией, а также с Россией и Турцией. Бахтуридзе выявила

определенную слабость в региональном взаимодействии: «следование политической конъюнктуре подчас делает невозможным сотрудничество в области экономики и социальной сферы, которое, наряду с межкультурным взаимодействием, могло бы с высокой долей вероятности привести к политическому диалогу» (с. 6). К этому следует добавить и то, что внешнеполитический диалог жизнеспособен в случае сотрудничества не только в вопросах безопасности, но и в гуманитарной сфере.

По мнению Бахтуридзе, современная тенденция к глобализации является сущностным содержанием будущей картины мира (с. 26). Она солидаризуется с мнением коллеги, профессора Высшей школы международных отношений Н.А. Васильевой о том, что «в условиях глобализации национальные интересы начинают уступать интересам мирового гражданского общества, важными составляющими которых являются права человека, проблемы мира и международной безопасности» (с. 14). Однако практика часто свидетельствует о неэффективности сотрудничества участников международных отношений в разрешении вопросов мирового значения. Несмотря на то что мирное разрешение любых вопросов является приоритетом в международных отношениях, тем не менее обеспечение международной безопасности не получает должного внимания со стороны отдельных государств. В результате конфликтность превратилась в одну из характерных черт современной системы международных отношений. Возникающие непредсказуемость и неуправляемость складывающегося мирового порядка сводят к минимуму попытки прогнозировать перспективы развития международных отношений (с. 23).

Бахтуридзе подчеркивает усиление роли небольших государств в мировой политике, объясняя это значением международных организаций, где формируются условия для недискриминационного характера взаимодействий всех участников в рамках международного права (с. 29). Не случайно эти государства очень часто ссылаются на международно-правовые нормы. Бахтуридзе поддерживает мнение грузинского политолога А. Рондели, что «большое влияние на повышение значимости малых стран оказывают географические, политические, этнические и экономические условия и факторы, и заинтересованность сильных стран в существовании малых государств» (с. 29). В результате национальные

интересы и приоритеты внешней политики малой страны иногда выходят за рамки региональных отношений. При этом важно, чтобы малое государство не превратилось в инструмент реализации интересов крупных держав.

Эти общие положения Бахтуридзе конкретизирует на примере Грузии, подчеркивая, что именно геополитическое положение страны определило включение в систему международных отношений. В результате дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве территория Грузии превратилась в зону геополитического противоборства между Россией и Западом за контроль над торгово-транспортным коридором Восток-Запад и маршрутами транспортировки энергоресурсов из Каспийского региона.

В самой Грузии основополагающими факторами внешней политики стали этнополитические конфликты, экономический кризис, региональные противоречия, негативное отношение к советскому прошлому. В период становления независимости Грузия, придерживаясь западной ориентации, выбрала, однако, форму многовекторности во внешней политике. Между тем к началу XXI в. евроатлантическая и европейская интеграция стала ключевым компонентом внешнеполитической стратегии. Сложно не согласиться с мнением Бахтуридзе, что эта страна, не получив ожидаемой поддержки со стороны России, возлагала большие надежды на западные страны для решения экономического кризиса, территориальных проблем и вопроса безопасности (с. 31). С этой же целью Грузия стала частью новой модели регионального сотрудничества – ГУАМ (с 1999 г. – ГУУАМ), как альтернативы российским проектам на постсоветском пространстве.

Автор констатирует, что «Грузия во многом выступает не как субъект международных отношений, а как объект геополитической борьбы России и Запада за влияние на постсоветском пространстве» (с. 33). Анализируя опыт участия Грузии в системе международных отношений, Бахтуридзе приходит к выводу о том, что малые государства должны «стремиться к сбалансированному реалистичному пониманию своего места как в региональном постсоветском пространстве, так и в глобальном пространстве мировой политики» (с. 35).

Собственно прозападная ориентация Грузии в значительной степени определяется стремлением вернуть военно-политический контроль над утраченными регионами Абхазии и Южной Осетии, которые пользуются поддержкой со стороны России (с. 49). Именно это становится важнейшим препятствием в выстраивании добрососедских отношений между Грузией и Россией (с. 55).

В региональной политике Грузия, по оценке Бахтуридзе, акцентирует в первую очередь сотрудничество с Турцией и Азербайджаном. При выстраивании отношений с этими государствами Грузия претендовала на превращение в транзитный узел между Востоком и Западом в рамках реализации энергетических и торгово-транспортных проектов. Грузия рассматривала Турцию в качестве не только экономического партнера, но противовеса российскому влиянию в регионе и проводника грузинских интересов в евроатлантических структурах. Отмечается и встречное движение со стороны Турции, стремящейся превратиться в регионального лидера, что обусловило активную политику Анкары в отношении Тбилиси. Укреплению межгосударственных связей Турции, Азербайджана и Грузии способствовало строительство трубопроводов Баку – Тбилиси – Джейхан и Баку – Тбилиси – Эрзерум, железной дороги Баку – Тбилиси – Карс. Создание стратегического треугольника «Турция – Азербайджан – Грузия» наносит урон российским интересам в регионе и в первую очередь стратегическому партнеру России – Армении (с. 63).

Турецко-грузинское партнерство сталкивается с определенными трудностями и противоречиями, в частности, негативное влияние оказывают торгово-экономические связи Турции с Абхазией, а также проблема репатриации турок-мехетинцев, политика Турции в отношении Аджарии и др. Тем не менее отношения с Турцией остаются приоритетными региональной политики Грузии.

По мнению Бахтуридзе для успешного сотрудничества между Грузией и Арменией не хватает углубления двустороннего формата взаимоотношений, что связано с участием Грузии и Армении в разных интеграционных проектах, определяемых вектором их внешнеполитической стратегии (с. 68). При этом «страны имеют серьезные точки соприкосновения и сотрудничества, основанные на реалистичном прагматизме и готовности по возможности учитывать интересы друг друга» (с. 70). Например, Грузия,

несмотря на свои тесные отношения с Турцией и Азербайджаном, старается придерживаться нейтралитета в карабахском конфликте, предлагая свою посредническую роль для мирного разрешения вопроса.

Бахтуридзе резко критикует стремление Грузии к дистанцированию от РФ и ее участие в интеграционных проектах, противопоставляемых российским (с. 65). Акцентируя период после смены власти в Грузии в 2013 г., она утверждает, что дипломатический дискурс в отношениях между Грузией и Россией постепенно меняет тональность, и это рождает надежду, что «плодотворное сотрудничество между странами в неполитических сферах /.../ экономики и культуры в перспективе может способствовать политическому диалогу» (с. 94).

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

ЧАЙНИКОВ Ю.В.* КОСМОПОЛИТИЗМ И ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: НАБЛЮДЕНИЯ КИМБЕРЛИ ЧОН В КИТАЙСКОЙ ФАБРИКЕ ЗНАНИЙ

Аннотация. Британский антрополог Кимберли Чон показала, как работающих в Даляньском парке программного обеспечения, китайском центре аутсорсинга IT-технологий и офшорных услуг, обучают способам совместить китайские традиции с западными корпоративными ценностями, и демонстрируя в то же время «китайскость» как приемлемое различие. Она утверждает, что этими работниками умственного труда движут две формы космополитизма: «корпоративный космополитизм», способность примирять наднациональные ценности глобальной корпоративной культуры с местными ценностями; и «националистический космополитизм», при котором отдельные работники рассматривают культурную открытость как способ внести свой вклад в национальный проект модернизации Китая.

Ключевые слова: Китай; Далянь; аутсорсинг; глобализм; космополитизм; национализм; модернизация.

CHAIKOV Yu. V. Cosmopolitanism and the Global Economy: Kimberly Chong's Notes from China's Knowledge Factories

Abstract. In her article Kimberly Chong shows how Chinese workers in Dalian Software Park, China's centre for IT-enabled outsourcing and offshore services, are trained to become reflexive subjects who can reconcile Chinese traditions with Western corporate

* Чайников Юрий Викторович – ведущий научный редактор отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

values and perform accurate ‘Chineseness’ as appropriate difference. She argues that these knowledge workers are motivated by two forms of cosmopolitanism: corporate cosmopolitanism, the capacity to reconcile the supra-territorial values of ‘global’ corporate culture with local values; and nationalist cosmopolitanism, whereby individual workers see the performance of cultural openness as a way of contributing to China’s national project of modernization.

Keywords: China; Dalian; outsourcing; globalism; cosmopolitanism; nationalism; modernization

Для цитирования: Чайников Ю.В. Космополитизм и глобальная экономика : наблюдения Кимберли Чон в китайской фабрике знаний // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 1. – С. 80–97. DOI: 10.31249/RVA/2023.01.06

Кимберли Чон – преподаватель антропологии в Университетском колледже Лондона – с марта по июнь 2008 г. проводила анкетные обследования в Даляньском парке программного обеспечения (Dalian Software Park (DLSP) ДЛСП), расположенном в г. Далянь, провинция Ляонин (КНР), а в 2009 г. она расширила круг охвата: опросила работников и менеджеров, занятых также и в других офшорных центрах, почти все из которых были созданы компаниями из списка Fortune 500. Такова исходная материальная база ее данных.

Посвященный вопросам такого культурного феномена, как космополитизм, ее текст затронул два смежных сюжета – описание Даляньского парка программного обеспечения и описание особенностей аутсорсинга характера труда интервьюируемых работников. Оба необходимы для понимания ситуации респондентов, представляющих относительно немногочисленную, но стратегически важную для экономического развития страны часть армии труда Китая.

Сам по себе аутсорсинг – естественный продукт развития производства, средство его оптимизации, когда часть производственных функций передается внешним исполнителям, а если это иностранный внешний исполнитель, то мы имеем дело с офшорным аутсорсингом, высшей стадией разделения труда. Производственный процесс реально становится глобальным. И на всех сво-

их этапах он должен быть унифицирован, одинаково считываться всеми его участниками. Речь не только о таких моментах, как сантиметры-дюймы, литры-галлоны и т.д., но и о культурном сопровождении производственного процесса (национальные особенности организации рабочего места, перерывы на молитву, производственная гимнастика, политинформация и т.д.). Культурная унификация разбросанных по всему миру производств по лекалам фирмы вызывает к жизни явление, которое автор называет «корпоративным космополитизмом» [1, р. 806].

Космополитизм, стремление выйти за рамки национального и почувствовать себя человеком мира – как условная антитеза национализму – в большей или меньшей степени присущ любому индивиду, любой национальной культуре. Он проявляется с разной интенсивностью на разных исторических этапах развития страны; надо полагать, что в периоды экономической и политической экспансии он гораздо заметнее. Автор назвала его «националистическим космополитизмом» [ibid.]; ее заинтересовало, в какой степени навязываемый сверху «корпоративный космополитизм» сочетается с присущим китайской культуре «националистическим космополитизмом». В данном случае «nationalist» имеет коннотацию «борющийся за независимость своей страны, национально-освободительный». В таком прочтении этот термин вполне подходит для описания экспансии китайского товара в мире. Это тем более интересно, что аутсорсинговое проникновение западных компаний в Китай (и сопряженное с этим внедрение «корпоративного космополитизма» в умы китайских работников) идет на фоне не только интенсивного, но и экстенсивного роста китайской экономики в виде распространения китайского товара на все более обширные территории и естественного укрепления того, что автор называет «националистическим космополитизмом». При этом стоит отметить тенденцию последнего времени: китайский товар обретает национальную принадлежность, происходит переход маркировки продукта от «Сделано в Китае» к маркировке «Китайский продукт / услуга». То есть не какой-то там абстрактный или, еще того хуже, западный продукт «сделан в Китае», а «китайский продукт» как бы он ни выглядел и где бы и кем бы ни был сделан.

Исключительно важно и место проведения ее полевого исследования. От условно называемых обычных территорий Далянь

сильно отличается – это своего рода китайская Силиконовая долина, здесь созданы все условия для работы айтишников.

ДЛСП один из тех многих хабов информационной технологии, которые были учреждены в Китае за последние 20 лет как часть усилий в плане сдвига от индустрии тяжелой к индустрии информационной и научной, перехода к тем производствам, которыми движут наука и технология. Бурное развитие IT-технологий и политика местного правительства по привлечению специалистов сделали ДЛСП привлекательным для многих известных высокотехнологичных компаний, таких как IBM, Oracle, Sisco и т.д. Но не все активности в Даляньском парке можно квалифицировать как хайтек, или по-китайски *хайвэлю*. Их можно также обозначить как создание программного обеспечения и вспомогательные офисные службы. С целью снижения издержек ТНК присматриваются к офшорному бизнесу именно в плане этих вспомогательных служб.

Работа на этих участках в большой степени рутинна, она трудоемка и не требует высшей квалификации, во многом связана с информацией и документооборотом, что позволило характеризовать сервисные центры как «фабрики» по производству знания.

Именно этих работников охватило обследование К. Чон, сделавшей акцент на том, как их обучают избавляться от этнокультурной специфичности в их труде, перенимать нейтральные акценты, изучать американские культурные традиции и впитывать супранациональную культуру глобализма. Однако процессы корпоративной инкультурации не обязательно направлены на уничтожение всех признаков национальной культуры. Скорее, ее проявления сводятся к такому набору качеств, которые считаются приемлемыми для западной космополитической культуры. Создание таких категорий и, следовательно, использование культурных различий не случайно, скорее, оно является частью «стратегии контроля», разработанной корпорациями, чтобы сделать работников послушными.

Цель таких инициатив – привить чувство «корпоративного космополитизма». Далеко за границами США, на офшорных аутсорсинговых площадках формируется новый класс производителей и потребителей, проникнутых идеологией подобного космополитизма. Однако при том, что профессионалы среднего класса стремятся дистанцироваться от промышленного пролетариата, де-

монстрируя своим потреблением принадлежность к высоким технологиям, они одновременно подчеркивают свою лояльность нации.

Глобальность «корпоративного космополитизма» – это не только масштаб охвата, но и новая этика, через которую разные уровни социума – личность, корпорация, нация – могут быть связаны друг с другом. По идее она должна прийти на смену «национальному космополитизму», стремлению проникнуть в мир, познать его и заявить в нем о себе как об особой культурной сущности.

Офшорный центр, в котором К. Чон проводила полевые работы, это Общий сервисный центр (SSC – Shared Service Centre) – один из сети SSC, предназначенных для выполнения бэк-офисной работы (как правило, ведение бухгалтерии, подбор персонала и юридическое сопровождение). Однако он был создан глобальной консалтинговой компанией по управлению, которую автор зашифровала под псевдонимом Systeo / Систео, являющейся одним из основных поставщиков услуг аутсорсинга в мире. Имея американскую прописку, Систео позиционирует себя как ТНК. Она гордится тем, что имеет глобальную модель доставки, глобальное лидерство, которое преследует глобальное видение, и, в частности, имеет глобальных сотрудников для реализации этого видения.

С начала 2000-х китайское правительство постоянно подчеркивало важность производств на основе услуг и экономики знаний. Этот сдвиг отражает желание сосредоточиться на технологических инновациях как источнике экономического роста и таким образом поместить информацию и знания в центр экономического процесса. И соответственно, китайское государство резко увеличило расходы на исследования в науке и технологии. Есть надежда, что и иностранные инвестиции поступят в эти предприятия, а также в высокотехнологичное производство

Один из таких примеров – начатый в 2006 г. проект Министерства торговли «1000–100–10» по развитию промышленности и по услугам программного обеспечения. А именно: учреждено 1000 национальных аутсорсинговых провайдеров с международной аккредитацией, с тем чтобы привлечь 100 ведущих международных фирм по трансферу значительной части их аутсорсинговых услуг, необходимых Китаю для того, чтобы построить десять конкурен-

тоспособных (на мировом рынке) аутсорсинговых баз в Китае. [1, р. 808]

Расположенный на северо-востоке Китая с населением около 6 млн человек, Далянь является одной из таких аутсорсинговых баз. Бывший рыбацкий поселок, ставший центром тяжелой промышленности, Далянь в последние годы превратился в центр аутсорсинга IT в Китае благодаря экономическим стимулам, направленным на привлечение аутсорсинга бизнес-процессов (BPO) и IT-аутсорсинга (ITO). В нем есть три парка программного обеспечения, из которых ДЛСП является старейшим. Далянь доминирует на рынке офшорных японских колл-центров, чему способствует наличие китайцев, говорящих по-японски, что является наследием сорокалетней японской колонизации бывшей Маньчжурии. Географическая близость к Южной Корее в сочетании с присутствием значительного числа этнических корейцев (одного из этнических меньшинств Китая) означает, что здесь лучшие условия для аутсорсинга из Южной Кореи.

Что касается обследованного автором Сервисного центра, то его работники часто жаловались на свою работу, описывая ее как поточную, изнурительную, – характеристики, более подходящие к физическому труду. Тем не менее, даже и в эту рутину Систео приносила свой порядок с претензией на глобальность. И делала это с помощью разных техник, в том числе и психологических тренингов.

В первую неделю своего пребывания в Систео К. Чон посетила тренинг, который проводил некто Грэм Ричардс, австралиец, бывший консультант по менеджменту, ставший корпоративным тренером. Он напомнил участникам, что они работают не в китайской компании, а в «глобальной», а поэтому должны быть достаточно пластичными (культурно рефлексивными), чтобы успешно работать с инациональным клиентом. Грэм попросил всех пройти по комнате, избегая поначалу визуального контакта с другими участниками, потом – устанавливая этот контакт, и наконец – дополнить его жестом: сначала «деловым» жестом, а потом «нейтральным». Большинство участников показали Грэму довольно заторможенными, некоторые немного смущенными. «В других культурах, – заметил он, – скажем, в Австралии, люди бо-

лее открыты...» Он поощрял участников воспитывать свою культурную рефлексивность [1, р. 809].

Все это фиксировалось на камеру, становилось предметом анализа и оценки. Таким образом сотрудники учатся смотреть на себя со стороны, объективировать себя, развить определенные социальные навыки и в какой-то степени «перепрограммировать личность». Используемые в тренинге учебные материалы из США были предназначены для создания американских корпоративных субъектов, «рефлексивно и гибко» управляющих собой.

Гибкость, эмоциональная раскованность достигается свободой владения инструментом, в случае колл-центров – иностранным языком. Более того, при общении с носителями конкретных диалектов сотрудников призывают подражать особенностям говора. Это то «допустимое различие», которое помогает продемонстрировать открытость как характеристику космополитизма, а в результате приблизить иностранного клиента к фирме.

При этом непреложным остается основа – английский язык, родной язык компании, по которому проходят регулярные тренинги. Каждый месяц SSC проводит «некитайскую неделю», когда сотрудникам запрещено говорить на китайском даже с китайскими коллегами, а можно общаться только на английском. За слово на китайском налагается штраф. Впрочем, система довольно неуклюжая и неестественная, когда с соотечественником говоришь на неудобном языке, признают все. Но таков один из методов «окультуривания».

Важен не только язык, но и те положения, которые на нем постоянно твердятся. Так, в головы сотрудников вбивается «Как важно быть Систео», что «Мы – это наши ценности, мы Систео». Впрочем, автор заметила несколько скептическое отношение китайцев к этим истинам. Рабочие сказали ей, что основные ценности компании не являются частью китайской культуры, что это западные ценности. Поставленная руководителем группы, китаянка (правда, иностранного происхождения) возразила им, что это ценности, которые присутствуют во всех культурах, что это «глобальные ценности». Эту точку зрения не раз озвучивали различные руководители высшего звена во время работы на местах.

Есть много фирм, которые, подобно Систео, заявляют о своей «особой культуре» или уникальном «способе ведения бизнеса»,

но их основные ценности, как правило, удивительно схожи. Превозносятся неолиберальные принципы инноваций и расширения прав и возможностей личности в соответствии с особым корпоративным менталитетом, когда все сотрудники разделяют и, следовательно, придерживаются основных ценностей организации. Однако в сущности речь идет об установлении тотального социального контроля в условиях множества культур. Позиционируя себя как «букет» «допустимых различий», составленный из того интернационального, что есть в национальных культурах, корпоративная культура оказывается прокрустовым ложем норм и ценностей.

Поиск допустимого для корпорации в китайской культуре имел место и здесь. Руководитель группы – назначенная компанией китаянка иностранного происхождения, которой пришлось брать уроки китайского языка у частного репетитора, оплачиваемые Систео, – попросила своего преподавателя перевести основные ценности компании на китайский язык и найти примеры из истории Китая, которые были бы применимы в качестве иллюстрации. Сама по себе ситуация курьезная, ибо во многотысячелетней китайской культуре можно найти яркие поэтические, глубокие философские обоснования всему сущему. Не говоря уже о том, что примеры воинской доблести и трудовых подвигов – основа воспитания здесь¹. У компании была разрядка провести рабо-

¹ С детских лет китайцев учат следовать примерам «идеального героя», в котором гармонично сочетаются «внутренняя совершенная мудрость и внешняя царственность». Согласно конфуцианской традиции, совершенномудрыми считаются семь полумифических и исторических правителей древности, жизнеописания которых изучаются во всех школах и которым следует подражать. У каждого из них был свой набор качеств, бесспорно почитаемых во всех обществах. Разные исторические эпохи предъявляли спрос на разные действия, и поэтому со сменой эпох происходила смена в чертах идеального характера. В разные эпохи понятие «идеальный характер (идеального героя)» имело разное содержание. У Конфуция это мораль, мудрость, мужество. У Мэн-цзы – это «настоящий мужчина», неизменно следующий справедливости, который не соблазнится ни богатством, ни почестями; он тверд и принципиален и не сдастся перед насилием и угрозами. У Лао-цзы – это соединение человека с первозданной природой или так называемый возврат в младенчество. «“Идеальный герой” не ушел в прошлое. Он присутствует и сейчас. Только теперь это современный герой, от которого не требуется совершенная мудрость, достаточно быть преданным идее» [4, с. 86–87].

ту по окультуриванию персонала в духе компании, а персонал дисциплинированно подчинился.

Сами китайцы провели конкурс на лучшую иллюстрацию присутствия основных ценностей компании Систео в китайской культуре. Победила Диана Чжу, ее эссе было опубликовано в журнале компании. Диана привела отрывки из «Троецарствия», которые коррелировали с двумя основными ценностями Систео: компетентность и честность.

Многочисленные параллели между основными ценностями Систео и ценностями Китая, между корпоративной культурой Систео и национальной культурой Китая позволяют руководству декларировать легитимность основных ценностей компании в китайских условиях. Таким образом, китайских работников учат, что здесь, на фирме, происходит нечто такое, что имеет под собой легитимную основу (что соразмерно традиционной культуре), в соответствии с которой базовые ценности Систео могут быть применены в Китае.

Неприемлемым видится отношение инструментальной, узкопрагматичной корпоративной культуры к тысячелетней китайской культуре как равнозначной и сведение ее к статичному набору традиционных ценностей, ассоциируемых по большей части с конфуцианством и другими канонами классической мысли. Редуцированное понимание китайской культуры не учитывает ее очевидное переформатирование в контактах с внешним миром и внешними, преимущественно западными заимствованиями извне, а также те изменения, которые происходили на всех этапах китайской истории вплоть до жаростных идеологических битв в социалистический период. [1, р. 813].

Главное здесь было найти аналогию корпоративной ценности в местной культуре, чтобы объявить ее исконно национальной. Это особенно важно для современного Китая – показать, что китайские рабочие не подвергаются навязыванию внешних ценностей, а это особенно важно, учитывая особую чувствительность в Китае к иностранному вмешательству. Фактически работники действуют в рамках западной, глобалистской парадигмы, но по видимости – в рамках своей культуры, не нарушая ее ценностей. Техника Систео, внедряющая корпоративную культуру, избегает противопоставлять китайские и западные ценности. Вместо этого

погоня за глобальным достигается путем выработки «приемлемой китайскости», которая оказалась бы совместимой с доминирующими западными корпоративными ценностями [1, р. 813].

Приемлемая «китайскость» «упаковывается» в глобальный английский дискурс. Вопрос языка – как и во многих ситуациях столкновения / соприкосновения культур – стал своего рода пробным камнем. Английский язык, *лингва франка* Систео, рассматривался как критическое условие деятельности глобальной компании, ее корпоративная ценность. Такой взгляд разделяло подавляющее большинство работников, охотно приобщавшихся к английскому языку естественным для себя образом, например, в ходе общения с носителями. Однако попытки его внедрения с помощью искусственных конструкций – «некитайской недели» или обязательного общения на нем этнических китайцев между собой на рабочем месте – терпели неудачу. В то же время имевшая место попытка директора центра сменить рабочий язык на китайский с целью повысить точность отдаваемых приказов встретила протест со стороны строго придерживающихся правил китайских работников среднего звена, отметивших, что английский используется здесь только в служебной коммуникации, на рабочем месте. Четкое следование регламенту вовсе не означало невозможность самовыражения на рабочем месте, если это подчеркивало приверженность корпоративной культуре. Так, для простоты общения с клиентами многие сотрудники приняли английские имена (в знак своего духовного преображения, подобного пострижению в монахи), хотя, как заявляет Чон, никто не заставлял их делать это [1, р. 813].

Внедрение корпоративного культурного кода распространяется и на быт. Здесь свои принципы, система поощрений, кодекс потребления, подчеркивающие корпоративное единство и отличие от окружения. За свои трудовые достижения сотруднику начисляются баллы (как в сетевом супермаркете), которые он может отоварить в лавке компании. Как правило, это новомодные гаджеты, пока еще не поступившие в широкую торговлю или вовсе не предназначенные для китайского рынка. Так, в телефоне (Сони-Эриксон) сотрудницы Тилли Чен нет установок с китайским языком. Она не могла посылать эсмэски, наговаривая их по-китайски. Но это не было проблемой для Тилли, которая общалась

по этому телефону с такими же англоязычными компаньонами. Телефонный аппарат помогал ей установить новый социум, обретая дополнительную социальную ценность, подпитывавшие чувство принадлежности к супралокальной общности.

Преодоление локальности с помощью потребления, потребительской идентичности с «остальным миром» позиционируется как «правильный путь» к космополитизму, глобальности, в отличие, надо полагать, от пути неправильного, идеологического, каковым был коммунистический интернационализм, ибо социалистическое прошлое Китая формулируется как локальность (чтобы не сказать местечковость), из которой надо выйти в поисках глобальной идентичности; и когда речь идет о преодолении локальности, в виду имеется не какое-то специфическое место, а скорее, целый исторический период (социализм).

К такому выводу и к переосмыслению истории подталкивает и постмаоистская модернизация страны. А сравнение с развитыми странами Европы и Северной Америки на низовом, потребительском уровне подпитывает космополитические устремления в современном Китае.

Особенно отчетливо это заметно среди китайских женщин, которые буквально «олицетворяют борьбу между защитной китайскостью и космополитическими желаниями» [1, р. 814]. Из 200 работников этого сервис-центра примерно 90% женщины, и многие из них готовы говорить о своих потребительских предпочтениях и о том, как они относятся к сохранению национально-культурной идентичности. Так, Салли Фу обосновала покупку своего дорогого мобильного так: «Это символ. Этим я показываю, что работаю в офисе, а не на заводе». А Джейн Ю заметила: «Люди иногда тратят на телефон более 3000 юаней, хотя его можно купить всего за 200 юаней». Другая работница, Эмма Цай, не согласилась с Салли. Она сказала, что много платила за фирменные вещи, потому что они лучшего качества, и привела в пример свою сумку, которая прослужила ей три года. [1, р. 815].

Хотя работницы по-разному объясняли свое потребительское поведение, можно проследить общую линию рассуждений, т.е. поиск корреляции между качеством товара и качеством человека. Покупая брендовые товары высокого качества, они подчеркивают свою сопричастность к современному производству разви-

тых стран, откуда эти товары происходят, и дистанцируются от товара местного производства, который в их кругу считается дешёвкой. Так формируются статусные различия. Даже при том, что работа в сервисном центре была изнурительной, монотонной, местные девушки старались выделиться обладанием престижного, фирменного товара, подчеркнуть, что, даже будучи заняты на рутинной, неквалифицированной работе, они не «синие воротнички», работающие на заводе.

Престижное потребление как декларация общности с группой иногда трудно для интерпретации. Пример – современная фотография. Оставлять память о важных моментах жизни свойственно каждой культуре, а китайской в силу ее глубокой историчности, особенно. Автора, которую пригласили в дом и показали семейные фото, поразило, что наряду с любительскими снимками там были и высокохудожественные (*yishu*), сделанные в профессиональной студии и стоящие немалых денег (тысячу юаней – до трети месячного заработка). Пожалуй, главное, что можно сказать о профессионалах фотографии, так это то, что вместе с самой передовой техникой они восприняли самые высокие стандарты художественной фотографии, многие из которых родом с Запада. На фото может быть невеста как в традиционном красном платье (*qipao*), так и в привычном для европейца белом подвенечном наряде, дети – во всех вариантах западной фотографии (ковбой, индеец, полицейский и т.д.) [1, р. 815]. То есть китайцы фиксируют себя как в образцах западной массовой культуры, так и в формах традиционной китайской культуры.

Легче понять демонстрацию стандартного патриотизма на площадках, предназначенных для утверждения потребительского космополитизма. Так, в ответ на выступление правозащитников в Париже по поводу положения дел в Тибете (заметим, что всё это происходило накануне Пекинской олимпиады) китайцы (в том числе и сотрудники SSC) заявили протест бойкотом сетевых магазинов Перекрёсток, товаров Луи Вюиттон, Ральф Лорен, Кристиан Диор, демонстративно (если позиционировала свой протест знаковая в Китае фигура) выбрасывая дорогие товары. Хотя китайцы – представители среднего класса могут эпизодически бойкотировать определенные иностранные бренды, полное уклонение не входит в планы даже самых патриотически настроенных слоев, ибо демон-

стративное потребление популярных мировых брендов серьезно влияет на имидж нации и ее позитивное восприятие в мире.

При этом не следует каждое проявление патриотичности считать знаком всего лишь лояльности, приобщенности к официально проводимой кампании. Так, лавинообразное распространение в рабочей сети компании значка с сердечком «Я люблю Китай» рядом с именем сотрудника совпало с проводившейся антифранцузской акцией. К. Чон была уверена, что подобной припиской сотрудники снабдили только деловой мессенджер, с помощью которого они общались с иностранными коллегами, оставив в покое китайский инструмент для общения с друзьями. Основу для такой уверенности ей дал разговор с сотрудницей, рассказавшей, какой дискомфорт та испытывает, когда ее клиенты свысока относятся к китайцам, когда в мире их воспринимают как бедных, неразвитых, отсталых. Выставляя в своих офисных (на РС) окнах лозунг «Я люблю Китай», они тем самым заявляли иностранцам о своем самолюбии. Китайцы всегда болезненно ощущали такое к ним отношение, но редко высказывались на эту тему. Им нужен весомый повод, формальный предлог, требующий формального ответа. И таким предлогом оказались французские претензии к той политике, которую китайское правительство проводило внутри своей страны.

Развитие общества – это не только развитие производства, появление новых отраслей, новых классов производителей, но и появление нового класса потребителей, образно говоря, «новых китайцев», которые, возможно, как раз и станут лицом нации, эпохи.

Для этого есть все основания у работников ДЛСП. Обычно считается, что к офшорным услугам привлекаются не самые образованные и квалифицированные работники, которых «затянуло» в эту систему сетью поиска рабочей силы в условиях глобализации. Однако в конкретном случае ДЛСП следует отметить, что работники принадлежали к элитному городскому классу, для которого было свойственно домовладение, занятость в частных, часто иностранных, компаниях и высокий уровень образования. Несмотря на то что многие сотрудники Систео зарабатывали всего несколько тысяч юаней в месяц, они жили в квартирах стоимостью более миллиона юаней. Как правило, их покупка осуществлялась за счет родителей. Кроме того, в плане социальной защищенности, что

тоже можно отнести на счет потребления, они занимали исключительные позиции, что вполне могло стать мотивом устроиться здесь на работу. Так, муниципальное правительство Даляня предлагает щедрые налоговые льготы и субсидии, такие как освобождение от корпоративного подоходного налога в течение первых двух лет создания бизнеса и 50%-ное снижение налогов в последующие три года. А выпускникам университетов, которые искали высокотехнологичную работу, предоставляется право проживать в городе. С 2004 г. компаниям-разработчикам программного обеспечения в Даляньском парке программного обеспечения или Даляньском парке высоких технологий разрешается выплачивать уменьшенную сумму взноса в пенсионные фонды. Сотрудникам таких компаний предоставляется снижение подоходного налога.

Всё так, но даже при этих бонусах автора не покидает недоумение, почему люди из приличных, живущих в достатке семей, столько потратившие на свое образование идут работать на должности, которые явно ниже их квалификации, и на не самые высокие зарплаты. Да и вообще, почему они возвращаются из-за границы, где могли бы заниматься более квалифицированной и высокооплачиваемой работой. Ее поражает не укладывающаяся в калькуляции «нерациональность» поведения китайцев. Что это? Отсталость, приверженность старым образцам поведения или хитрый стратегический расчет, последствия которого пока трудно предвидеть? Новое социальное явление? В каком-то смысле новое, потому что не в пример прошлым волнам эмиграции, которые в свое время привели к возникновению китайских сообществ в Юго-Восточной Азии, Северной Америке и Европе, этот средний класс китайских горожан не остается за границей, ограничиваясь денежными переводами на родину, а наоборот подчеркивают, что они всегда собирались возвратиться в Китай – намерение, которое, казалось бы, вступает в противоречие с их стремлением ко всему современному в мире, особенно если принять во внимание низкоквалифицированный характер их труда в сервисном центре. Конечно, полученный на Западе диплом может помочь в устройстве на работу в иностранную компанию типа Систео, где жалование несколько выше, чем в отечественных компаниях. Однако разница в зарплате не столь высока, чтобы она экономически оправдала безумные по китайским меркам затраты на получение образования

за границей. Что же тогда заставляет китайских родителей посылать своих детей учиться за границу? И затем, что заставляет китайцев бросать высокооплачиваемую работу на Западе и возвращаться в Китай?

Чон задала этот вопрос своим респондентам, но получила вполне ожидаемый формальный ответ, что деньги здесь ни при чем и что главное в этом решении – желание исполнить долг сыновнего благочестия и быть вместе с семьей, с родителями. Вариант бросить родителей даже не рассматривался. Это многое объясняет в поведении китайцев, когда они возвращаются домой и берутся за работу (относительно низко квалифицированную), которая не соответствует ни их опыту, ни их образованию. То есть верность традиции.

Она делает именно этот вывод, но с большим сомнением, с оговорками на имеющиеся данные в исследовании Янь Юньсяна [2], что и в этом вопросе в последнее время отмечаются сдвиги, и «центральный принцип конфуцианской мысли – сыновнее благочестие – подвергся существенному пересмотру в современном понимании моральных обязательств в китайском обществе». Молодые люди как в сельской, так и в городской среде рассматривают «индивидуализм как центральное место в своих моральных обязательствах» [2, р. 37], а не семью или какую другую группу. Янь утверждает, что, являясь свидетелями появления нового этического дискурса, который превозносит индивида по сравнению с семьей, мы наблюдаем легитимацию индивидуального стремления к неприкосновенности частной жизни, свободе и материальному комфорту. К аналогичным выводам приходит и Лоу Юйле: «Многие считают, что семейная забота о стариках является проявлением социального прогресса. Однако я сомневаюсь в этом. Когда одинокие старики получают поддержку, а их жизнь обеспечена, – вот это и есть социальный прогресс, по сути – идеал» [3].

«Последние социологические исследования показывают, что китайские методы ухода за стариками очень похожи на практикуемые в США. Живущим в домах престарелых одиноким старикам, несомненно, некуда податься, но неужели туда стоит отправляться старикам, у которых есть дети? Сейчас действительно есть пожилые люди, которые желают жить в домах престарелых даже при наличии детей, потому что дома они не могут получить необходи-

мую заботу, не говоря уже о почтительности. Встает вопрос: надо ли призывать детей с почтением заботиться о родителях или же полностью передать их обществу? Сейчас в Китае реализуются специальные проекты, в некоторых деревнях пожилым начали выплачивать пенсии» [3, с. 154].

В свете этих находок К. Чон задается вопросом: действительно ли китайские рабочие мотивированы обязанностями перед семьей; и предполагает, что сыновнее благочестие гибко используется для обозначения индивидуальных желаний: разумеется, выказать верность традиционному идеалу и возвратиться к родителям, в Китай, но сделать это самым демонстративным способом, возвратившись из материально благополучного далека при реализации себя в качестве космополитической самости.

Если мы понимаем, что космополитизм в этом контексте относится не к какому-то фиксированному набору атрибутов, а скорее, к относительному сдвигу – субъективному продвижению себя, – мы видим, что такая трансформация может быть легитимирована возвращением домой. Если работники останутся за границей, они не смогут (на культурно нормативных основаниях) осуществить это обновление, не затронувшее тех китайцев, кто не имел опыта жизни за границей и не получил заграничного образования.

Более того, стремление к космополитизму обретает смысл в более широком контексте китайской модернизации. Те инвестиции, которые китайцы сделали в себя, когда поехали за границу, могут быть поняты как инвестиции в Китай. Как сказал один из работников, «если я могу сделать себя лучше, я тем самым делаю лучше мою страну». Ища состыковки между индивидуальной трансформацией и национальной модернизацией, эти работники могут оправдать свое решение вернуться в Китай и приняться за ручную, рутинную, низкоквалифицированную работу, для которой они слишком образованны. За какую бы работу ни взялся такой «возвращенец», его положение в иерархии традиционных ценностей будет выше. Через это возвышение дополнительную ценность приобретает и причастность к заграничному опыту, своего рода космополитизм. «Возвращенцы» открыто заявляют свою позицию: они видят себя в качестве двигателя китайской модернизации. В качестве возвращенцев из-за границы, приумноживших свой социальный, культурный и экономический капитал, они надеются

улучшить не только свой социальный статус, получив общественное признание в качестве космополитических граждан, но и помочь повысить благосостояние страны, превратив ее в процветающую страну [1, p. 818].

Знаменательно, что ни один из работников, прошедших опрос, не высказал желания покинуть эту «подсобку» и перейти на более высокооплачиваемую работу, например консультантов в Пекине или Шанхае. Эти высокообразованные работники принимают свое будущее в низкоквалифицированной работе, частично потому, что видят в этом средство развития – как себя лично, так и всей страны¹.

Возвращением домой они акцентируют свою «китайскость», но это уже другие китайцы: они приезжают с багажом знаний и несколько измененным взглядом на мир. И всё это они передают своим детям, от которых они хотят, чтобы те свободно владели иностранными языками и глубоко постигли иностранную культуру. Как выразился один из респондентов, «я хочу, чтобы моя дочь была китайкой с китайцами и американкой с американцами».

Глобализм не отменил непреходящую важность национальных и местных культурных форм; они не только не исчезли с глобализацией, но и укрепились. Правда, сделали они это в качестве элементов, легитимирующих глобальное. Приобрели стандартизированную и отстраненную форму и упрощенной «китайскостью» сделали «глобальное» соизмеримым с местными ценностями и историей.

Главный герой здесь международный капитал, который ищет себе легитимные инструменты бесконфликтного проникновения повсюду и как можно более широкого охвата. Он проводит культурную работу по обнаружению «глобального» во всем и возводит это в этические нормы, в которых «можно свести воедино конкурирующие интересы и различные видения будущего в интересах получения капиталистической прибыли» [1, p. 820].

¹ Кимберли Чон не учитывает, в какой мере респонденты, беседуя с ней как представителем западного академического сообщества, декларируют официальные установки. На самом деле в современной ситуации снижения темпов экономического роста молодым специалистам не так просто найти высокооплачиваемую и престижную работу. – *Прим. ред.*

Список литературы

1. Chong K. Cosmopolitanism and the global Economy : Notes from China's Knowledge Factories // Journal of the Royal Anthropological Institute. – 2020. – Vol. 26, N 4. – P. 805–823.
2. Yan Y. The Changing Moral Landscape // Deep China : The Moral Life of a Person / ed. A. Kleinman. – Berkley : University of California Press, 2011. – P. 36–77.
3. Лоу Юйле. Духовные основы китайской культуры. – Москва : Шанс, 2022. – 302 с.
4. Спешнев Н.А. Китайцы : особенности национальной психологии. – Санкт-Петербург : Каро, 2014. – 336 с.

МОЗИАС П.М.* МЕЖПРОВИНЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КИТАЕ

Аннотация. В силу различий между провинциями в стартовых условиях, географическом местоположении, темпах «открытия» экономик и наделенности факторами производства неравенство подушевых доходов в китайских регионах существенно углубилось за первые десятилетия рыночных реформ. Локальный протекционизм провинциальных правительств привел к фрагментации складывавшегося общекитайского рынка. Реакцией китайского правительства на эти негативные тенденции стал запуск мегапроектов развития отставших регионов «Освоение Запада», «Оживление старой промышленной базы на Северо-Востоке» и «Подъем Центра». Некоторое сглаживание межпровинциального неравенства к началу 2020-х годов было достигнуто за счет массивных инвестиций в экономики окраинных регионов. Но оборотной стороной стало накопление задолженности местных правительств и госкомпаний, поэтому достигнутый успех не выглядит необратимым.

Ключевые слова: Китай; регион; провинция; неравенство; доход.

MOZIAS P.M. Intraprovincial Inequality and Regional Policy in China

Abstract. Due to different initial circumstances and spatial location, uneven speed of opening up and resource abundance, intraregional dispersion of per capita incomes aggravated greatly in China during early market-reform decades. Local protectionism pursued by provincial administrations led to the fragmentation of a still

* Мозиас Петр Михайлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки ИНИОН РАН, доцент департамента мировой экономики НИУ ВШЭ.

emerging national market. The Chinese government withstood those troubles with a sequence of regional megaprojects (“Go West”, “Rejuvenation of North-East”, “Rise of Center”). Some convergence has been really achieved by early 2020s through large-scale investment in remote parts of the country. But the other side of that coin has been a tremendous growth of debts accumulated by local governments and public companies. That is why the hard-won success still does not look to be sustainable.

Keywords: China; region; province; inequality; income.

Для цитирования: Мозиас П.М. Межпровинциальное неравенство и региональная политика в Китае // Социальные и гуманитарные науки. – Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 1. – С. 98–126. DOI: 10.31249/RVA/2023.01.07

В Китае насчитываются 32 административные единицы провинциального уровня (включая Тайвань). В правительственных документах, статистике и аналитических разработках используется несколько схем экономического районирования, из них наиболее популярно выделение меридианальных макрорегионов. Традиционно к Восточному региону относились провинции Ляонин, Хэбэй, Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и Хайнань, а также города центрального подчинения (ГЦП) Пекин, Тяньцзинь и Шанхай. В Центральный регион включались провинции Хэйлуцзян, Цзилинь, Шаньси, Хэнань, Хубэй, Аньхуэй, Цзянси, Хунань и автономный район (АР) Внутренняя Монголия. В составе Западного региона были провинции Шэньси, Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Ганьсу, Цинхай, ГЦП Чунцин, а также Гуанси-Чжуанский, Нинся-Хуэйский, Синьцзян-Уйгурский и Тибетский АР. После 2003 г. стало принято выделять еще и Северо-Восточный регион, куда были приписаны провинция Ляонин, ранее относившаяся к Востоку, и провинции Хэйлуцзян и Цзилинь, до того считавшиеся частями Центрального Китая.

Экономическое лидерство восточных провинций сложилось издавна. Во времена аграрной цивилизации оно было обусловлено тем, что на Востоке находятся наиболее плодородные и удобные для обработки земли (не надо забывать, что значительная часть территории Китая – это горы и пустыни). Кроме того, приморское положение восточных провинций создавало благоприятные усло-

вия для развития торгового обмена и урбанизации. А во второй половине XIX в. именно в порты восточного побережья стал проникать капитал из развитых стран, принесший с собой первые импульсы индустриализации. Восток Китая оказался, таким образом, и в авангарде перехода от традиционного, крестьянского, к современному обществу.

Региональная политика, осуществлявшаяся в 1950–1970-е годы, после прихода к власти коммунистов, по идее была нацелена на выравнивание уровней экономического развития провинций. Однако методы ее были специфическими: был взят курс на региональную автаркию, насаждение на уровне провинций и даже уездов единообразных, самодостаточных хозяйственных комплексов. Впрочем, отрыв Востока от внутренних, материковых провинций по большинству социально-экономических показателей такая политика поколебать не смогла. А когда на рубеже 1970–1980-х годов в Китае начались рыночные реформы, заработали механизмы материальной заинтересованности, всё больше полномочий и прав стало спускаться из Пекина на уровень местных правительств, то восточные провинции быстро смогли задействовать свои стартовые преимущества. Именно они стали лидерами хозяйственного подъема в эпоху перемен.

Ускоренное по сравнению с другими регионами развитие Востока, казалось бы, вполне соответствовало сформулированному Дэн Сяопином общему принципу «Пусть сначала к зажиточности придет часть народа, а потом и остальные». Другое дело, что Дэн никогда не утверждал, что вызванное реформами неравенство, в том числе и региональное, должно стать устойчивым состоянием. Наоборот, он утверждал, что если так произойдет, то это будет означать крах реформ [1, с. 154].

В реальности же к началу 2000-х годов, т.е. как раз к тому времени, когда по наметкам Дэн Сяопина должно было быть построено «общество сяокан» («общество умеренной зажиточности»), межпровинциальное неравенство, прежде всего по линии «Восток – Запад», не только резко усилилось по сравнению с дореформенным периодом, но и приобрело дополнительную инерцию. Власти стали одну за другой запускать государственные программы ускорения развития отставших регионов: «Освоение

Запада» (1999), «Оживление старой промышленной базы на Северо-Востоке» (2003), «Подъем Центра» (2006).

В чем конкретные причины углубления межпровинциальных дисбалансов по мере течения реформ? Насколько эффективна государственная политика сглаживания территориального неравенства? Этими вопросами задается немало китайских исследователей и их англоязычных коллег.

Вполне естественно, что поначалу многие из них причину усиления неравенства видели в данных в 1980-е годы приморским провинциям расширенных правах на ведение внешнеэкономической деятельности. Некоторые крупные предприятия там начали выходить на внешние рынки напрямую, а не через государственные посреднические компании. В распоряжении предприятий-экспортеров стала оставаться часть их валютной выручки. Свои валютные фонды появились и у местных правительств. Именно на Востоке создавались свободные экономические зоны с преференциальным режимом для инвесторов из-за рубежа, и почти все прямые иностранные инвестиции (ПИИ), поступавшие в китайскую экономику в 1980–1990-е годы, реализовывались в приморских провинциях.

Показательна статья Вэй Хоукая (Институт экономики промышленности Академии общественных наук Китая) [2]. Он сопоставил данные о привлечении иностранного капитала в экономики восточных и западных провинций в 1980–1990-е годы (соответствующие показатели центральных провинций им не рассматривались). На Востоке доля ПИИ и других видов иностранных инвестиций в совокупных капиталовложениях в основные фонды достигала в 1983–1991 гг. в среднем 4,0%, а в 1992–1999 – 19,7%. На Западе эти показатели составляли 0,8 и 4,4% соответственно.

В восточных провинциях доля предприятий с иностранными инвестициями (ПСИИ) в выпуске промышленной продукции достигала в 1999 г. 34,1%, а на Западе – только 7,4%. Доля ПСИИ в экспорте составляла в 1999 г. 48,9% на Востоке и 10,7% на Западе [2, с. 21].

Проведя эконометрическое исследование, Вэй Хоукай пришел к выводу, что за период 1985–1999 гг. различия в темпах экономического роста между Востоком и Западом на 90% были связаны с разницей в объемах привлеченных иностранных инвестиций.

На Востоке сложился определенный циклический механизм: благоприятные изначальные условия способствовали привлечению ПИИ, а это, в свою очередь, привело к ускорению экономического роста, повышению доходов населения, расширению рынка и усилению инвестиционной привлекательности региона [2, с. 22–26].

Но это всё же экстремальная позиция. В трактовке С. Демюржер (Центр исследований международного развития Академии наук Франции), Дж. Сакса (Центр развития Гарвардского университета, США), Ху Юнтая (экономический факультет Калифорнийского университета, США), Бао Шумина (Центр научной информации по Китаю Мичиганского университета, США) и Чжан Синя (экономический факультет Университета Толедо, США) [3] все не так однозначно. Проведенный ими регрессионный анализ показал, что предпочтения, позволившие привлечь ПИИ, – это не доминирующий фактор ускоренного экономического роста на Востоке. Не менее важны были собственно географические условия, и дело не только в наличии у восточных провинций выхода к морю, а стало быть, и лучших, чем у других регионов, возможностей для наращивания экспорта. В валовых региональных продуктах (ВРП) китайских провинций сравнительно высок удельный вес аграрного сектора, а поскольку различия климатической среды и почв влияют на производительность труда в сельском хозяйстве, то лучшие природные условия на побережье тоже нашли отражение в дифференциации темпов экономического роста по провинциям.

Набор же факторов, связанных с экономической политикой, которые поспособствовали углублению межрегионального неравенства, отнюдь не сводится к наличию / отсутствию у провинций особых прав во внешнеэкономической сфере. Существовавшая с середины 1980-х до середины 1990-х годов система «территориального финансового подряда» (т.е. фактически одноканальная бюджетно-налоговая система) дала провинциям полномочия оставлять у себя бóльшую, чем раньше, долю фискальных доходов. Возможности центрального правительства осуществлять выравнивание показателей социально-экономического развития регионов тем самым сократились. И без того наиболее зажиточные восточные провинции могли теперь использовать больше своих бюджетных доходов на развитие собственных экономик, а не делиться ими с общегосударственным бюджетом.

Реформа цен в том виде, как она осуществлялась в 1980-е – начале 1990-х годов, предполагала первоочередную либерализацию цен на готовую продукцию при сохранении контроля за ценами на товары других отраслей. По сути, это означало, что центральные и западные провинции, где в ВРП высок удельный вес добывающей промышленности, субсидировали обрабатывающую промышленность Востока.

Наконец, сохранение госсобственности в банковском секторе и специфической практики распределения кредитов исходя из логики отношений внутри административной иерархии приводило к тому, что заемное финансирование получали преимущественно государственные предприятия (ГП), расположенные в приморских провинциях и на Северо-Востоке [3, с. 15, 18–19].

Линь Ифу (Центр исследований китайской экономики Пекинского университета) и Лю Пэйлинь (Центр исследований проблем развития при Госсовете КНР) [4] и вовсе постулировали, что усиление региональной дифференциации имело сугубо внутриэкономические причины. Главная из них в том, что в КНР в дореформенный период реализовывалась политика приоритетного развития тяжелой промышленности, распределение ресурсов во многих провинциях не соответствовало их сравнительным преимуществам, а потому значительному числу предприятий не хватало «жизнеспособности». Такие предприятия искусственно поддерживались государством, а это тормозило естественные процессы накопления капитала, технологических инноваций и увеличения производительности. В Центре и на Западе подобная политика проводилась дольше, чем на Востоке, это и объясняет различия в уровнях развития регионов.

В центральных и западных провинциях строились предприятия тяжелых, капиталоемких отраслей обрабатывающей промышленности, в том числе оборонных. Продукция их была узкоспециализированной, она не могла найти применение в широком круге отраслей, а поэтому такие предприятия в незначительной степени генерировали позитивные экстерналии (внешние эффекты) для регионального развития. Сырье и полуфабрикаты для тяжелой промышленности тоже производились в основном в Центре и на Западе, но государство занижало цены на них, стремясь тем самым поспособствовать развитию капиталоемкой обрабатывающей про-

мышленности. Так что ГП тяжелых отраслей не только мало помогали развитию региональных экономик, но еще и субсидировались государством.

К тому же такие предприятия требовали достаточно квалифицированной рабочей силы, и она привлекалась главным образом с Востока, а для местного населения создавалось мало рабочих мест, и оно оставалось преимущественно в сельском хозяйстве. Поэтому и условия для роста доходов жителей центральных и западных провинций были весьма ограниченными.

В реформенный период государство продолжало проводить политику низких цен на сырье. Но основными потребителями сырья с Запада стали теперь быстро развивавшиеся восточные провинции. Поэтому ценовые субсидии фактически стали поддерживать экономический рост на Востоке, и из-за этого разрыв в уровнях развития между регионами еще более усугубился [4, с. 19–20].

Своего рода обобщением наработок китайских специалистов по проблематике регионального неравенства, накопленных к началу XXI в., стала статья Ван Сяолу и Фань Гана (Институт национальной экономики фонда «Реформа») [5]. Они отметили, что в 1950–1970-е годы центральное правительство пыталось сглаживать различия между Востоком и Западом путем перераспределения фискальных доходов и осуществления масштабных инвестиций в центральных и западных провинциях. Но это не помогло преодолеть межрегиональный разрыв в уровнях экономической эффективности. С начала 1980-х годов в рамках курса на децентрализацию масштабы перераспределения сократились, и это привело к еще большему опережению Востока в экономическом развитии над Центром и Западом.

В 1980 г. подушевой ВВП в центральных провинциях достигал 65%, а в западных – 53% от уровня Востока, в 2002 г. эти показатели составили только 49 и 39% соответственно. В 1980 г. располагаемые доходы домохозяйств в Центре достигали 78%, на Западе – 70 от восточного уровня, а в 2000 г. – лишь 62 и 54% [5, с. 33–34].

Но у регионального неравенства, согласно Ван Сяолу и Фань Гану, нет какой-то одной, главной причины. Есть целая совокупность факторов, которые оказывают противоречивое воздействие

на межрегиональные различия в темпах экономического роста и уровнях развития.

Во-первых, это *межрегиональная мобильность капитала и приток иностранных инвестиций*. В 1980 г. норма накопления (доля капиталовложений в основные фонды в ВРП) на Востоке и в Центре составляла 18%, а на Западе – 22%, что отражало еще дореформенные усилия по подтягиванию глубинных районов к уровню побережья. В условиях реформ норма накопления на Востоке увеличилась до 29% в 1985 г. и 38% в 1995 г., а на Западе она составляла 30% в 1985 г. и 30% в 1995 г., т.е. по этому показателю Восток ушел далеко вперед, что во многом и определило более высокую динамику его экономического роста. Но в 2000 г., с началом реализации программы «Освоение Запада», норма накопления в западных провинциях (37%) превзошла показатель Востока (34%), в 2002 г. этот показатель составил на Западе уже 42%, а на Востоке – 35% [5, с. 35].

Более детальные расчеты показали, что на протяжении 1990-х годов из провинций Востока и Центра происходил чистый отток капитала, а на Западе фиксировался чистый его приток. Но такой суммарный результат был обеспечен продолжавшимся перераспределением бюджетных ресурсов Востока в пользу Запада, хотя его масштабы и уменьшились по сравнению с дореформенным временем. А в 2000-е годы, когда стал осуществляться мегапроект «Освоение Запада», бюджетное перераспределение снова увеличилось, как и кредитование проектов в Центре и на Западе государственными банками.

По линии рынка капитала, напротив, в 1990-е годы происходил переток средств из центральных и западных провинций на Восток. Но масштабы его были слишком скромны, чтобы всерьез повлиять на динамику развития регионов. Однако если учесть ПИИ, то потоки капитала, управляемые рыночными сигналами, количественно перевесят потоки, направляемые государственными приоритетами. ПИИ в 1980–1990-е годы на 85% концентрировались на Востоке, и после 2000 г. ситуация не изменилась. Тогда как раз получается, что направленность рыночных потоков капитала на Восток способствовала межрегиональной дифференциации.

Впрочем, в динамике ситуация должна меняться в пользу Запада, прогнозировали Ван Сяолу и Фань Ган [5, с. 37]. Ускорен-

ное накопление капитала на Востоке не может не приводить к падению предельной отдачи на инвестиции, а значит, будет происходить выравнивание уровней рентабельности между регионами, капитал будет распределяться между ними более равномерно.

Во-вторых, это *межрегиональная мобильность рабочей силы*. Согласно экономической теории, трудовые ресурсы должны мигрировать из регионов с низкой в регионы с высокой производительностью труда, а в результате должны сглаживаться межрегиональные различия в зарплатах.

У миграции трудовых ресурсов в Китае периода реформ было не только секторальное (из деревень в города и поселки, из сельского хозяйства в промышленность и сферу услуг), но и географическое измерение (крестьяне из центральных и западных провинций переезжали в поиске работы на Восток). Расчеты Ван Сяолу и Фань Гана, основанные на сопоставлении чистых доходов крестьян в провинциях – источниках миграции и зарплат в провинциях, привлекающих мигрантов, показали, что предельный продукт труда, производимый на Востоке, в несколько раз больше, чем в Центре и на Западе [5, с. 39]. Отсюда следует, что приток мигрантов – это тоже одна из причин опережающего развития Востока.

Но миграция одновременно выполняет и функцию сглаживания межрегиональных разрывов. Мигранты переводят часть заработков своим семьям, живущим на селе. Отток рабочей силы из центральных и западных провинций ослабляет там давление на ограниченные земельные ресурсы, а это само по себе благотворно влияет на доходы сельского населения. К тому же для обеспечения производства нужных объемов продовольствия в условиях массового перемещения людей из деревни в город производительность труда в сельском хозяйстве должна расти, а в этом и состоит фундаментальное условие устойчивого роста крестьянских доходов.

В-третьих, эти *межрегиональные различия в обеспеченности человеческим капиталом*. На Востоке выше, чем в других регионах, такие показатели, как число лет обучения, приходящееся на среднестатистического занятого в местной экономике; доля учащихся в общей численности населения; доля расходов на НИОКР в ВРП. Причем люди с высоким уровнем образования склонны перемещаться из Центра и с Запада на Восток, т.е. проблема не

только в относительно низкой наделенности человеческим капиталом в глубинных провинциях, но и в невысокой эффективности его использования там.

В-четвертых, это *различия в степени маркетизации экономик регионов*. Восток существенно опережает другие регионы по темпам развития негосударственных укладов хозяйства и рыночной инфраструктуры. Уровень маркетизации непосредственно влияет на совокупную факторную производительность (СФП), а через нее и на экономический рост. Достигается это за счет улучшений в распределении ресурсов под влиянием рыночных сигналов, рационализации использования банковских кредитов, улучшения инвестиционного климата, защиты прав собственности и гарантий соблюдения контрактов и т.д. Отсюда вытекает, что для сглаживания межрегиональных разрывов нужно, помимо всего прочего, ускорить рыночные реформы в Центре и на Западе.

В-пятых, это *различия в темпах урбанизации*. Значение этого фактора особенно возросло с конца 1990-х годов, когда волостные и поселковые предприятия (т.е. предприятия промышленности и сферы услуг, созданные в сельской местности) перестали выполнять функцию главного абсорбатора избыточной рабочей силы. В Центре и на Западе рост городского населения происходит медленнее, чем на Востоке, и это тоже способствует поддержанию межрегионального неравенства [5, с. 40–42].

Логические линии, прочерченные в статье Ван Сяолу и Фань Гана, в последующие годы углублялись в работах других ученых. Хуан Яньпин (Институт тайваньских исследований Сямэньского университета), Лю Юй, Ли Вэньпу (Центр макроэкономических исследований того же университета) и У Ицзюнь (Азиатско-Тихоокеанский департамент МВФ) [6] рассмотрели, как сказываются на дифференциации китайских регионов различия в имеющемся в их распоряжении человеческом капитале и его взаимодействии с другими факторами производства.

В экономической теории по поводу характера такого влияния есть разные точки зрения. Одни исследователи, в том числе основоположники эндогенной теории экономического роста Р. Лукас и П. Ромер, полагают, что накопление человеческого капитала стимулирует прирост ВВП, а значит, оно способствует сглаживанию территориальных дисбалансов. С этой точки зрения

возможности для отсталых стран или регионов повысить свой уровень подушевого дохода зависят как раз от их способности приобщить население к образованию и обеспечить повышение его качества.

Другая группа экономистов считает, что влияние человеческого капитала на экономический рост может быть разным – в зависимости от стадии развития страны / региона и структуры человеческого капитала. Так, А. Крюгер и Л. Микаэл утверждают, что концентрация ресурсов в сфере образования важна для ускорения экономического роста в слаборазвитых странах. Но с достижением более высокого уровня подушевого ВВП избыточная экспансия сферы образования может тормозить экономический рост¹. Хуан Яньпин и его коллеги склонны согласиться с этой второй концепцией.

В построенной ими регрессионной модели объясняемая переменная – это ВРП провинций. Предполагается, что его динамика зависит от инвестиций физического капитала (они измеряются величинами капиталовложений в основные фонды), численности трудовых ресурсов и масштабов накопленного человеческого капитала (их характеризует количество работников, получивших образование в том или ином объеме).

Но авторы заложили в модель параметры не только количества, но и качества человеческого капитала. Они подразделили последний на два уровня: высокий (он достигается, если человеческий капитал порождает внешние эффекты распространения знаний) и низкий (если таких позитивных экстерналий не возникает). По определению Хуан Яньпина и его соавторов, к человеческому капиталу низкого уровня в Китае могут быть отнесены работники с образованием в объеме начальной (6 лет) и неполной средней школы (9 лет), а к человеческому капиталу высокого уровня – люди с полным средним (12 лет) и высшим образованием (17 лет).

Человеческий капитал низкого уровня выступает как ресурс, прямо участвующий в процессе производства, но не более того. А человеческий капитал высокого уровня способен генерировать

¹ Krueger A., Mikael L. Education for Growth : Why and for Whom // Journal of Economic Literature. – 2001. – Vol. 39, N 4. – P. 1101–1136.

технологические инновации, но он нужен и для заимствования, имитации зарубежных технологий. В качестве переменной, характеризующей технологический уровень той или иной провинции, в модели используется СФП. Считается, что ее уровень повышается по мере накопления человеческого капитала высокого уровня. В расчетах по модели были задействованы данные по 30 китайским провинциям (всем, кроме Тибета и Тайваня) [6, с. 94–97].

Расчетами было выявлено, что в восточных провинциях наибольший вклад в прирост ВРП вносит ресурс физического капитала, а в Центре и на Западе – трудовые ресурсы. Предельная производительность человеческого капитала низкого уровня на Востоке наибольшая, на Западе – наименьшая, Центр по этому показателю занимает промежуточное положение. А предельная производительность человеческого капитала высокого уровня очень невелика во всех регионах. Соотношение предельных продуктов человеческого капитала низкого и высокого уровней и на Востоке, и в Центре, и на Западе больше единицы, что свидетельствует о неэффективном использовании потенциала людей с высшим образованием [6, с. 99].

Разумеется, распространение образования и повышение качества человеческого капитала позитивно сказываются на экономическом росте, но и, наоборот, особенности экономического развития того или иного региона отражаются на параметрах спроса на человеческий капитал разных уровней и эффективности его использования. Исследование показало, что вклад инноваций в прирост выпуска во всех трех регионах заметен, вклад имитации технологий особенно сильно чувствуется на Западе, а наименее выражен он на Востоке, где собственный научно-технический потенциал развит больше, чем где бы то ни было в Китае.

Всё это говорит о том, что вклад человеческого капитала высокого уровня в экономическое развитие страны позитивен и ощутим. Но направления этого влияния по регионам различны. На Востоке накопление человеческого капитала в большей степени способствует инновационным процессам, а не заимствованию технологий. В Центре преобладает имитация зарубежных технологий. А на Западе, где общий уровень экономического развития самый низкий, роль человеческого капитала высокого уровня вообще сравнительно слабая.

Доминирующий вклад физического капитала в прирост ВРП на Востоке связан с тем, что в этих провинциях достаточно хорошо развита инфраструктура, высок уровень маркетизации экономики, накоплено много человеческого капитала, в том числе высокого уровня. Но по сравнению со странами – лидерами мировой экономики и в Восточном Китае наделенность экономики физическим капиталом небольшая, он может быть эффективно использован только в соединении с человеческим капиталом высокого уровня.

На Западе, где наибольший вклад в экономический рост вносят трудовые ресурсы, наделенность и физическим, и человеческим капиталом невелика. Производственные процессы там основаны преимущественно на задействовании неквалифицированного труда и простых технологий. В Центре роль трудовых ресурсов тоже значительная, но это связано скорее с тем, что эти провинции вступили в фазу реализации «преимуществ отсталости», а вследствие этого увеличивается спрос не только на неквалифицированную рабочую силу, но и на человеческий капитал низкого уровня.

Так что человеческий капитал высокого уровня всё еще слабо востребован относительно отсталыми экономиками центральных и западных провинций, отметили Хуан Яньпин и его соавторы. Поэтому для ускорения их развития усилия и ресурсы нужно пока сконцентрировать не на развитии там вузовской системы, а на распространении начального и среднего образования. Но нужно и набирать побольше абитуриентов из центральных и западных провинций в университеты на Востоке с последующим возвращением их в родные места, да и вообще, надо способствовать миграции специалистов в Центр и на Запад [6, с. 104].

Те же исследователи, кто двигается вдоль намеченной Ван Сяолу и Фань Ганом институциональной линии, обычно отмечают, что воспроизводству межрегионального неравенства во многом способствует *локальный протекционизм*. Власти провинций и даже уездов, используя свои фискальные и административные полномочия, поддерживают льготами и субсидиями предприятия, находящиеся под их непосредственным контролем, и в то же время ограничивают сбыт на своих территориях товаров, происходящих из других частей Китая.

Все согласны, что в конечном счете локальный протекционизм связан с тем, что Ван Сяолу и Фань Ган назвали бы низкой степенью маркетизации: со все еще очень сильным непосредственным присутствием государства в китайской экономике, в частности – с переплетением интересов региональных правительств, менеджеров поднадзорных им ГП и владельцев местного частного и квазичастного бизнеса. Но по поводу конкретных причинно-следственных связей есть разные мнения.

Су Фубин (факультет политологии Вассарского колледжа, Нью-Йорк, США), Тао Жань (экономический факультет Народного университета Китая, Пекин), Си Лу (факультет экономики сельского хозяйства Университета Беркли, США) и Лу Мин (экономический факультет Пекинского университета) [7] представляют то направление в литературе, которое считает региональных руководителей, вводящих меры локального протекционизма, прежде всего экономическими агентами. Провинциальные и уездные начальники заинтересованы в увеличении доходов, поступающих в местные бюджеты, так как на их попечении находятся социальная сфера и инфраструктура в соответствующих административных единицах.

Но возможности для максимизации доходов лимитированы, во-первых, «вертикальными» пропорциями разделения фискальных поступлений между Пекином и местами, а во-вторых, «горизонтальным» соперничеством за источники доходов между самими региональными, низовыми звеньями системы управления. Реакцией на такие ограничения и является протекционизм со стороны местных властей по отношению к предприятиям, зарегистрированным на подведомственных им территориях. Протекционистские меры осуществляются для того, чтобы создавать дополнительные источники поступлений от закрепленных за провинциальными бюджетами налогов, т.е. таких, которыми не придется делиться с конкурентами ни по «вертикали», ни по «горизонтали» [7, р. 2, 11–16].

Один из носителей альтернативной точки зрения – это Чжоу Лиань (Школа бизнеса «Гуанхуа» Пекинского университета) [8]. В опровержение доводов оппонентов он задает им следующие вопросы. Если считать, что локальный протекционизм просто порождается конкуренцией за источники бюджетных доходов, то как

тогда объяснить, почему национальные государства, тоже заинтересованные в налоговых поступлениях, идут по пути торговой либерализации? И если китайские региональные чиновники заинтересованы прежде всего в прибыли и налогах с местных предприятий, то почему они так часто поддерживают заведомо убыточные инвестиционные проекты? [8, с. 33–34].

Чжоу Лиань исходит из того, что китайские руководители на местах озабочены совсем другим – траекторией своей дальнейшей политической карьеры, а она зависит от оценок их деятельности вышестоящим начальством. В реформенные десятилетия об эффективности работы глав местных правительств и парткомов стали судить прежде всего по количественным показателям экономического развития на вверенных им территориях: приросту ВРП, числу реализованных инвестиционных проектов, объему привлеченных ПИИ и т.п. Для того чтобы получить повышение, руководителю нужно всеми правдами и неправдами обеспечить более высокие показатели, чем у соседей.

Так что местные начальники конкурируют между собой не только за дополнительные бюджетные доходы, но и за места в вышестоящих управленческих структурах. Если один руководитель получает продвижение по службе, то это означает, что другому Фортуна не улыбнулась. Иначе говоря, имеет место «игра с нулевой суммой», тогда как чисто экономическое соревнование приводило бы к распределению выгод между его участниками.

Соперники склонны ставить на первое место вопрос об административном статусе – своем и конкурента. Поэтому каждый из них не только способствует экономическому развитию своей территории, но и предпринимает шаги к тому, чтобы помешать развитию территории, которой управляет соперник (например, через запреты на ввоз оттуда товаров). Как следствие, конкуренция между административными единицами лишается реального экономического содержания, она порождает проблемы, а не позитивные эффекты. В частности, отрицательная рентабельность проектов в таких условиях не является препятствием для инвестирования: подобные проекты субсидируются властями, если они повышают административный статус руководителей. В результате локальный протекционизм порождает «дублирующее строительство» – созда-

ние в разных районах однотипных, мало востребованных рынком, заведомо убыточных предприятий [8, с. 34, 37].

Ли Шаньтун, Хоу Юнчжи, Лю Юньчжун и Чэнь Бо (Центр исследований проблем развития при Госсовете КНР) [9] подразделили методы локального протекционизма на два класса:

1) ограничения торговли (прямое квотирование ввоза товаров из других регионов; контроль над ценами местных предприятий и субсидирование их; отсутствие жесткого контроля за производством контрафактных товаров местными предприятиями; сдерживание ввоза товаров из других провинций с помощью установления технических барьеров, т.е. определенных требований к качеству продукции и т.д.);

2) ограничения на движение факторов производства (препятствия для совершения инвестиций компаниями из других провинций; предпочтение при найме работников, имеющих местную регистрацию; отсутствие социальных гарантий для мигрантов и т.п.) [9, с. 80–81].

Ли Шаньтун и его коллеги констатировали, что локальный протекционизм препятствует формированию единого, общекитайского рынка, ослабляет эффективность рыночной системы в распределении ресурсов. Благодаря «тепличной» среде, создаваемой местными властями, в регионах реализуются избыточные, нерациональные инвестиции. Возникают предприятия отраслей, для развития которых там нет сравнительных преимуществ. Рынки сбыта для таких предприятий ограничены пределами провинции, поэтому они зачастую не могут реализовать эффект масштаба, т.е. снизить издержки до оптимального уровня. Во многих провинциях складываются однотипные структуры экономик, не реализуются выгоды от специализации. Сдерживание межрегионального обмена препятствует выравниванию товарных цен и доходностей по факторам производства на провинциальных рынках, и это придает региональному неравенству дополнительную инерцию [9, с. 78–79].

Еще дальше пошли в своих умозаключениях Чжу Сивэй, Цзя Сянжун и Ло Дэмин (экономический факультет Чжэцзянского университета, Ханчжоу) [10]. Они задумались, как можно объяснить парадоксальную ситуацию, когда многие китайские предприятия-экспортеры, в том числе и частные, вообще не осуществляют сбыт своей продукции на внутреннем рынке, а на внешних рынках

продают товары не под своей торговой маркой, а под брендом заказчика. Это противоречит ставшей уже почти классической теории международной торговли П. Крагмана, утверждающей, что страна экспортирует те товары, по которым собственный внутренний рынок у нее наибольший, и ввозит по импорту такие товары, по которым ее внутренний рынок относительно мал. Предприятия, осваивающие одновременно и внутренний, и внешний рынки, реализуют тем самым эффект масштаба, это позволяет им компенсировать расходы, связанные с транспортировкой продукции за рубеж¹ [10, с. 68].

Разгадка, утверждают Чжу Сивэй и его коллеги, заключается в том, что сравнительно быстрый рост китайского экспорта происходит на фоне весьма медленного увеличения взаимной торговли между отдельными китайскими провинциями, чему виной локальный протекционизм.

Торговые барьеры, возводимые местными властями, означают, что для проникновения на рынок каждого отдельно взятого региона предприятию нужно нести дополнительные издержки на рекламу, выстраивание сбыта и т.п. Иначе говоря, делать это в рамках общенациональной маркетинговой стратегии не представляется возможным, а потому потенциальные издержки освоения внутреннего рынка оказываются слишком высокими, они больше издержек, связанных с экспортом. А поскольку предприятия не могут реализовать эффект масштаба за счет сбыта на внутреннем рынке, то их экспортная ориентация превращается в зависимость, которая постоянно воспроизводится и препятствует «выращиванию» собственных брендов [10, с. 69, 75].

В итоге получается, что происходившее в первые реформенные десятилетия углубление регионального неравенства, подпитываемое в том числе и локальным протекционизмом, нужно рассматривать не просто как источник социального напряжения, но и как проявление свойственных современных китайской экономике тяжелых дисбалансов. Экономический рост в стране опирался на избыточные инвестиции и экспорт, обеспечивавшие преимущественно восточными провинциями, тогда как вклад внутреннего

¹ Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade // American Economic Review. – 1980. – Vol. 70, N 5. – P. 950–959.

потребительского спроса в хозяйственную динамику был недостаточным, в том числе и из-за низких доходов населения в Центре и на Западе.

Рано или поздно должна была произойти корректировка региональной политики – отказ от ставки на форсированное развитие Востока, сдвиг в пользу поддержки внутренних, материковых районов. Чжан Цзэ (факультет экономики и финансов Сианьского транспортного университета) [11] задался вопросом, почему эти изменения (начавшиеся с выдвижения программы «Освоение Запада») случились именно на рубеже 1990–2000-х годов.

По его мнению, выбор в пользу ускоренного развития Востока был сделан в свое время потому, что благодаря наличию у приморских провинций стартовых преимуществ там для поддержки экономического роста требовались не столько дополнительные вложения финансовых ресурсов, сколько либерализационные меры экономической политики. Это вполне соответствовало тогдашней общей ситуации: общенациональное правительство было сильно в политико-административном плане, но у него были слабые фискальные возможности (так сложилось еще при Мао Цзэдуэ). Для сравнения, если бы уже в первые годы реформ правительство поставило задачу приоритетного развития Запада, то там потребовались бы и административно-политические, и финансовые ресурсы [11, с. 70].

Система «территориального финансового подряда» и другие фискальные нововведения 1980-х годов еще больше расширили полномочия местных правительств и уменьшили долю налоговых поступлений, шедших в общегосударственную казну. Такую политику поддерживали именно власти восточных провинций, а для центральных и западных регионов она была менее выгодной: концентрация финансовых ресурсов в Пекине создала бы больше возможностей для их перераспределения в пользу отсталых районов.

Быстрый экономический рост на Востоке обеспечил высокую динамику и китайской экономике в целом. Но в течение 1990-х годов стали накапливаться тревожные симптомы, свидетельствовавшие о том, что дифференциация подушевых доходов между регионами из стимула к развитию общенационального хозяйства стала превращаться в его тормоз.

В восточных провинциях быстро росли цены на производственные ресурсы и соответствующие издержки предприятий, снижалась отдача от инвестиций. Углублялись разрывы в провинциальных показателях подушевого ВВП, и власти центральных и западных провинций усиливали давление на Пекин, требовали выделить им дополнительные бюджетные трансферты, повысить регулируемые цены на сырье и энергоносители.

Возникла парадоксальная ситуация. Для продолжения быстрого роста Восток все больше нуждался в сырьевых запасах Центра и Запада. Но для того чтобы наладить такие поставки, требовались централизованные капиталовложения в развитие соответствующих производств и инфраструктуры в глубинных районах, а для этого не было возможностей из-за финансовой слабости общегосударственного бюджета. Как следствие, побережье все больше и больше впадало в зависимость от импорта сырьевых товаров. Причем покупавшие их предприятия несли намного большие расходы, чем те компании, которым все же удавалось удовлетворять свой спрос за счет закупок в центральных и западных провинциях Китая.

Для того чтобы изменить свою региональную политику, общенациональному правительству нужно было сначала усилить свой финансовый потенциал. С этой целью в 1994–1995 гг. была проведена бюджетно-налоговая реформа. Систему «территориального финансового подряда» сменила четкая роспись тех или иных налогов за бюджетами разных уровней, произошло существенное перераспределение доходной базы в пользу общегосударственного бюджета. После этого стали увеличиваться и доля фискальных поступлений в ВВП, и удельный вес центрального бюджета в совокупных фискальных доходах; к 2000 г. их рост и создал условия для активизации государственных инвестиций в Западном регионе.

К тому же в конце 1990-х годов китайская экономика стала испытывать трудности из-за нехватки внутреннего спроса, наступило дефляционное замедление экономического роста. С началом дефляции выяснилось окончательно, что и Восток, и народное хозяйство Китая в целом нуждались в центральных и западных провинциях не только как в источниках сырья, но и как в рынках сбыта. Поэтому содержанием программы «Освоение Запада» стали не только инвестиции в развитие производственной базы окраинных

провинций, но и стимулирование там потребительского спроса [11, с. 74].

Сюй Чжаоюань (школа бизнеса «Гуанхуа» Пекинского университета) и Ли Шаньтун (Центр исследований проблем развития при Госсовете КНР) [12] констатировали, что ситуация действительно стала меняться уже к середине 2000-х годов. Обработав статистику за 1990–2004 гг., они установили, что коэффициент Джини, рассчитанный по провинциальным подушевым ВВП, быстро рос в течение 1990-х годов, но после 2000 г. его значения стабилизировались. Сходную динамику демонстрировал и коэффициент Джини, исчисленный по показателям, характеризующим уровень потребления в провинциях [12, с. 107].

Авторы скалькулировали усредненные показатели экономического роста по четырем макрорегионам (Восток, Центр, Запад и Северо-Восток). После 1990 г. прирост ВРП на Востоке был быстрее, чем по остальным регионам и по стране в целом, это и привело к углублению разрыва в подушевых доходах между приморским поясом и другими районами. Но еще в течение 1990-х годов разброс в темпах экономического роста Востока и внутренних провинций постепенно уменьшался. Это, утверждали Сюй Чжаоюань и Ли Шаньтун, и сказалось в конце концов в 2000-е годы на состоянии дел с межрегиональным неравенством.

Иначе говоря, имела место *конвергенция (convergence)* темпов экономического роста в провинциях. Суть механизма конвергенции, описанного в экономической теории, в том, что предельная производительность капитала имеет тенденцию к снижению по мере увеличения душевого ВВП, поэтому из более развитых провинций капитал перемещается в менее развитые и экономический рост в последних ускоряется. А трудовые ресурсы, напротив, мигрируют из отсталых провинций в преуспевшие. То есть в таком понимании динамика развития регионов определяется преимущественно действием рыночных механизмов.

В мировой экономической науке нет согласия по поводу того, подтверждается ли абстрактная модель конвергенции, выведенная исходя из теоретических соображений, эмпирическими фактами. Нет консенсуса и среди китайских экономистов: одни считают, что конвергенция темпов экономического роста в провинциях КНР действительно имеет место; другие ее отрицают. Но

Сюй Чжаюань и Ли Шаньтун постулировали, что конвергенция началась под влиянием объективных экономических тенденций еще в 1990-е годы, т.е. до того, как появились на свет программы «Освоение Запада», «Оживление Северо-Востока» и «Подъем Центра». И произошло это благодаря постепенному развитию в Китае рынков факторов производства, ослаблению режима прописки, дерегулированию инвестиционных процессов, а также прогрессу транспортной инфраструктуры [12, с. 110–115].

Х. Виллаверде, А. Маза (Кантабрийский университет, Сантандер, Испания) и Б. Рамасами (Китайско-европейская международная школа бизнеса, Шанхай) [13] для измерения межпровинциального неравенства рассчитали два показателя:

1) коэффициент вариации (он отслеживает, сокращается ли со временем дисперсия (разброс) подушевых доходов по провинциям);

2) индекс Тейла (он показывает степень отклонения уровней душевого дохода по провинциям от равномерного распределения).

Были задействованы данные Госстатуправления КНР за 1978–2007 гг. по 30 административным единицам провинциального уровня, поделенным на три макрорегиона (т.е. без выделения Северо-Востока) [13, р. 78].

И те и другие расчеты показали, что межпровинциальное неравенство несколько уменьшилось на начальных стадиях реформ (до 1990 г.), затем оно устойчиво нарастало вплоть до 2004 г., но потом произошел перелом тенденции. Сглаживание неравенства в 1980-е годы можно объяснить тем, что ранее отсталые юго-восточные провинции Гуандун и Фуцзянь получили тогда особые права на «открытие» своих экономик. Они довольно быстро сумели преодолеть отрыв от прежних лидеров – Пекина, Тяньцзиня и Шанхая, вследствие чего неравенство уменьшилось и по стране в целом. А резкое его усиление в 1990-е – начале 2000-х годов было связано с тем, что теперь уже весь приморский регион «ушел в отрыв» по темпам экономического роста от центральных и западных провинций.

Составной характер индекса Тейла позволил рассчитать его как сумму подиндексов по восточным, центральным и западным провинциям. Так можно было оценить, что важнее для общего

углубления неравенства – факторы внутри трех макрорегионов или нарастание неравенства между ними. Оказалось, что до середины 1990-х годов определяющим было внутрирегиональное неравенство (в 1978 г. его вклад достигал 80%), а затем значение внутренних и межрегиональных факторов стало примерно равным.

Причем наибольший вклад (91%) во внутрирегиональное неравенство внесла дифференциация подушевых доходов в Восточном макрорегионе, тогда как на Центр пришлось только 6%, а на Запад – 3%. Получается, что глубина совокупного межпровинциального неравенства в Китае определяется прежде всего неравномерностью развития провинций приморского пояса [13, р. 80, 81, 92].

Итак, временную отсечку, после прохождения которой межрегиональное неравенство перестало нарастать, отдельные исследователи датируют по-разному – кто ранним сроком, кто более поздним. Но в любом случае речь идет о середине первого десятилетия XXI в. Судя по данным официальной статистики, эта тенденция оставалась в силе и в 2010-е – начале 2020-х годов. В 2008 г. удельный вес Востока в общекитайском ВВП составлял 54,3%, Центра – 19,3, Запада – 17,8, а Северо-Востока – 8,6% [14, с. 15–16]. В 2018 г. эти показатели равнялись 52,6; 21,1; 20,1 и 6,2% [15, с. 14–15], а в 2021 г. – 51,7; 21,8; 20,9 и 4,9% соответственно [16], т.е. произошло определенное перераспределение долей Востока, а также Северо-Востока в пользу Центра и Запада.

Факты, приводимые в статье Ан Юаньюань (факультет политологии Мичиганского университета, Анн-Арбор, США) [17], побуждают думать, что такому развитию событий действительно поспособствовали не столько государственные мегапроекты, сколько объективные тренды, предсказанные Ван Сяолу и Фань Ганом [5], а затем описанные в первом приближении Сюй Чжаоюанем и Ли Шаньтуном [12].

Ан Юаньюань констатировала, что в 2010-е годы ценовая конкурентоспособность промышленного экспорта с восточного побережья была уже в значительной мере подорвана ростом арендной платы за землю, тарифов на электроэнергию, а главное – ростом зарплат. Но проявилась и другая новая тенденция, отчасти компенсировавшая ухудшение ценовых условий: капитал с Востока ради экономии на издержках производства стал перемещаться в

центральные и западные провинции. Такие инвестиции для глубинных, материковых регионов играют роль катализаторов развития – подобную той, которую для побережья в свое время сыграли ПИИ.

Прямых статистических оценок инвестиций с Востока в экономики центральных и западных провинций китайские государственные ведомства не публикуют. Но о масштабах происходящих сдвигов в размещении производства можно судить по косвенным показателям. Уже в 2005–2010 гг. доля Востока в общенациональном объеме производства добывающих отраслей промышленности снизилась с 51,0 до 46,1%, тогда как доля Запада увеличилась с 19,8 до 24,9%, а доля Центра незначительно уменьшилась с 29,2 до 29,0%.

По трудоемким отраслям промышленности доля Востока в 2005 г. достигала 76,8%, а в 2010 г. – лишь 68,8%. Удельный вес Центра за тот же период увеличился с 14,3 до 20,4%, а Запада – с 8,9 до 10,8%. По капиталоемким отраслям доля Востока уменьшилась с 67,2% в 2005 г. до 63,1% в 2010 г. Доля Центра выросла за это время с 20,0 до 22,7%, а удельный вес Запада – с 12,8 до 14,2%.

В сфере развития высокотехнологичных отраслей промышленности Восток оставался далеко впереди, но его доля в общенациональном выпуске такой продукции все же уменьшилась с 92,2% в 2005 г. до 86,5% в 2010 г., доля Центра за 2005–2010 гг. возросла с 4,6 до 8,5%, а доля Запада увеличилась с 3,2 до 5,1% [17, р. 426].

Существенно и то, что статистически фиксируемые инвестиции из китайских источников в экономики внутренних провинций стали в 2010-е годы намного превышать объемы осуществляемых там ПИИ. Так, в пяти провинциях Центрального Китая (Аньхуэй, Хубэй, Хунань, Хэнань и Цзянси) инвестиции китайского происхождения увеличились с 251 млрд долл. в 2011 г. до 603 млрд долл. в 2015 г., тогда как совокупные ПИИ во всю китайскую экономику колебались в тот период в диапазоне 240–300 млрд долл. в год [17, р. 425, 427].

Условия для перемещения промышленных отраслей в глубинные провинции отчасти складывались еще в 1990-е годы как раз благодаря тому, что тогда усиливалось межрегиональное неравенство, а также вследствие осуществлявшихся тогда бюджетных

вложений в строительство инфраструктуры в Центре и на Западе. Мегапроекты первой половины 2000-х годов тоже поспособствовали связыванию приморских и внутренних провинций автомобильными дорогами и высокоскоростными железнодорожными магистралями. Но меры стимулирования переноса промышленных производств в программы «Освоение Запада», «Оживление Северо-Востока» и «Подъем Центра» изначально не закладывались. Официальной государственной политикой это стало только после 2010 г.

Общенациональные власти в ее рамках занимаются, в частности, созданием в центральных провинциях специальных преференциальных зон для инвесторов с побережья. Но важно отметить, что на процесс переноса производств значительное воздействие оказывает и промышленная политика местных правительств, причем содержание ее эволюционирует во времени.

В 1990-е годы власти на Востоке делали упор на количество, а не качество капиталовложений и старались завлечь к себе любых инвесторов, вне зависимости от их отраслевой принадлежности и степени взаимодополняемости отдельных проектов. Но в 2000–2010-е годы, с выходом восточных провинций на более высокий уровень развития, промышленная политика там стала селективной. Теперь в этих провинциях устанавливаются барьеры на вход инвесторов в отрасли обрабатывающей промышленности, а во многих местностях власти даже специально вытесняют со своих территорий экологически грязные производства с низкой добавленной стоимостью.

Провинциальные власти в Центре и на Западе пытались создавать у себя системы инвестиционных льгот еще в 1980–1990-е годы. Но тогда то, что работало на побережье, не было эффективным в материковых регионах. Промышленная политика внутренних провинций стала приносить результаты, когда для этого сложились объективные предпосылки: компании восточных провинций вследствие роста издержек «созрели» для переноса своих промышленных производств вглубь материка, а многие инвестиционные льготы на Востоке были отменены.

По мере того как власти восточных провинций становились более разборчивыми в привлечении капитала, правительства внутренних регионов получали возможность зазывать к себе тех инве-

стором, которых уже не хотели видеть на побережье. Причем в Центре и на Западе сейчас привечают не каких-то определенных, а любых инвесторов с Востока, им предоставляют щедрые налоговые льготы, субсидии и ослабленное административное регулирование. И такое поведение провинциальных властей в Центре и на Западе – это не подчинение их директивам об ускорении развития, поступающим из Пекина, а их собственный, спонтанный выбор, определяемый в том числе и жесткой конкуренцией местных правительств друг с другом [17, р. 434–435].

Ан Юаньюань пришла к выводу о том, что внутри Китая теперь воспроизводится модель «стаи летящих гусей», по которой в период после Второй мировой войны происходило развитие всего восточноазиатского региона. Как известно, это была модель регионального разделения труда, в его рамках более продвинутые в индустриальном отношении страны удерживали за собой верхние звенья цепочек создания стоимости, но передавали свои капиталы и технологии менее развитым странам и тем самым помогали им тоже продвинуться по пути индустриализации.

Но нынешняя китайская практика отклоняется от прежней «международной» модели «стаи летящих гусей». Перемещение капиталов и технологий происходит внутри одной страны, а возможности для этого существуют как раз вследствие огромных размеров Китая и неравномерности развития отдельных его частей. Можно сказать и так, что задействование имеющегося потенциала взаимодополняемости провинциальных экономик выступает как фактор поддержания совокупной международной конкурентоспособности Китая. В конечном счете может сложиться уникальная ситуация, когда в рамках одного большого государства с единым рынком будут сосуществовать территории, специализирующиеся на различных звеньях цепочек создания стоимости [17, р. 422, 440].

Более консервативную, но и более комплексную, чем у Ан Юаньюань, оценку ситуации последних лет дали исследователи Всемирного банка [18]. Они тоже зафиксировали, что некоторое сглаживание неравенства к началу 2020-х годов действительно произошло. Начиная с 2008 г. экономический рост во внутренних провинциях стал быстрее, чем на побережье. В 2010-е годы общее замедление хозяйственной динамики в КНР в большей степени

затронуло приморские, а не глубинные провинции, так что разрыв в показателях подушевого ВВП между Востоком и внутренними районами сокращался в течение всего этого десятилетия. Стала меньше разница между регионами и по таким индикаторам, как младенческая и материнская смертность, средняя продолжительность жизни, охват населения начальным и средним образованием.

Но на Востоке и поныне производится более половины общекитайского ВВП и 84% национального экспорта, хотя там проживает только треть населения КНР. Подушевой ВВП в Шанхае и сейчас в пять раз больше, чем в провинции Ганьсу. Ожидаемая продолжительность жизни в провинции Чжэцзян на десять лет дольше, чем в Юньнани. Ребенок, родившийся в Шанхае, имеет вдвое больше шансов поступить в университет, чем его сверстник из Хэнани [18, p. 41, 43, 51].

Выравнивание дисбалансов произошло главным образом благодаря новой инвестиционной накачке экономик отсталых провинций. Отчасти перемещение капитала с Востока на Запад происходило под воздействием рыночных сигналов. Инвесторов к реаллокации производств подталкивал рост зарплат на побережье. Поддерживавшиеся в течение 2010-х годов высокие мировые цены на сырьевые товары подпитывали инвестиционный бум в тех внутренних провинциях, где практикуется масштабная добыча полезных ископаемых (провинции Ганьсу и Цинхай, Синьцзян-Уйгурский АР и Внутренняя Монголия).

Но перераспределению капитальных ресурсов способствовали и государственные мегапроекты развития отставших регионов. В 2009–2017 гг. на государственные источники финансирования приходились 1/3 совокупных инвестиций в инфраструктуру на Западе и 1/4 – в Центре [18, p. 46].

Совершенствование транспортной инфраструктуры позволило этим провинциям сократить издержки перемещения товаров, более глубоко вовлечься в цепочки создания стоимости. Степень интеграции провинциальных рынков увеличилась, а в результате усилилась специализация регионов. На Востоке в структуре хозяйства быстро растет удельный вес сферы услуг, в том числе цифровых. Тогда как Центр и Запад становятся зонами концентрации трудо- и ресурсоемких отраслей промышленности.

Но по мере накопления запаса физического капитала во внутренних провинциях актуализировались риски, связанные с падением предельной отдачи (рентабельности) инвестиций и СФП. Тем более что государственные капиталовложения в Центре и на Западе финансируются не столько путем прямых трансфертов из общенационального бюджета, сколько за счет размещения облигаций местными правительствами и кредитных заимствований ГП и квазигосударственных компаний.

Поэтому инвестиционный бум закономерно привел к быстрому увеличению провинциальной, муниципальной и корпоративной задолженности. Иначе говоря, процесс выравнивания различий между провинциями в подушевых доходах основывался преимущественно на заемном финансировании, что сделало его заведомо неустойчивым. Ситуация осложняется еще и тем, что центральное правительство с середины 2010-х годов предпринимает специальные усилия по взятию муниципальной и корпоративной задолженности под контроль, ужесточает стандарты выделения кредитов, а это затрудняет регионам доступ к ликвидности.

За последние годы уже случились дефолты ряда региональных банков и ГП местного подчинения. Резкие изменения в рыночных оценках рисков или перебои в доступе к кредитам межбанковского рынка могут еще больше ухудшить ситуацию с финансами местных правительств и связанных с ними компаний и банков [18, р. 48–50].

В любом случае, если власти хотят, чтобы экономический рост в стране в большей степени опирался не на инвестиции, а на инновации и потребление услуг, то им придется снова переориентировать свою региональную политику на поддержку наиболее развитых мегаполисов и городских кластеров восточного побережья, считают специалисты Всемирного банка. Конкретным наполнением такой политики может быть устранение межпровинциальных протекционистских барьеров и несовершенств рынков – с тем чтобы обеспечить еще большую интеграцию региональных рыночных пространств и более эффективное распределение капитала и труда, вложения их в перспективные отрасли на Востоке.

Но оборотной стороной такого курса может стать новое усиление межрегионального неравенства. Так что происходившее в

2000–2010-е годы его сглаживание может замедлиться или даже обратиться вспять [18, р. 41–42].

Список литературы

1. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. – Москва : Политиздат, 1988. – 256 с.
2. Вэй Хоукай. Воздействие прямых иностранных инвестиций на региональные различия в темпах экономического роста в Китае = Вайшан чжицзэ тоуцзы дуй Чжунго цюйюй цзинци цзэнчжан дэ инсян // Цзинци яньцзю. – 2002. – № 4. – С. 19–26. – Кит. яз.
3. Сравнительный вклад в процесс регионального экономического развития в Китае факторов, связанных с местоположением региона и преференциальной политикой государства = Дили вэйчжи юй юхуэй чжэнцэ дуй Чжунго дицюй цинци фачжань дэ сянгунь гунсянь / С. Демюржер [и др.] // Цинци яньцзю. – 2002. – № 9. – С. 14–23. – Кит. яз.
4. Линь Ифу, Лю Пэйлинь. Стратегия экономического развития Китая и межрегиональные различия в уровне доходов = Чжунго дэ цинци фачжань чжаньлюэ юй дицюй шоужу чацзюй // Цинци яньцзю. – 2003. – № 3. – С. 19–25. – Кит. яз.
5. Ван Сяолу, Фань Ган. Динамические тенденции регионального неравенства в Китае и влияющие на них факторы = Чжунго дицюй чацзюй дэ бяньдун цюйши хэ инсян иньсу // Цинци яньцзю. – 2004. – № 1. – С. 33–44. – Кит. яз.
6. Межрегиональные различия экономического роста в Китае : вклад дифференциации уровней образования = Чжунго дицюй цинци цзэнчжан чай : цзюй фэньцзи цзюаюй дэ сяоин / Хуан Яньпин, Лю Юй, Ли Вэньпу, У Ицзюнь // Цинци яньцзю. – 2013. – № 4. – С. 94–105. – Кит. яз.
7. Local Officials' Incentives and China's Economic Growth : Tournament Thesis Reexamined and Alternative Explanatory Framework / Su Fubing, Tao Ran, Xi Lu, Lu Ming // China & World Economy. – 2012. – Vol. 20, N 4. – P. 1–18.
8. Чжоу Лиань. Мотивация и сотрудничество правительственных чиновников в рамках системы служебного продвижения : причины длительного существования в Китае явлений локального протекционизма и дублирующего строительства = Цзиньшэн боци чжун чжэнфу гуаньюань дэ цили юй хэцэ : цзяньлунь вого дифан баохучжун хэ чунфу цзяньшэ вэньти чанци цуньцзай дэ юаньинь // Цинци яньцзю. – 2004. – № 6. – С. 33–40. – Кит. яз.
9. Обследование и анализ проблемы локального протекционизма в Китае = Чжунго гонэй дифан баоху вэньти дэ дяоча юй фэньси / Ли Шаньтун, Хоу Юнчжи, Лю Юньчжун, Чэнь Бо // Цинци яньцзю. – 2004. – № 11. – С. 78–84. – Кит. яз.
10. Чжу Сивэй, Цзинь Сянжун, Ло Дэмин. Фрагментация внутреннего рынка и китайская экспортная экспансия = Гонэй шичан фэньгэ юй Чжунго дэ чукоу маои кочжан // Цинци яньцзю. – 2005. – № 12. – С. 68–76. – Кит. яз.

11. Чжан Цзэ. Намерения и возможности государства и выбор политики регионального развития : причины выдвигания программы «Освоение Запада» и ее политико-экономический смысл = Гоцзя дэ юоань, нэнли юй цюйюй фачжань чжэньцэ сюаньцзэ : цзяньлунь Сибу дакайфа дэ бэйцзин цзи ци чжун дэ чжэньчжи цзинцзисюэ // Цзинцзи яньцзю. – 2001. – № 3. – С. 69–74. – Кит. яз.
12. Сюй Чжаоюань, Ли Шаньтун. Динамические тенденции межрегиональных разрывов в Китае в последние годы = Цзиньнянь лай Чжунго дицуй чацзюй дэ бяньхуа цюйши // Цзинцзи яньцзю. – 2006. – № 7. – С. 106–116. – Кит. яз.
13. Villaverde J., Maza A., Ramasamy B. Provincial Disparities in Post-reform China // China & World Economy. – 2010. – Vol. 18, N 2. – P. 73–95.
14. Краткий статистический ежегодник Китая. 2009 = Чжунго тунцзи чжайяо. 2009. – Бэйцзин : Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2009. – 226 с. – Кит. яз.
15. Краткий статистический ежегодник Китая. 2019 = Чжунго тунцзи чжайяо. 2019. – Бэйцзин : Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2019. – 210 с. – Кит. яз.
16. Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2021 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China. – URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202202/t20220227_1827963.html (дата обращения: 02.09.2022).
17. Ang Yuen Yuen. Domestic Flying Geese : Industrial Transfer and Delayed Policy Diffusion in China // China Quarterly. – London, 2018. – N 234. – P. 420–443.
18. World Bank. China Economic Update, December 2020 : From Recovery to Rebalancing – China's Economy in 2021. – Washington, DC : International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2020. – 56 p.

МИХЕЛЬ Д.В.*, МИХЕЛЬ И.В.**, МАЛИНОВСКАЯ О.Г.*** САНИТАРНЫЕ РЕФОРМЫ В ШАНХАЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)¹

Аннотация. В статье идет речь о санитарных реформах в Шанхае, проводившихся там в период существования международных поселений – англо-американского и французского (1843–1943). С появлением иностранцев Шанхай стал превращаться из средневекового города в быстро растущий мегаполис, которому было суждено столкнуться с теми же проблемами, что и другим глобальным городам XIX в. Муниципальные власти и население в международных поселениях пытались придерживаться стандартов жизни, сложившихся в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. При этом европейцы не пытались предложить свой образ жизни китайскому населению, рассматривая его как культурно отсталое и не способное усвоить такие достижения цивилизации, как канализация и водопровод. Наличие доступа к чистой воде и регулярная утилизация нечистот закономерно рассматривались европейскими администраторами и санитарными чиновниками как необходимое усло-

* Михель Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

** Михель Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, старший научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

*** © Малиновская Ольга Геннадиевна – PhD, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

вие сохранения здоровья европейского населения. Поручив сервисные функции китайцам, занимавшимся доставкой воды и ручной очисткой уборных, в 1880-е годы европейцы сделали первые шаги к тому, чтобы отказаться от этой практики и механизировать все процессы. Строительство современной канализации и водопровода привело к кардинальному улучшению санитарных условий жизни в европейских поселениях и снижению уровня смертности от инфекционных болезней. При этом у европейцев не было планов подключать к сетям канализации и водопровода китайские домовладения, но под напором экономических и эпидемиологических потребностей этот шаг был сделан. В свою очередь, приверженцы модернизаторских взглядов среди китайцев охотно сделали шаг навстречу этим планам. В 1920-е годы многие китайские кварталы Шанхая уже имели доступ к чистой воде и туалетам, оснащенным современной санитарной техникой. Это привело к тому, что в короткий исторический промежуток времени Шанхай превратился в большой процветающий город с относительно благополучной санитарно-эпидемиологической обстановкой.

Ключевые слова: Шанхай; международные поселения; санитария; канализация и удаление нечистот; водопровод.

MIKHEL D.V., MIKHEL I.V., MALINOVSKAYA O.G. Sanitary Reforms in Shanghai (second half of the nineteenth century – beginning of the twentieth century)

Abstract. This article deals with sanitary reforms in Shanghai during the period of the international settlements, Anglo-American and French (1843–1943). With the arrival of foreigners Shanghai began to change from a medieval city into a rapidly growing metropolis destined to face the same problems as other global cities of the nineteenth century. The municipal authorities and people in the international settlements tried to follow the standards of life established in Paris, London and New York. At the same time, the Europeans did not try to offer their way of life to the Chinese population, viewing it as culturally backward and unable to absorb such civilizational achievements as sewage and running water. Access to clean water and regular disposal of sewage were legitimately seen by European administrators and sanitary officials as essential to maintaining the health of the European population. Having entrusted service functions to the Chinese, who

were engaged in water delivery and manual cleaning of latrines, in the 1880 s Europeans took the first steps toward abandoning this practice and mechanizing all processes. The construction of modern sewers and plumbing led to a dramatic improvement in sanitary conditions in European settlements and a decrease in mortality from infectious diseases. At the same time, Europeans had no plans to connect Chinese households to sewer and water networks, but under the pressure of economic and epidemiological needs, this step was taken. For their part, the modernizing-minded Chinese willingly took a step towards these plans. In the 1920s, many Chinese neighborhoods in Shanghai already had access to clean water and toilets equipped with modern sanitary facilities. This resulted in Shanghai becoming a large, prosperous city with a *relatively sanitary and epidemiological situation in a short historical span of time.*

Keywords: Shanghai; international settlements; sanitation; sewage and sewage disposal; water supply.

Для цитирования: Михель Д.В., Михель И.В., Малиновская О.Г. Санитарные реформы в Шанхае (вторая половина XIX – начало XX в.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 1. – С. 127–154. DOI: 10.31249/RVA/2023.01.08

История современного Шанхая началась с появлением там европейцев и получения городом статуса «свободного порта». Переданные китайскими властями европейцам поселения (концессии) на территории Шанхая быстро превратились в самые процветающие части растущего города. В течение столетия (1843–1943), пока Шанхай частично находился под управлением британцев, американцев и французов, он стал не только крупнейшим финансовым центром азиатского мира, но и полигоном для внедрения самых передовых технических инноваций (телеграфа, телефона, трамвая и пр.) и методов управления городским пространством. Кроме того, Шанхай стал местом проведения санитарных реформ, которые, подобно Парижу, Лондону и Гонконгу, первоначально были связаны с рационализацией городского пространства и внедрением элементарных норм санитарии и санитарно-технической инфраструктуры. После Синьхайской революции (1911) шанхайские иностранные поселения вынуждены были принять под свою

юрисдикцию огромное число китайских беженцев, поскольку оставались единственными островами политической стабильности в бурлящем море борющихся друг с другом банд милитаристов и местных националистических лидеров. С момента создания националистического правительства Чан Кайши (1927) Шанхай получил статус «особого города» и вступил в новый этап развития под управлением Гоминьдана. В период «Нанкинского десятилетия» (1927–1937) санитарные реформы в Шанхае продолжились с новой интенсивностью. В предлагаемой статье основное внимание будет уделено первой стадии санитарных реформ в Шанхае, когда инициатива в проведении санитарных преобразований принадлежала, прежде всего, иностранцам.

Эпидемии Шанхая: беженцы, теснота, зловоние

Шанхай, история которого начинается с X в., долгое время был второстепенным китайским городом. В XVI в. он добился статуса города-крепости, но вплоть до начала 1840-х годов, фактически, оставался большой деревней с населением около 250 тыс. человек, которое в основе своей занималось земледелием, рыболовством и производством тканей [10]. После поражения Китая в Первой опиумной войне и заключения Нанкинского мира (1842) на его территории появилось экстерриториальное британское поселение, а сам Шанхай получил статус «открытого порта». Вскоре по соседству с британским поселением появились еще два: американское (1844) и французское (1848). В 1863 г. британская и американская концессии объединились в Шанхайский международный сеттльмент, в то время как французская концессия сохранила свою самостоятельность. Первоначально формальное управление каждым из поселений находилось в руках консулов трех западных стран, но в последующем в каждом из них, включая Международный сеттльмент, стали появляться новые органы власти, занятые решением текущих проблем населения и вопросами развития.

В британской части Шанхая на первом этапе основой законодательства стали Земельные правила (Land Regulations) 1845 г., позднее неоднократно обновлявшиеся. Ежегодно проводились собрания арендаторов, на которых решалось, на какие текущие нуж-

ды выделить средства и как обустроить жизнь в условиях тесного соседства с китайцами. Важную роль играл созданный в декабре 1846 г. Комитет дорог и причалов, состоявший из трех наиболее уважаемых британских коммерсантов, но в 1854 г. он был распущен, и на смену ему пришел состоявший из девяти человек Шанхайский муниципальный совет, сосредоточивший в своих руках почти всю полноту власти в британском поселении [1]. Во французской концепции органом управления стал Муниципальный административный совет (Conseil d'administration municipale de la Concession française de Shanghai).

С появлением первой сотни иностранцев в Шанхае судьба этого города в дельте Янцзы кардинально переменилась. Благодаря доходам от торговли опиумом его европейская часть стала процветать, привлекая соседнее китайское население возможностями заработать себе на жизнь в быстро растущей сфере обслуживания. Китайцы переселялись внутрь западных концессий, составляя все более значительную часть их населения. В 1853 г., когда китайская часть Шанхая была захвачена тайпинами, тысячи китайских беженцев перебрались на территорию европейских поселений, получив от них защиту и возможность заработка. Как показывают данные проведенной Муниципальным советом переписи, в 1865 г. на территории Международного поселения проживало 2297 иностранцев и 90 587 китайцев. Китайцы и после этого продолжали переселяться в Международное поселение, причем особенно активно в периоды политической нестабильности в Китае в первой четверти XX в. К 1930 г. на территории Шанхая проживало около миллиона китайцев и более 36 тыс. иностранцев, из которых 18 тыс. составляли японцы [10]. Шанхай стал прибежищем беженцев со всего мира, в том числе русских, которые охотно селились во французской концессии. К началу Второй мировой войны и вплоть до 1943 г. в нем также нашли себе укрытие тысячи евреев со всей Европы, бежавших от нацистских преследований.

В отличие от Гонконга Шанхай не был колонией, поскольку территориально находился в юрисдикции китайского даотая (управляющего порта). При этом в течение всего периода существования иностранных поселений в Гонконге китайские власти делали всё возможное, чтобы не допустить расширения прав иностранцев на своей территории. Однако в силу слабости китайского

государства иностранные поселенцы в Шанхае не испытывали серьезных ограничений и, напротив, навязывали китайскому населению привычные для себя нормы поведения, прежде всего в плане соблюдения санитарных требований. Для европейских властей Международного сэттльмента настойчивое стремление заставить обитателей поселения соблюдать эти требования было жизненной необходимостью, и чем дальше – тем больше. На момент появления европейцев в Шанхае отведенная им территория составляла всего 138 акров (чуть более 0,5 кв. км). В связи с этим проблема расширения жизненного пространства для иностранной общины Шанхая имела огромное значение, и ее решение всегда было нелегким делом, сопряженным с большими физическими, финансовыми и дипломатическими усилиями. В этом плане многое удалось сделать уже к началу 1920-х годов, когда площадь иностранных поселений расширялась до 191 квадратной мили (494 кв. км). Но даже и при таких размерах Шанхай оставался самым тесным городом мира, поэтому чаще всего ему приходилось расти не только в ширину, но и в высоту. Плотность населения временами была совершенно чудовищной. По данным санитарного врача из Шанхайского международного сэттльмента Артура Стенли, в 1917 г. она составляла 119 человек на акр (около 30 тыс. человек на 1 кв. км) [10; 23]. Эта чрезмерная скученность неизменно составляла проблему, когда требовалось провести очередную перепланировку городского пространства. По-настоящему город сумел вырваться из своих узких границ только в конце 1920-х годов, когда власть над ним получила партия Гоминьдан, сделавшая акцент на создании нового центра города за пределами иностранных поселений.

Европейская община Шанхая с самого начала стремилась придать своему поселению неповторимое величие, превратив его в своеобразную «Венецию Востока». Строя свои дома и общественные здания, амбициозные коммерсанты, дипломаты и служащие с набережной Вайтань (Бунд) и Нанкинской улицы, переполненных архитектурными красотами, соперничали с торговыми представительствами и банками у себя на родине – в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. Однако одна характерная местная особенность неизменно огорчала европейскую публику Шанхая, с которой она не могла справиться, несмотря на все предпринимаемые

усилия. Это – специфическая атмосфера китайских запахов, которую европейцы называли «шанхайским зловонием».

Чувствительность к запахам, сформировавшаяся у просвещенной европейской публики на рубеже XVIII и XIX вв., бесспорно, еще более обострилась по прибытии на китайскую землю. Бесконечные сообщения от гостей Шанхая и его обитателей по этому поводу свидетельствуют о том, что проблема запахов имела большое значение для выходцев из Европы, связывающих свою цивилизованность именно с обонятельной чувствительностью. Когда в 1840-е годы медицинский миссионер Уильям Стивен Александр Локхарт (1811–1896) прибыл в Шанхай, то первым делом он обратил внимание на его атмосферу, пропитанную стойкими запахами болотной сырости и городской канализации, которая, по его словам, пахла как «выгребная яма». По словам доктора Локхарта, когда в 1849 г. в городе распространилась «петехиальная лихорадка», она, несомненно, была вызвана миазматическими испарениями, покрывшими город из-за того, что власти потребовали от китайцев вычистить все каналы и водотоки. Извлеченная на берег, вся эта грязь и перегнивший мусор издавали чудовищное зловоние, опасное для здоровья [7]. Не менее болезненно воспринимал шанхайские запахи британский военный врач Чарльз Александр Гордон (1821–1899), появившись в городе в декабре 1860 г. Повсюду его преследовал стойкий запах лука и чеснока, запахи разлагающихся тел животных, а также трупов людей, которые он случайно обнаружил в одном из сараев. Однако самым безобразным был запах человеческих экскрементов, с которым он сталкивался повсеместно [3].

Европейские наблюдатели ассоциировали зловонный воздух Шанхая, прежде всего, с обычаями и поведением китайцев и всякий раз удивлялись тому, что китайцы способны жить в этой душной атмосфере и сохранять здоровье. По замечанию доктора Локхарта, в то время как некоторым европейцам пришлось из-за зловония покинуть Шанхай, китайцы нисколько не замечали тех запахов, из-за которых иностранцам всегда приходилось зажимать нос [7]. Когда китайцы перевозили свои тележки с «ночной почвой», извлеченной из туалетов, европейцы с брезгливостью морщились, сознавая свое культурное превосходство над «грязными азиатами». Такого рода свидетельств было достаточно на протя-

жении всего XIX в. и даже в начале XX в., – как в рамках частных свидетельств, так и в художественной литературе. Впрочем, далеко не все из тех европейцев, что приезжали в Шанхай в первой трети XX в., воспринимали местные запахи как доказательство культурной отсталости местного населения. Для философа Бертрана Рассела (1872–1970), посетившего Шанхай в 1921 г., они были символом жизнестойкости китайцев, которую уже достаточно подрастеряли европейцы с их склонностью к гигиене и чистоте [5].

Нетерпимость к зловонным запахам стала одним из важнейших мотивов для начала кампаний за санитариию в Шанхае, развернувшихся, в сущности, с первых месяцев существования поселения. Европейцами эта борьба велась с опорой на опыт, уже накопленный у них на родине, где санитарная идея пустила корни в трудах Александра Парана-Дюшатле и Эдвина Чедвика и их сподвижников. Эта борьба с «шанхайским зловонием» велась также с учетом достижений в области рационального управления городским пространством и санитарно-технических инноваций. Однако несложно предположить, что как и во всех прежних случаях, успех этой борьбы зависел не только от настойчивости санитаристов, но и от наличия необходимых ресурсов. В тех случаях, когда их не хватало, европейские санитаристы в Шанхае привычно апеллировали к темам культуры и расы, находя в них причины того, почему проводившиеся санитарные преобразования пробуксовывали.

Внедрение санитарии

До прибытия в Китай европейцев в нем не было больших городов, подобных Парижу и Лондону. Столица Цинской империи Пекин с его миллионным населением был городом-крепостью с бескрайними пригородами и не имел ничего общего с быстро растущими западными городами. Когда в Шанхае появились первые европейцы, он также представлял собой типичный китайский город-крепость, окруженный небольшими пригородами и многочисленными рыбацкими деревушками. Однако всего через пару десятилетий Шанхай стал превращаться в большой космополитический город, весьма похожий на города Европы и Северной Америки.

Этот рост, происходивший на протяжении второй половины XIX в., был изумительным. Город не просто вырос в размерах, но по-настоящему стал пригоден для жизни. Историк К. Макферсон, изучавшая историю Шанхая с момента появления в нем европейских поселений и до прихода японцев (1843–1893), утверждает, что рост Шанхая был обусловлен, прежде всего, развитием городской системы общественного здравоохранения. Именно по этой причине Шанхай, который поначалу был «городом только для мужчин», впоследствии стал также «городом для женщин и детей» [8].

Когда европейцы стали селиться в Шанхае, они были вынуждены признать, что со всех сторон их окружает нездоровая обстановка. Город был наводнен тысячами китайцев, приплывающими в него по многочисленным протокам, образующим дельту Янцзы, и тысячами матросов с больших кораблей, заходящими в порт Шанхая со всего мира. Не имея никакого научного представления о причинах непрекращающихся лихорадок и венерических заболеваний, европейские администраторы, врачи и медицинские миссионеры были вынуждены озаботиться проблемами чистоты и дурных запахов, искренне полагая, что зараза передается вместе с сыростью и зловонием. Согласно Макферсон, на первом этапе своей борьбы за оздоровление Шанхая европейские создатели шанхайского здравоохранения сосредоточились на вопросах медицинской топографии, пытаясь понять, какие из мест пригодны для жизни, а какие опасны. Приблизительно с 1870-х годов, когда с основными эпидемическими опасностями было покончено, в Шанхае начался новый этап борьбы за общественное здоровье, который был связан с созданием постоянно работающих больниц и санитарной инфраструктуры. Последнее обстоятельство для Шанхая, как и для других больших городов, имело особое значение, поскольку позволило не только качественно преобразовать городское пространство, но и обеспечить его расширение за пределы первоначального центра.

Процесс внедрения санитарии в Шанхае начался с создания служб, ответственных за оздоровление городского пространства в целом. Так, в британском поселении первой службой, ответственной за чистоту и порядок на городских улицах, была медицинская полиция. Та же картина, в основном, была характерна и для французской концессии. В 1854 г. Муниципальный совет британского

поселения в Шанхае учредил должность инспектора по дорогам, целью которого было не допускать захламления проезжих частей грязью и мусором. В 1861 г. была введена должность инспектора по устранению неприятных ситуаций (Inspector of Nuisances). В 1871 г. в Международном сэттльменте была учреждена должность санитарного врача (Health Officer); исполнять ее назначен был шотландец доктор Эдвард Хендерсон (1841–1913) – фигура, оставившая заметный вклад в истории санитарных реформ в Шанхае (он занимал эту должность до 1896 г.). При этом Хендерсон не был освобожден от своих прежних обязанностей – госпитального хирурга, поэтому на исполнение новых обязанностей у него не всегда хватало времени. Своими впечатлениями о работе в Шанхае он поделился в воспоминаниях [4].

К концу XIX в. объем полномочий санитарных служб Шанхайского международного сэттльмента существенно вырос, что привело к их реорганизации. В 1898 г. при Муниципальном совете был создан Департамент общественного здравоохранения и введена должность санитарного врача на постоянной основе. Ее занял доктор Артур Стенли, остававшийся на своем посту до 1922 г. С появлением этой должности в истории Шанхая закончился ранний период санитарных реформ и началась переходная эпоха, когда всё более важными элементами системы городского здравоохранения становились больницы с медицинскими лабораториями, являвшимися полигонами для развития бактериологических знаний и выработки новых методов борьбы за общественное здоровье. Эта эпоха была недолгой и завершилась в 1927 г. после образования нового правительства во главе с генералом Чан Кайши. В структуре республиканского правительства Чан Кайши было образовано Министерство здравоохранения, представительством которого в Шанхае стало Муниципальное бюро здравоохранения (weishengju) [5; 11]. История развития здравоохранения в республиканском Китае (до 1949) и КНР выходит за пределы данного исследования, но при этом важно отметить, что и после 1927 г. санитарное дело продолжало играть важную роль в системе общественного здравоохранения, в том числе в рамках муниципальной Шанхайской системы.

Наряду с появлением санитарных служб процесс внедрения санитарии в Шанхае сопровождался внедрением санитарных норм

и практик, обязательных к исполнению со стороны населения. Санитарные нормы в иностранных поселениях в Шанхае вводились постепенно, и чем дальше – тем больше усилий для этого требовалось. Первые санитарные нормы были изложены в Земельных правилах 1845 г. и сводились к запрету на нагромождение грязи, мусора и нечистот на городских дорогах. В рамках пересмотренных Земельных правил 1854 г. и 1869 г. вопросам санитарии было отведено еще больше места. Так, в разделе «Строительство», из 42 пунктов, характеризующих требования к этой сфере деятельности в Международном поселении, в рамках Земельных правил 1869 г. 18 пунктов касались вопросов канализации, удаления нечистот, очистки улиц, засыпки луж и прочих моментов, трактуемых как «неудобства». Например, в пункте 5 утверждалось, что «никакая канализация или водосток не должны быть сделаны и никакое здание не должно быть возведено над любой канализацией, принадлежащей Совету, без согласия Совета, предварительно полученного в письменной форме» [6, р. 679].

Составить общее представление о процессе внедрения новых санитарных практик в Шанхае позволяют, например, регулярно обновлявшиеся в XIX в. Земельные правила, а также протоколы заседаний (примерно до 1906 г. включительно они велись в рукописном виде) Шанхайского муниципального совета (с 1854) в англо-американской части города [13]. Так, в Земельных правилах 1869 г. была зафиксирована норма о том, что улицы города должны были дважды в день подметаться и поливаться, равно как и территории, прилегающие к частным домовладениям и офисам [6]. Имеются также сведения о том, что в 1856 г. на заседании Муниципального совета было принято решение о закупке специального оборудования для этих целей в Лондоне – двух специальных передвижных емкостей для полива. Кроме того, советом был рекрутирован целый штат уборщиков улиц из числа китайцев, число которых в 1861 г. составило 50 человек, а в 1870 г. – 100 [5]. Нетрудно представить, что к уборке улиц было приковано общественное внимание, поскольку реакция на это периодически находила отражение не только в отчетах должностных лиц, ответственных за санитариию, но и в местных газетах. Как правило, современники указывали на то, что уборка улиц часто была неэффективной, поскольку местные жители часто выбрасывали свой собственный

мусор в общественные места, причем китайцы значительно чаще, чем европейцы. Тем не менее санитарные службы продолжали активно воздействовать на население. Когда стало понятно, что объявления о необходимости поддерживать на улицах чистоту, напечатанные в газетах, не действуют, в ход пошли объявления на китайском языке, вывешенные перед домами китайцев. Кроме того, санитарные власти регулярно прибегали к штрафованию пойманных нарушителей, которым не только указывалось на их проступки, но и поручалось исполнять полезные в санитарном плане работы – закапывать канавы и ямы [5].

Большое внимание санитарных властей, как уже было отмечено выше, занимала борьба с лужами, канавами и большими ямами, в которых скапливалась вода. В Земельных правилах 1869 г. присутствовало несколько рекомендаций такого рода, в том числе следующая (пункт 27-й из раздела «Строительство»): «Ни одно лицо не должно допускать, чтобы какие-либо вредные отходы или застойные воды оставались в подвале или другом месте дома, принадлежащего ему или занимаемого им, или на пустыре, принадлежащем ему или занимаемом им, ... чтобы это создавало неудобства, и каждое лицо, которое допускает, чтобы такие воды оставались в течение 48 часов после получения уведомления ... от Совета, должно удалить их, и каждое лицо, которое позволяет содержимому любого туалета или выгребной ямы переполняться или просачиваться из них, досажая жильцам любой прилегающей собственности, или которое содержит свинью или свиней в жилом доме, в таких пределах и так, чтобы быть помехой, должно быть подвергнуто за каждое такое правонарушение наказанию в виде штрафа, не превышающего 10 долларов, и дополнительному наказанию или штрафу, не превышающему 2 доллара за каждый день, в течение которого сохраняется такое неудобство» [6, р. 683]. Борьба с застойными лужами и канавами, которую вели санитарные службы Шанхая в 1850-е, 1860-е и последующие годы, была свидетельством их приверженности миазматической теории, которая была общим местом для всех санитаристов этой эпохи. Грязная вода, в которой множилась опасная для здоровья «зараза», постоянно была предметом их озабоченности и специальных мер, принимаемых как в англо-американском поселении, так и во французской концессии. Очередным примером этого стала реко-

мендация доктора Галле из французской концессии в адрес французского Муниципального совета в 1878 г., предложившего снести плотину между протоками Янкинг и Дефенсе, чтобы избавиться от застойных вод и стекающих в них нечистот с городской скотобойни [5]. То, какое внимание было уделено этому вопросу на заседании Муниципального совета в англо-американском поселении, свидетельствует о том, что взгляды санитаристов из всех европейских общин Шанхая были едины.

Еще одним направлением работы санитарных служб в иностранных поселениях была борьба с дурными запахами и связанная с этим работа по формированию правильных гигиенических привычек у китайского населения. Санитарный врач таможенной службы Роберт Александр Джеймисон в 1871 г. сообщал, что чаще всего причиной зловония были хранимые в чанах нечистоты, которые китайцы использовали в качестве удобрений. Этот смердящий запах – столь неприятный для европейцев – издавали болотистые поля в Хункоу (ныне район Шанхая, близ набережной Вайтань), возле которых возникло американское поселение [8]. Чтобы не допустить распространения дурных запахов, в Земельных регуляциях 1869 г. предписывалось, чтобы китайские крестьяне опорожнялись свои туалеты и перевозили нечистоты исключительно перед рассветом, пока все европейское население еще находится у себя дома [11]. Кроме того, Муниципальный совет дополнительно требовал, чтобы вся перевозка нечистот осуществлялась в специальных чанах с плотно закрытыми крышками. Не меньшую озабоченность властей в иностранных поселениях вызывали запахи, связанные с мочеиспусканием. Мочой в городе пропахли многие переулки и обочины у дорог, где китайцы спокойно справляли свою нужду. Санитарные службы неоднократно пытались пресечь эти вещи, вызывая искреннее недоумение у китайцев, не видевших в своем поведении ничего дурного. В 1862 г. на улице Нанкина на средства города был специально выстроен общественный туалет, но он также не пользовался популярностью у китайского населения. Попытки искоренить у китайцев их закоренелые привычки велись на протяжении, по крайней мере, четырех первых десятилетий существования концессий [5] и завершились некоторым успехом лишь к концу столетия.

К новой системе канализации и удаления нечистот

Поселившись к северу от старого китайского города, британцы и другие иностранцы первоначально рассматривали свое поселение в Шанхае, главным образом, как плацдарм для ведения торговли с Китаем. При этом их целью было простое выживание в малознакомой среде. Однако чем больше торговых кораблей со всего мира прибывало в шанхайский порт, тем более амбициозными становились их планы. К концу 1850-х годов европейцы не без оснований стали рассматривать свой городок как образцовое поселение, а также как маяк христианской морали в азиатском мире. Отношение европейцев к китайцам было двойственное. С одной стороны, они восхищались их рациональным подходом к организации окружающего пространства, с другой – презирали за так называемую «сверхцивилизованность», отсутствие мужественности и привычку жить в грязи и зловонии. В частности, европейцы отмечали умение китайцев осушать огромные пространства земли от излишков воды посредством прокладки сложных дренажных систем, а также – уже отмечавшееся в случае с Гонконгом – искусство сохранения плодородия почвы посредством внесения в нее удобрений, полученных из так называемой «ночной почвы» (экскрементов).

Китайская система водоотведения в Шанхае существовала, по крайней мере, с XVI в., но всё же европейцы отказались использовать ее в своем поселении. Осмотрев китайскую водосточную систему, промываемую водой от морских приливов и отливов, британцы сочли ее слишком зловонной и грязной. Опасаясь распространения миазмов, они засыпали все дренажные канавки китайцев на своей территории. Начиная с 1852 г. Комитет по дорогам и причалам стал требовать от домовладельцев на территории британской концессии самостоятельно заботиться об осушении земли посредством прокладки каменной канализации [22], но вскоре выяснилось, что европейское население самостоятельно справиться с этой задачей не может. Вновь созданный Муниципальный совет продолжил политику Комитета по дорогам и причалам, предоставляя домовладельцам самим решать свои проблемы с водоотведением, но чем дальше, тем яснее становилось, что для решения этой

проблемы в масштабах всего поселения необходима координация общегородского планирования.

В 1863 г. Муниципальный совет, наконец, принял решение о том, что все подключения к общей канализационной системе должны осуществляться только с его разрешения. Руководство созданием городской канализации было поручено муниципальному инженеру Джону Кларку, который констатировал, что на прокладку уже существующей канализации были затрачены огромные деньги, но это не принесло успеха. Поработав всего пару лет в своей должности и прежде чем покинуть Шанхай, Кларк предложил новый план строительства канализации, предполагавший – по примеру Лондона – прокладку яйцевидной по форме общегородской водосточной трубы с подводами к ней от каждого участка круглых глазурированных труб небольшого диаметра. Кроме того, он предлагал осуществлять промывку всей городской канализационной системы: большую трубу – с помощью воды из реки Хуанпу, а малые – из нее же и местных ручьев. Проект Кларка должен был позволить сэкономить средства муниципального бюджета, но все же он не был реализован [22].

После Кларка руководство строительством канализации было поручено муниципальному инспектору (с 1866 по 1876 г.) Э.Х. Оливеру, который отказался от планов Кларка. Поскольку население Шанхайского международного сэттльмента к этому времени серьезно выросло, Оливер пришел к выводу, что для создания новой системы попросту нет времени. Поэтому он рекомендовал воспользоваться уже существующей канализационной сетью, сосредоточив внимание на том, как обеспечить ее регулярную промывку. Расчеты Оливера в 1868 г. показали, что чистка канализации обойдется городской казне не дешевле прокладки новой системы. Для осуществления этой задачи Оливер предложил построить большой резервуар объемом 60 000 галлонов на самой большой возвышенности близ Шанхая [14].

Перспективная идея создания общегородского водохранилища реализована не была, но вместо этого Муниципальный совет предложил собственное, компромиссное решение. Было решено заменить наиболее устаревшие части общегородской сети, а круглые глазурированные трубы закупить в Англии. Кроме того, в связи с принятием в 1869 г. новой редакции Земельных правил совет по-

требовал от каждого домовладельца самостоятельно проложить собственный водосток и обеспечить его готовность к включению в общегородскую систему [15]. Тем не менее все последующие годы вплоть до смерти Оливера в 1876 г. дискуссии о строительстве канализации продолжались, а реализации предлагаемых проектов так и не происходило. В итоге, какой бы плохой ни была старая китайская канализация, но почти до самого конца XIX в. в Шанхае действовала только она [22].

На протяжении нескольких десятилетий европейцы в Международном поселении пытались строить канализацию, руководствуясь исключительно здравым смыслом, не допуская мысли о том, что в этой области требуется применить сложное инженерное решение. В 1876 г. Муниципальный совет обратился за консультацией к британскому инженеру Чарльзу Хоксли (1839–1917), который поддержал план Оливера, подтолкнув власти Шанхая к более решительным действиям. Отказавшись после этого действовать методом проб и ошибок, Муниципальный совет поручил дело профессионалам. В 1881 г. в Шанхае была образована *Shanghai Waterworks Company* («Шанхайская водопроводная компания»), которой и суждено было приступить к решению сложнейших задач рационализации городского пространства – строительству водопровода и ливневой канализации.

Подобно Парижу, Лондону и Гонконгу, в Шанхае для городских властей утилизация нечистот стала серьезной проблемой. При этом вплоть до самого конца XIX в. они рассматривали ее не столько с санитарной точки зрения, сколько с экономической. Всякий раз, когда перед ними вставал вопрос о нечистотах, они вынуждены были обращаться к традиционной китайской модели утилизации нечистот, а кроме того, надеялись извлечь из этого дела прибыль.

Китайская практика утилизации нечистот уходит корнями в XVI в., когда в дельте Янцзы произошла так называемая «революция удобрений», и местные крестьяне для возрождения плодородия почвы стали в огромных масштабах использовать на полях содержимое своих туалетов. Когда европейцы поселились в Шанхае, они не только по достоинству оценили этот подход, но и вынуждены были его использовать, доверив китайцам удаление нечистот из европейских домовладений в концессиях. Кроме того,

видя, что мелкие китайские предприниматели весьма заинтересованы в получении нечистот из туалетов в европейских кварталах, европейские администраторы с энтузиазмом решили подключиться к этому бизнесу, а доходами от него пополнить городскую казну. Муниципальные власти концессий Шанхая уже с 1862 г. стали строить общественные туалеты и продавать права на их очистку и утилизацию нечистот китайским предпринимателям [13]. В свою очередь это стало началом более тесного сотрудничества европейских властей с китайцами. В 1865 г. Муниципальный совет Шанхая позволил китайским предпринимателям опорожнять большую часть туалетов поселения. Такой работой на территории поселения в 1865 г. было занято более 400 китайских работников-кули [22].

Администраторы шанхайского поселения не только попытались включиться в бизнес, связанный с утилизацией нечистот, но и взялись его регламентировать, опасаясь, что вывоз нечистот с территории концессии будет вызывать неудобства для европейского населения. В период с 1864 по 1866 г. Муниципальный совет Шанхая установил ряд важных требований: 1) муниципальный подрядчик должен был обеспечить своих работников всеми необходимыми инструментами (ведрами, тележками и т.д.); 2) сливать нечистоты в реку или каналы запрещалось; 3) было установлено время для сбора «ночной почвы» – с 8 часов вечера и до 7 часов утра; 4) муниципальный подрядчик должен был отвечать за обеспечение своих китайских работников-кули необходимым инвентарем (ведрами, тележками); 5) были установлены примерные цены за продаваемые «пахнущие» материалы: от 180 до 200 частей одного серебряного таэля за каждое место в туалете. Почти сразу же продажа нечистот стала приносить свои результаты, хотя и скромные: в 1865 г. совет получил от всех этих продаж 465 мексиканских долларов, в 1866 г. – 505 [22].

Несмотря на то что городские власти пытались строго регламентировать систему удаления нечистот на территории поселения, почти с самого начала стало ясно, что многие крупные домовладельцы с территории поселения предпочитают самостоятельно нанимать китайских ассенизаторов и класть прибыль от продажи «ночной почвы» в собственный карман. В 1869 г. даже было проведено заседание Арбитражного суда, который принял решение, что Муниципальный совет не имеет права вмешиваться в дела

частных предпринимателей в сфере «пахучего» бизнеса [14]. Нетрудно представить, что это решение не только сильно разочаровало совет, но и вынудило администрацию искать новые способы пополнения городской казны, в том числе за счет введения всевозможных налогов.

На протяжении долгого времени попытки властей поселения регламентировать практику утилизации нечистот заканчивались неудачей. В 1886 г. совет потребовал от городской полиции, чтобы она следила за китайскими кули-ассенизаторами, дабы содержимое их ведер было закрыто крышками. Спустя некоторое время для переноски нечистот были запрещены деревянные ведра и установлено требование использовать только железные ведра с крышками. Вскоре после принятия этого решения ситуация в отношениях между властями и китайскими работниками накалилась. 1 июля 1895 г. в городе вспыхнула настоящая забастовка, в ходе которой кули притащили свои неопорожденные ведра к полицейскому участку. Газета *North-China Herald* (от 5 июля 1896 г.), описавшая эту историю, свидетельствовала о том, что забастовка кули-ассенизаторов вызвала в городе большой переполох. Реакция властей на забастовку была жесткой. Бунт был подавлен, а все рабочие строго наказаны. В сфере утилизации нечистот, основанной на китайской модели, был наведен порядок. Были четко определены заслуживающие доверия подрядчики, а все смутьяны лишены права на работу в концессии [22].

Практика утилизации нечистот в Шанхае к концу XIX в. эволюционировала всё больше. Пока Шанхай оставался одноэтажным поселением, очисткой туалетов и удалением «ночной почвы» занимались кули. С появлением многоэтажных строений ситуация стала меняться. В больших офисных зданиях, помещениях гостиниц и банков старый метод очистки туалетов уже не годился. Застройщики и владельцы этих зданий стремились к тому, чтобы сделать их более комфортабельными и удобными с гигиенической точки зрения. Закономерно, что их внимание с самого начала было направлено на использование более сложной санитарной техники, в частности ватерклозетов. Что же касается последних, то, помня о печальном опыте Парижа и Лондона, муниципальные власти с самого начала были настроены решительно против их использования. Они понимали, что появление ватерклозетов приведет к не-

медленному загрязнению Хуанпу, остававшейся главным источником питьевой воды в городе. Когда в 1869 г. некоторые европейские поселенцы обратились в совет с просьбой разрешить им использовать в своих домах ватерклозеты, им было в этом строго отказано, а в качестве альтернативы предложено использовать «сухие туалеты» (пудр-клозеты), которые в ту пору как раз стали входить в моду в США [14].

В начале XX в. вопрос о ватерклозетах вновь попал в поле зрения городских властей. Причиной были обращения в совет со стороны владельцев строящихся многоэтажных зданий с просьбой разрешить установку современной санитарной техники и ее подключение к общегородской канализации. В ответ на это в 1906 г. земельная комиссия Муниципального комитета приняла поправку к Строительным правилам: «Не допускается соединение с какой-либо общественной или частной канализацией, в которую будут сбрасываться нечистоты. Не должны строиться или использоваться водопровод, выгребная яма, цистерна или постоянный резервуар для сточных вод или нечистот» [16]. Однако заявки на установку ватерклозетов в высотных зданиях продолжали поступать. В 1908 г. совет вынужден был дать согласие на установку нескольких ватерклозетов в Шанхайском клубе – наиболее популярном у европейцев увеселительном заведении в городе. В качестве исключения власти разрешили осуществлять сброс нечистот из туалетов клуба непосредственно в Хуанпу [17].

Сделав исключение для Шанхайского клуба, власти вынуждены были разрешить сброс нечистот в городскую реку, но не могли позволить использовать для этого городскую канализацию, поскольку она существовала лишь для отведения дождевой воды. Но почти в те же самые годы стали появляться некоторые санитарно-технические новшества, позволяющие надеяться на то, что ватерклозеты в больших зданиях могут появиться. В частности, в начале XX в. в некоторых развитых странах стали использовать соединенные с ватерклозетами септики – специальные резервуары-отстойники, позволяющие собирать нечистоты и подвергать их поэтапной очистке. Поскольку в техническом и организационном плане проблема установки септиков была сложной, то власти Шанхая долго не решались использовать этот метод. Когда в 1913 г. в Муниципальный совет с заявкой на установку ватерклозетов и

септиков обратился банк Индо-Чайна, члены совета не рискнули сразу поддержать запрет на установку, предложенный санитарным врачом. Поводом для взятия паузы был тот факт, что септики уже стали устанавливаться во французском поселении [18].

В течение следующих нескольких лет давление со стороны застройщиков и предпринимателей на городские власти с требованиями разрешить строить в крупных зданиях удобные туалеты, оснащенные современной санитарной техникой, только усиливалось. В 1915 г. Консульский суд Шанхая, рассматривая спор между компанией Мак-Бейн и администрацией, вынужден был признать, что время запретов на установку ватерклозетов прошло, а строительные правила должны быть пересмотрены. В свою очередь, санитарный врач города Артур Стенли и члены совета не возражали против нововведений, но добивались того, чтобы удаление нечистот не приводило к дальнейшему загрязнению городской реки. Поскольку адекватного решения проблемы не находилось, то совет принял компромиссное решение: ватерклозеты были разрешены к установке, но на их установку были введены специальные фискальные сборы. Кроме того, были запрещены к установке септики [19].

В 1917 г. проблема утилизации нечистот в Шанхае зашла в тупик. Санитарные власти в лице доктора Стенли настаивали на необходимости защиты общественного здоровья и для этого были готовы мириться даже с системой ручной очистки туалетов в больших зданиях. Совет также стоял за приоритет санитарных норм над всеми прочими интересами, но общественность активно требовала, чтобы в больших зданиях были разрешены к установке современные санитарно-технические приспособления. Решение проблемы было найдено лишь после того, как в Шанхай был приглашен Гилберт Джон Фаулер (1868–1953) – британский специалист в области биохимии, разработавший уникальный метод «активного ила» – очистки и разложения сточных вод с помощью микроорганизмов [2]. Его передовые исследования в Англии и Индии произвели серьезное впечатление на современников, и потому шанхайские власти выделили специальные средства, чтобы оплатить его проезд и консультацию.

19 июня 1918 г. Фаулер выступил на заседании Муниципального совета Шанхая, изложив свой взгляд на создание совре-

менной системы удаления нечистот с использованием своего метода [20]. Его доклад вызвал настоящий перелом в сознании членов совета, поскольку им стало понятно, что их знаний для решения этой сложной проблемы было недостаточно. Проведя целый месяц в Шанхае, Фаулер представил подробный план работ по созданию современной канализации, которая бы позволяла активное использование ватерклозетов в больших зданиях, а также удаление сточных вод в городскую реку. Главный акцент был сделан на то, что удаление нечистот допустимо лишь после их очистки в большом загородном резервуаре, функционирующем с помощью метода «активного ила». Кроме того, Фаулер рекомендовал объединить все иностранные поселения и китайский город в единую систему водопотребления и водоотведения, указав на то, что решить проблему удаления нечистот в масштабах города иначе не удастся [22].

После отъезда Фаулера шанхайские власти приступили к реализации его плана. Но эта работа растянулась на годы. Она потребовала огромных финансовых расходов, сложных технических решений и непростых административных согласований. При этом шанхайские власти и инженеры были вынуждены отредактировать план Фаулера: из него было удалено китайское поселение, а вновь создаваемая система была предусмотрена только для Международного поселения. Но даже и с этими упрощениями процесс строительства всей системы был завершен только в 1930 г. Построенная система удаления нечистот представляла собой целую сеть труб, подведенных к более чем тысячам ватерклозетов и ванных комнат в больших зданиях. Эти трубы нисходили к большим магистралям, соединенным в большую сеть, промываемую водой, подаваемой через 19 насосных станций. Система была способна перекачивать ежедневно 1000 тонн нечистот. Все они удалялись в большой загородный резервуар, функционирующий по методу «активного ила» [ibid.]. Первый этап решения проблемы канализации и удаления нечистот в Шанхае был завершен.

Водоснабжение и санитария

В середине XIX в. Шанхай со всех сторон был окружен водой, но воды, доступной для постоянного употребления, в самом

городе было мало. Тем не менее в отличие от британской колонии на острове Гонконг, где основным источником воды были дожди и глубокие скважины, европейцы в шанхайских поселениях имели возможность брать воду из протекающей через город реки и соседних проток [8]. Доставкой воды, как в китайские домовладения, так и в дома европейцев, занимались многочисленные куливодоносы, чей нехитрый бизнес неплохо оплачивался их заказчиками. Пользуясь мутной водой из реки, китайцы предпочитали кипятить воду и заваривать чай, в то время как европейцы были склонны ее отстаивать и фильтровать и только после этого пить и использовать для приготовления пищи. Несмотря на то что и тот и другой метод в равной мере были нацелены на обеззараживание воды, с точки зрения европейцев, то, как пользовались водой китайцы, не могло предохранять от опасных болезней. Апеллируя к опыту санитарных реформ Парижа, Лондона и других крупных западных городов, европейцы отчетливо сознавали, что только потребление чистой воды может способствовать их безопасности и сохранению здоровья.

Согласно К. Макферсон, осознание того, что грязная вода может являться главной причиной многих заразных болезней, пришло к европейцам к началу 1870-х годов, прежде всего под влиянием открытий Джона Сноу, сделанных относительно холеры. Как в Лондоне, так и в Шанхае вода, взятая из реки, представлялась западным людям не просто как вместилище мутных примесей, но и как место существования бесконечного количества «ядов», способных не только нанести вред здоровью, но и убить человека [9].

Еще один важный аспект современной цивилизованной жизни, с точки зрения европейцев, заключался в том, чтобы воды, доступной для употребления, всегда было много. Достижение этой цели могло быть обеспечено только за счет применения промышленных методов доставки воды, связанных с созданием системы трубопроводного водоснабжения. С начала 1870-х годов строительство водопровода в Шанхае европейцами воспринималось как важнейшая задача, объединившая администраторов и общественность в иностранных поселениях. Впрочем, необходимость большого количества воды была обусловлена не одной, а, по крайней мере, тремя взаимосвязанными задачами. По мнению Синчен Ше-

на, большое количество воды в поселениях требовалось для (1) питья и употребления в пищу, (2) промывки канализации, (3) борьбы с пожарами. В частности, уже в 1866 г. в британском поселении была создана пожарная команда, но, несмотря на ее наличие, весь город в целом еще долго страдал от пожаров, поскольку снабдить пожарные команды достаточным количеством воды не представлялось возможным. Апофеозом этой безуспешной борьбы с пожарами стал 1870 год, когда в городе выгорело много домов, включая здание британского консула на набережной [22].

В 1870-е годы Муниципальный совет Шанхая взялся за разработку планов водоснабжения Международного сэттльмента, но был вынужден признать, что справиться с одиночку с этой трудной задачей нельзя. В связи с этим начался поиск подрядчиков. В 1875 г. свои услуги Шанхаю предложила шотландская компания «Лэйдлоу и сыновья», но затребованная цена показалась совету слишком высокой, а предложенный проект водоснабжения неприемлемым. В 1881 г. в конкурсе с участием четырех компаний победу одержала «Шанхайская водопроводная компания», которая предложила план, исключаящий использование средств городского бюджета и предполагающий создание акционерного общества. Между советом и компанией был подписан контракт, предполагающий завершение работ в течение пяти лет [21].

Когда наконец стартовало строительство, по всему городу были начаты обширные земляные работы, что вызвало массу неудобств для жителей в центральной части поселения. В Муниципальный совет посыпались жалобы, а санитарный врач города Эдвард Хендерсон стал требовать, чтобы с наступлением летней жары они были приостановлены, поскольку из-за раскопанной земли, с медицинской точки зрения, должны были активизироваться миазматические зловония и инфекционные болезни [ibid.]. Все это стало причиной замедления темпов строительства, тяжб между компанией и городскими властями, роста нервозности среди населения. Однако конфликтная ситуация вскоре была преодолена, были найдены более оптимальные методы строительства, учитывающие санитарные требования со стороны совета. В конечном итоге, Шанхайская водопроводная компания уже в 1883 г.

проложила все магистральные трубы и установила водонапорную башню, завершив основную часть работ раньше намеченного срока.

Завершение строительства потребовало от компании решения вопроса подключения к водопроводной сети как можно больше пользователей, включая китайское население Шанхая. Европейцы предполагали, что это не будет простой задачей, поскольку большинство китайцев привыкли пользоваться проточной водой и не доверяют воде из кранов. Для того чтобы преодолеть это культурное препятствие, агенты компании стали проводить рекламные акции, предоставляя воду видным представителям китайской общины и устраивая для влиятельных китайцев экскурсии на водонапорную башню. Когда, по мнению руководителей компании, лед, наконец, тронулся, китайцев стали приглашать в офис компании для заключения договоров о подключении к водопроводной сети. Но именно в этот момент стало понятно, что причиной предубежденности со стороны китайцев против подключения к водопроводу была не боязнь перед «водой из крана», а нехватка денежных средств на подключение. Осознав этот факт, руководство компании обратилось в администрации Международного селтльмента с просьбой взять на себя оплату подключения китайских домовладений, с тем чтобы компания могла компенсировать понесенные расходы. Но в англо-американском поселении администрация отказалась пойти на такие меры, ссылаясь на нехватку средств. Напротив, во французском поселении была изъявлена готовность такого рода, и там после строительства собственного гидроузла (с 1897 по 1902 г.), вплоть до середины 1900-х годов администрация не взимала плату с пользователей воды, оплачивая услуги компании из средств бюджета [22]. Что касается продажи воды китайцам в Международном селтльменте, то там она налаживалась неспешно, и у руководства компании было еще много поводов для того, чтобы переживать из-за упущенной выгоды.

К началу 1890-х годов санитарно-медицинская статистика, собранная доктором Хендерсоном в англо-американском поселении, показала, что с момента начала функционирования общегородской водопроводной сети смертность от болезней по сравнению с 1870-ми годами снизилась. Видя значительную пользу от существования водопровода, администрация Международного селтльмента стала задумываться над тем, чтобы выкупить у «Шан-

хайской водопроводной компании» ее собственность и взять дело распределения воды в городе в свои руки [8]. Но ни в 1888 г., ни в 1892-м попытки заключить сделку не удалось – сначала по юридическим причинам, а потом в связи с позицией налогоплательщиков. В 1893 г. качество воды, поставляемой компанией, ухудшилось, и это дало очередной повод городским властям попытаться перекупить у компании ее собственность. После того как это не удалось, администрация временно отказалась от своих планов. Вместо этого акцент был сделан на выработке новых санитарных норм, связанных с водопользованием. В 1890-е годы в поле зрения санитарного врача Хендерсона попали городские прачечные. В своих отчетах он сообщил о царившей там антисанитарии: там использовалась грязная вода, работницы жили прямо на своем рабочем месте, сушка и глажка белья осуществлялись самым неприемлемым способом. Пришедший на смену Хендерсону на место санитарного врача доктор Стенли продолжил работу в этом направлении. При этом он занимался активным санитарным просвещением, собрав вокруг себя целую группу молодых китайских врачей, с которыми активно делился своими санитарно-медицинскими знаниями [22]. Все эти усилия со временем принесли плоды. (1) Продолжающиеся попытки городских властей купить собственность водопроводной компании привели к тому, что между администрацией города и поставщиком водопроводных услуг установилось более тесное сотрудничество и достигнут новый уровень понимания. (2) Постоянные инспекции санитарных врачей в прачечные способствовали ознакомлению работающего китайского населения с санитарными требованиями властей. (3) Просветительская работа санитарных врачей среди молодежи вела к росту доверия китайской общественности к западной санитарно-медицинской науке.

В начале XX в. в связи с распространением модернизаторских взглядов среди китайской элиты некоторые представители китайского купечества в Шанхае стали вынашивать планы о создании собственной китайской водопроводной компании, которая бы могла обслуживать интересы китайцев, живущих за пределами европейских поселений. Выразителем этих взглядов стал имперский чиновник, директор Совета по общественным работам и смотритель городского арсенала Ли Пиньшу (1853–1922) [12].

В 1902 г. он возглавил работу по созданию китайской компании Shanghai Neidi Waterworks Company, которая, однако, из-за нехватки средств остановилась. Позднее средства были найдены, и в 1909 г. компания начала поставлять водопроводную воду в южную часть Шанхая. Реализация всего проекта заняла более четверти века, и лишь в 1929 г. все китайское население Шанхая получило доступ к водопроводной воде [11].

К началу 1920-х годов в Шанхае жили более 3 млн человек, и значительная часть населения имела возможность пользоваться современными водными технологиями – канализацией и водопроводом. В большом городе с его многоэтажными зданиями широко распространились туалеты с современным санитарно-техническим оборудованием, и уже не тысячи, а сотни тысяч людей могли на регулярной основе пользоваться чистой водопроводной водой и посещать комфортабельные уборные, а также быть защищенными от опасностей, связанных с распространением водных инфекций (холеры, брюшного тифа, дизентерии и пр.). Это время, однако, совпало с большими политическими потрясениями, охватившими всю территорию Китая и приведшими к тяжелым последствиям для огромной страны. В их числе были и холерные эпидемии, принесшие огромное число жертв. На этом фоне не только политическая, но и санитарно-эпидемиологическая обстановка в Шанхае выглядела более благополучно. Отчасти это даже был «Золотой век» Шанхая. Уровень благополучия, достигнутый шанхайцами, во многом базировался на том опыте, что был получен в рамках процесса санитарных реформ, начавшихся во второй половине XIX в. на небольшой территории европейских поселений, а затем вышедших далеко за их пределы.

Список литературы

1. Cong W., Megret F. “International Shanghai” (1863–1931) : Imperialism and Private Authority in the Global City // *Leiden Journal of International Law*. – 2021. – Vol. 34 (4). – P. 915–933.
2. Fowler G.J., Mumford E.M. Preliminary Note on the Bacterial Clarification of Sewage // *Journal of the Royal Society for the Promotion of Health*. – 1913. – Vol. 34 (10). – P. 497–500.
3. Gordon C. China from a Medical Point of View in 1860 and 1861, to Which is Added a Chapter on Nagasaki as a Sanitarium. – London : John Churchill, 1863. – 464 p.

4. Henderson J. Memorials : Medical Missionary to China. – London : James Nisbet, 1867. – 215 p.
5. Huang X. Deodorizing China: Odour, Ordure, and Colonial (Dis)order in Shanghai, 1840 s–1940 s // *Modern Asian Studies*. – 2016. – Vol. 50 (3). – P. 1092–1122.
6. Land Regulations and by-Laws for the Foreign Settlement of Shanghai : North of the Yang-king-pang; with Rules of Procedure to be Observed at Meetings of Ratepayers. 1869 // *Great Britain and Shanghai. Land Regulations*. – Shanghai : North-China Herald Office, 1907. – P. 664–687.
7. Lockhart W. The Medical Missionary in China: A Narrative of Twenty Years' Experience. – London : Hurst and Blackett, 1861. – 404 p.
8. MacPherson K.L. A Wilderness of Marshes : The Origins of Public Health in Shanghai, 1843–1893. – Lanham, MD : Lexington Books, 1987. – 362 p.
9. MacPherson K.L. Cholera in China, 1820–1930 : An Aspect of the Internalization of Infectious Diseases // *Sediments of Time : Environment and Society in Chinese History* / eds.: M. Elvin, T.J. Liu. – New York : Cambridge University Press, 1998. – P. 487–519.
10. MacPherson K.L. Designing China's Urban Future : The Greater Shanghai Plan, 1927–1937 // *Planning Perspectives*. – 1990. – Vol. 5 (1). – P. 39–62.
11. Nakajima C. Body, Society, and Nation : The Creation of Public Health and Urban Culture in Shanghai. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2018. – 312 p.
12. Richu D. Shanghai Capitalists Before the 1911 Revolution // *Chinese Studies in History*. – 1985. – Vol. 18 (3–4). – P. 33–82.
13. Shanghai Municipal Archive. Minutes of Shanghai of Municipal Council : in 28 vols. – Shanghai : Shanghai Classics Publishing House, 2001. – Vol. 1 : 1854–1863. – 567 p.
14. Shanghai Municipal Archive. Minutes of Shanghai of Municipal Council : in 28 vols. – Shanghai : Shanghai Classics Publishing House, 2001. – Vol. 3 : 1867–1869. – 544 p.
15. Shanghai Municipal Archive. Minutes of Shanghai of Municipal Council : in 28 vols. – Shanghai : Shanghai Classics Publishing House, 2001. – Vol. 4 : 1870–1871. – 678 p.
16. Shanghai Municipal Archive. Minutes of Shanghai of Municipal Council : in 28 vols. – Shanghai : Shanghai Classics Publishing House, 2001. – Vol. 16 : 1905–1907. – 549 p.
17. Shanghai Municipal Archive. Minutes of Shanghai of Municipal Council : in 28 vols. – Shanghai : Shanghai Classics Publishing House, 2001. – Vol. 17 : 1908–1910. – 526 p.
18. Shanghai Municipal Archive. Minutes of Shanghai of Municipal Council : in 28 vols. – Shanghai : Shanghai classics Publishing House, 2001. – Vol. 18 : 1911–1913. – 520 p.
19. Shanghai Municipal Archive. Minutes of Shanghai of Municipal Council : in 28 vols. – Shanghai : Shanghai Classics Publishing House, 2001. – Vol. 19 : 1914–1916. – 518 p.

20. Shanghai Municipal Archive. Minutes of Shanghai of Municipal Council : in 28 vols. – Shanghai : Shanghai Classics Publishing House, 2001. – Vol. 20 : 1917–1919. – 596 p.
21. Shanghai Municipal Archive. Minutes of Shanghai of Municipal Council : in 28 vols. – Shanghai : Shanghai Classics Publishing House, 2001. – Vol. 7 : 1877–1882. – 578 p.
22. Shen X. Engineering Shanghai : Water, Sewage, and the Making of Hydraulic Modernity. A Dissertation Presented to the Academic Faculty. – Atlanta : Georgia Institute of Technology, 2019. – 390 p.
23. Stanley A. Shanghai Municipal Council, Annual Report of the Public Health Officer // China Medical Journal. – 1918. – Vol. 32(3). – P. 279–281.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
2023 № 1

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман
Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 14.08.1999 г.

Подписано к печати 27.12.2022

Формат 60×84/16	Бум. офсетная № 1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 9,75	Уч.-изд. л. 8,0
Тираж 300 экз.	Заказ № 99
(1–100 экз. – 1-й завод)	

Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

